

Стрывокъ изъ «Исповѣди» Лачинова (*).

3-ю сентября, 1828 года.

Кр. Карсъ.

Давно уже не принимался я за мои записки, хотя имѣлъ много свободнаго времени; за то передъ отправленіемъ ихъ къ

(*) Евдокимъ Емельяновичъ Лачиновъ родился въ 1799 году, первоначально воспитывался въ московскомъ университетѣ, затѣмъ поступилъ въ училище колонновожатыхъ, основанное въ 1815 году генераломъ Н. П. Муравьевымъ (отецъ бывшаго намѣстника кавказскаго). При отправленіи генерала Ермолова посломъ въ Персію, въ 1816 году, Лачиновъ и Воейковъ (послѣдній уже свитскій офицеръ) были назначены въ распоряженіе Ермолова, при которомъ и оставались во все время пребыванія послѣдняго въ Персіи. По возвращеніи изъ Персіи и по выдержаніи экзамена въ училищѣ, Лачиновъ произведенъ въ прапорщики генеральнаго штаба въ 1818 году, съ оставленіемъ на нѣкоторое время при генералѣ Муравьевѣ, — въ скорости-же назначенъ былъ въ должность старшаго адъютанта, по квартирмейстерской части, въ штабъ 2-й арміи графа Витгенштейна. Разжалованный въ рядовые за участіе въ декабрьскихъ смутахъ 1825 года, Лачиновъ былъ назначенъ на службу въ войска кавказскаго корпуса; участвовалъ въ войнахъ персидской, турецкой и въ экспедиціяхъ противъ кавказскихъ горцевъ съ 1826 по 1833 годъ. Въ турецкую кампанію 1829 года произведенъ въ прапорщики и въ 1833 году уволенъ въ отставку.

Какъ сообщаютъ «Моск. Вѣдомости», Лачиновъ, 20-го августа, прошлаго 1875 года, скончался въ Москвѣ, 76 лѣтъ отъ роду.

вамъ писалъ слишкомъ много—до усталости и, по закону вознагражденія, существующему въ природѣ, мнѣ нуженъ былъ отдыхъ; теперь опять родится охота марать бумагу—и вотъ краткое изложеніе того, о чемъ я не говорилъ прежде.

Генералъ Красовскій (*), въ началѣ текущаго года, поручилъ мнѣ заняться составленіемъ подробнаго статистическаго описанія эриванской области. Чтобы исполнить это въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, нужно было приготовить программу, по которой-бы, собирая свѣдѣнія, можно было впоследствии склеить нѣчто цѣлое, хотя не-много соответствующее цѣли, важности предмета и занимательности мѣстъ, наполняющихъ эту классическую страну, эту колыбель древняго міра. Я видѣлъ невозможность съ успѣхомъ окончить столь обширное дѣло, требующее глубокихъ свѣдѣній; но отъ меня не требовали произведенія образцоваго, и поощряемый неизъяснимо лестнымъ для меня вниманіемъ, я съ полнымъ усердіемъ приступилъ къ

Помѣщаемый здѣсь отрывокъ, составляя только часть записокъ Лачинова, названныхъ имъ «*Моя Исповѣдь*»—изложенъ въ письмахъ къ друзьямъ или, быть можетъ, къ роднымъ (что вѣрнѣе), фамиліи которыхъ авторъ однако не называетъ, за исключеніемъ, впрочемъ, описанія экспедиціи противъ кавказскихъ горцевъ въ 1832 году, гдѣ Лачиновъ въ подстрочномъ примѣчаніи прямо указываетъ на генерала Фролова—начальника 22-й пѣхотной дивизіи, съ которымъ онъ велъ перенеску, завѣдывая въ то время канцелярією генеральнаго штаба при генералѣ Вельямновѣ, начальникѣ кавказской области.

Отрывки изъ *Исповѣди* будутъ печататься также и въ слѣдующихъ выпускахъ «Кавказскаго Сборника». Записки ведены были эпизодически.

Ред.

(*) Генералъ Красовскій въ 1827 и въ началѣ 1828 годовъ управлялъ вновь покоренною эриванскою областію и командовалъ расположенными въ оной войсками.

Ред.

работѣ. Никогда не трудился я съ такимъ рвеніемъ, потому что никогда не былъ такъ ободряемъ; рѣшительно могу сказать, что, кромѣ самыхъ необходимыхъ часовъ для сна, не давалъ я себѣ ни минуты отдыха—даже въ продолженіе обѣда не оставлялъ занятій своихъ и все дѣлалось такъ охотно, что не чувствовалъ надобности принуждать себя; напротивъ, меня до чрезвычайности занимало это порученіе, ибо я не успѣлъ еще отвыкнуть отъ сидячей жизни, къ которой приучила меня прежняя служба. Грудь моя начинала опять болѣть—я не заботился о томъ; генераль-же, ожидая отпуска къ водамъ, спѣшилъ для того, чтобы прежде отъѣзда видѣть начало своего предпріятія. Невозможное становится возможнымъ для начальника, одареннаго способностію владѣть волею подчиненныхъ своихъ. Я самъ не воображалъ, что, не имѣя никакихъ книгъ для руководства, прежде нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣю обдумать планъ, расположить порядокъ и составить подробнѣйшую программу, которая-бы могла быть утверждена его превосходительствомъ; вмѣсто того, недѣли въ двѣ все было готово и вопросы розданы по принадлежности. Я терпѣть не могу переписывать на-бѣло, а тутъ нетяготило меня и это; нѣсколько экземпляровъ программы и листовъ до 50-ти моихъ записокъ, которыя генераль хотѣлъ имѣть у себя, послѣли въ началѣ феврала, и я, сдѣлавшись свободнѣе, ожидалъ свѣдѣній отъ разныхъ лицъ—въ особенности отъ архіепископа Нерсеса, обширныя познанія котораго во всемъ, относящемся къ этому краю, могли ручаться за вѣрность нашихъ описаній. Отъѣзжая въ Тифлисъ, генераль взялъ меня съ собою, дабы дать мнѣ способъ воспользоваться замѣчаніями и наставленіями армянскаго ученаго Чирбета, бывшаго профессоромъ въ Парижѣ и извѣстнаго своими сочиненіями о востокѣ. Отъѣздъ его превосходительства въ Россію прекратилъ наши

занятіи и я отправился къ полку, прибывшему уже изъ Эривани къ турецкой границѣ; но прежде нежели пушусь въ настоящее, сообщу вамъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о прошедшемъ.

Вы знаете уже, каковы весна и лѣто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ въ минувшую войну,—теперь поговоримъ объ остальныхъ временахъ года.

Вспомните, что въ Джангили зной усилился въ августѣ мѣсяцѣ, тоже было и въ эриванской равнинѣ, что мы весьма испытали 17-го числа, въ день жестокой битвы съ главною персидскою арміею. Въ Эчміадзинѣ, около 20-го числа, пошелъ дождь съ градомъ и дня три стояла довольно холодная погода, на большомъ Араратѣ много прибавилось снѣга, забѣлѣли вершины и маленькаго братца его и Алагѣза и другихъ подростковъ ихъ. Послѣ этого перелома жары стали сносны. Чѣмъ далѣе, тѣмъ время становилось пріятнѣе, ночи постепенно дѣлались холоднѣе, но дни и въ началѣ декабря были довольно теплые. Наконецъ, установились морозы, доходившіе градусовъ до 13-ти; выпадалъ снѣгъ, таялъ при солнцѣ и вообще во всю зиму не держался въ равнинѣ, тогда какъ не только на высокихъ горахъ, но и на возвышенностяхъ, ее окружающихъ, была зима, очень похожая на вашу,—рѣки однако не замерзали, хотя жители увѣряютъ, что Заига весьма часто покрывается льдомъ.

Въ февралѣ начались весеннія оттепели, 21-го числа я оставилъ Эривань и не знаю когда установилась тамъ настоящая весна. Мы ѣхали чрезъ делижанское ущелье, гдѣ всегда идутъ вьючные караваны зимою, когда сообщеніе чрезъ Башъ-абаранъ дѣлается невозможнымъ, по причинѣ сильныхъ метелей, въ мѣстахъ не населенныхъ. И по нашей дорогѣ едва была пробита тропинка; встрѣчающіеся, сворачивая съ нее, вязли въ снѣгу, изъ коего лошади съ трудомъ выбивались,—для верблюдовъ-же

нужно было прорывать обходъ—иначе они ни за что въ свѣтъ не рѣшались посторониться.

Такъ было до границъ Грузіи, гдѣ разительная перемѣна представилась намъ. Спускаясь въ ущелье къ с. Делижану, мы въѣзжали въ царство весны. Прекрасный лѣсъ обрадовалъ глаза наши, до-селѣ страдавшіе отъ утомительной бѣлизны снѣга, ярко отражающаго лучи солнца; деревья развивались, теплота оживляла насъ. Съ этой стороны сама природа отдѣляетъ Грузію отъ эриванской области, на которую положена печать отверженія.

Дорога эта можетъ быть исправлена для прохода повозокъ—но ней отъ Эривани до Тифлиса около 260 верстъ.

Верстахъ въ 10-ти отъ Тифлиса, близъ сел. Саганлуга, путь этотъ соединяется съ тѣмъ, по которому шли войска въ Персію, черезъ Коды и Шулаверы. Надъ берегомъ быстрой Куры устроена отличнѣйшая дорога. Сады, протягивающіеся по обоимъ берегамъ, госпитальныя строенія за рѣкою, непрерывное движеніе туда и сюда ѣдущихъ и мало по-малу открывающійся Тифлисъ, съ множествомъ прекрасныхъ зданій своихъ, не можетъ не нравиться—особенно въ странѣ пустоты, дикости, унынія и всего непріятнаго.

Я не замѣтилъ, чтобы въ городѣ вновь были выстроены хорошіе дома, которые-бы могли украсить его,—не смотря на то, Тифлисъ принялъ совершенно другой видъ со времени прибытія военнаго губернатора Сипягина. Многія площади выровнены, улицы также, сдѣланы тротуары, фасадамъ домовъ и лавокъ приданы украшенія, раскрашенные заборы скрываютъ поодѣланное,—порядокъ, устройство, чистота, показываютъ дѣятельность полиціи. Словомъ, лучшія части города достигаютъ возможнаго совершенства, и если генераль Сипягинъ долго пробудетъ здѣсь, то не мудрено, что Тифлисъ

станетъ красивѣе Москвы. Плѣнные персіяне не даромъ ѣли хлѣбъ русскій—они много помогли этому быстрому измѣненію. Аббасъ-Мирза долженъ быть очень благодаренъ за образованіе воиновъ его, между коими найдетъ теперь искусныхъ исправителей дорогъ, строителей мостовъ, нивелировщиковъ, каменщиковъ и проч. У него не было піонеровъ—теперь они готовы.

Желающіе могутъ весьма пріятно проводить время въ Тифлисѣ, общество здѣсь очень хорошее, но многіе жалуются на несогласіе его—впрочемъ, это вещь весьма обыкновенная,—развѣ въ другихъ мѣстахъ всѣ живутъ ладно, развѣ въ другихъ мѣстахъ не бываетъ маленькихъ ссоръ, небольшихъ сплетень, певиннаго злословія и тому подобныхъ развлеченій.... Мнѣ кажется, гдѣ столкнулись четыре мужчины и три женщины—тамъ вѣрно найдете пять партій..... *Ainsi va la monde.*

При встрѣчахъ генерала Красовскаго было замѣтно нѣчто болѣе присвоеннаго его чину—это личное уваженіе. Депутація армянъ тифлисскихъ благодарила его за услуги, оказанныя имъ народу армянскому. Патріархъ церкви ихъ, Ефремъ—старецъ, ступающій въ гробъ, благодарилъ его за избавленіе первопрестольнаго монастыря Эчмιάдзина отъ мести враговъ христіанства и за пощеченія объ угнетенныхъ чадахъ его (*).

Здѣсь получилъ я увѣдомленіе о производствѣ моемъ въ унтеръ-офицеры; миръ съ Персіею былъ заключенъ 10-го февраля, въ селеніи Туркменчаѣ, но загорающаяся война съ Турціею подавала мнѣ новую надежду—обратить на себя вни-

(*) Генераль Красовскій, съ 3-хъ-тысячнымъ отрядомъ, 17-го августа, 1826 года, при сел. *Учананъ*, разбилъ 30-ти-тысячное скопище персіянъ, и тѣмъ избавилъ отъ гибели эчмιάдзинскій монастырь.

маніе пачальства и, освободясь изъ настоящаго положенія, успокоить людей, принимавшихъ во мнѣ участіе.

28-го апрѣля генераль отправился въ Россію, а въ первыхъ числахъ мая и я выѣхалъ изъ Тифлиса, по прошлогдней дорогѣ на Джелаль-Оглу и Амамлы, откуда шли тогда черезъ Памбу; теперь-же взялъ я впрво на Бекантъ, въ с. Гумри (*), до котораго отъ Тифлиса менѣе 200 верстъ. Мѣста эти лежатъ на возвышенностяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ были-бы хороши, если-бы лѣсъ былъ ближе. Грунтъ земли прекрасный и жители могли-бы быть весьма достаточны, когда-бы полная увѣренность въ постоянной безопасности измѣнила ихъ образъ жизни и образовала изъ нихъ хорошихъ домоводовъ.

Перейдя кавказскую линію, вы не встрѣчаете почти пигдѣ постоянной осѣдлости,—видимое изобиліе зажиточныхъ селеній русскихъ, рѣдко гдѣ порадуешь сердце ваше—деревни болѣе похожи на продолжительный лагерь, нежели на вѣковое жительство,—необходимость издавна ввела обычай скрывать достатокъ свой. Привыкнувъ бояться другъ друга, грабить одинъ другаго—обитатели несчастныхъ этихъ странъ, сообразно съ тѣмъ, устраиваютъ и хозяйство свое. Земля служить хранилищемъ всѣхъ ихъ сокровищъ, ямы готовы, лишнія вещи всегда въ нихъ спрятаны; при малѣйшей опасности, остальные туда-же зарываются, и семейства, забравши только самое необходимос, уносятъ въ неприступныя горы, ущелья, непроходимые лѣса и жизнь, и страхъ свой. Не такъ-ли бѣдовали и предки наши, не такую-ли жизнь владчили и всѣ народы прежде, нежели благоприятныя обстоятельства паучили ихъ наслаждаться ею?

Вы, народы дикіе, никогда еще не прославленные граж-

(*) Нынѣшній Александрополь.

данственностію, образованіемъ своимъ, вы можете быть увѣрены, что придетъ и ваша чередъ—блистать на театрѣ міра; но ты, нѣкогда знаменитая Армснїя, ты, оставившая памь столько памятниковъ могущества, богатства и искусствъ своихъ, памятниковъ, доселѣ изумляющихъ насъ—что предстоитъ тебѣ? Явишься-ли ты снова па поприщѣ славы, или грустнымъ сынамъ твоимъ опредѣлено вѣчно унылое существованіе. Важныя событія должны раскрыться въ нашемъ столѣтіи, ему, кажется, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: могутъ-ли возрождаться царства, отжившія свой вѣкъ? Умы и души всѣхъ обращены на Грецію и съ невольнымъ трепетомъ сердца каждый ожидаетъ развязки великаго дѣла.

Человѣкъ рождается, растетъ, живетъ, дряхлѣетъ и смерть уноситъ его въ вѣчность безъ надежды на возвращеніе къ прежнему. Этимъ путемъ слѣдуютъ и гражданскія общества; по нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ скрылись съ лица земли и, сохраняя хотя тѣнь бытія своего, все еще существуютъ,—могутъ-ли эти питать надежду, снова приблизиться къ цвѣту лѣтъ своихъ? Законъ природы и соображеніе причинъ, долженствующихъ имѣть вліяніе на будущую участь ихъ, убѣждаютъ меня, что возрожденія не будетъ; по блистательная кончина, послѣ унижительной, бѣдственной старости, можетъ быть удѣломъ нѣкогда знаменитыхъ. Такъ, мужъ достойный, гонимый рокомъ, оканчиваетъ иногда политическую жизнь свою,—но благоприятныя для него обстоятельства нерѣдко вызываютъ его опять на ту стезю, по коей онъ столь славно протекалъ, и послѣднія минуты его земнаго существованія часто блистаютъ ярче прежнихъ. Почему тоже не можетъ случиться и съ цѣлымъ народомъ? Но герой тотъ никогда не возвращается отъ лѣтъ преклонныхъ къ лѣтамъ мужества; ослабѣли силы его и долженъ покориться неизмѣнному правилу, на которомъ устроилъ

премудрый Зиждитель все твореніе свое. Тоже должно совершаться и съ царствами—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.....

4-го сентября.

Въ Гумрахъ назначено было сборное мѣсто войскъ, вступающихъ въ Турцію; въ іюнѣ стянулись туда всѣ отряды, транспорты, парки, артилерія и прибылъ корпусный командиръ, а 14-го числа (*) перешли р. Арпачай—нашу границу.

Какая разница съ Персією! Повсюду растиались передъ нами плодоносныя нивы, тучныя пастбища и нигдѣ безплодіе не оскорбляло взора,—воздухъ прекрасный и здоровый. Мнѣ ежеминутно воображались ваши мѣста, только горы окрестныя выше вашихъ и мѣстами скалистые берега рѣчекъ нарушали подобіе. Повторяю—это не Персія, здѣсь весьма возможно жить и человѣку, котораго ничто особенное не привязываетъ къ Россіи, много выгодъ пайдетъ онъ оставаться тутъ, когда области эти поступятъ подъ наше правленіе. Рѣшительно скажу, что немногія изъ лучшихъ губерній сравняются съ ними, жаль только, что по дорогѣ нашей ни-гдѣ не было кустарниковъ,—за то другія части карскаго пашалыка (а также и ахалцхскій) изобилуютъ огромными строевыми лѣсами, откуда вывозятъ дерево и въ пограничную Грузію, и въ эриванскую, и нахичеванскую провинціи, названныя нынѣ армянскою областію.

Главныя занятія жителей состоятъ въ скотоводствѣ и земледѣльствѣ, хлѣба имѣютъ они въ изобиліи, не только для собственныхъ потребностей, но и продаютъ въ Эрзерумъ, Баязетъ, Грузію, армянскую область, снабжая имъ и куртинцевъ. Если, по присоединеніи этихъ пашалыковъ къ нашимъ владѣніямъ, отрасли сельскаго домоводства поощреніемъ приве-

(*) 14-го іюня 1828 года.

дены будутъ въ надлежащее положеніе, то я увѣренъ, что для войскъ грузинскихъ не будетъ надобности въ доставленіи провіанта изъ Россіи, что составляетъ величайшія для казны издержки. Думаю также, что, обративши на этотъ предметъ настоящее вниманіе, можно въ нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, за потребленіемъ, приготовить такіе запасы, которые, обезпечивъ на значительное время продовольствіе корпуса здѣшняго, предохранятъ и жителей Грузіи отъ недостатка, нынѣ существующаго въ мѣстахъ раззоренныхъ въ 1826 году персіянами, гдѣ, по причинѣ смутныхъ обстоятельствъ и по немѣнью сѣмянъ, обыватели съ тѣхъ поръ не засѣваютъ полей своихъ, кое-какъ перебиваясь для прокормленія семействъ, большею частію довольствующихся кислымъ молокомъ, сыромъ, различными солеными травами и т. п., не имѣя иногда куска хлѣба.

Сколько я успѣлъ узнать, то населеніе карскаго пашалыка нельзя назвать малымъ, хотя на пути нашемъ не слишкомъ много деревень, и въ тѣхъ не было ни души—армянь угнали турки далѣе, во внутренность, опасаясь ихъ преданности къ русскимъ, татары-же сами оставили жилища свои, избѣгая ужасовъ войны. Имъ простиительно—они судятъ по себѣ и не вѣрятъ, что непріятель можетъ не только не грабить, но даже оказывать помощь покорнымъ. Впрочемъ, для насъ уходъ ихъ былъ выгоденъ, потому что еслибъ они остались, то домовъ не стали-бы ломать, и мы нуждались-бы въ дровахъ.

Авангарду случилось сталкиваться съ турецкими разбѣдами, мы-же, не встрѣчая нигдѣ ни малѣйшаго препятствія ни отъ непріятеля, ни отъ дороги, которая вездѣ хороша, остановились 18-го числа почевать верстахъ въ 5-ти отъ Карса, по прямому направленію, близъ сел. Азаткева.

На другой день двинулись въ боевомъ порядкѣ для обозрѣнія крѣпости, авангардъ скоро встрѣтилъ толпы непріятель-

ской конницы и пошла перестрѣлка; приближеніе главныхъ силъ нашихъ отодвигало мало по малу наѣздниковъ; наконецъ, подойдя къ скату послѣднихъ высотъ, мы остановились противъ крѣпости, ближе пушечнаго выстрѣла.

Небольшое число непріятеля разсыпалось внизу и по обѣимъ сторонамъ рѣчки, выискивая мѣста, куда ударить; большая-же часть бросилась къ правому флангу нашему, гдѣ на прекрасной равнинѣ загоралось славное кавалерійское дѣло. Линейные казаки доказывали, что они не напрасно славятся храбростію и искусствомъ своимъ; воспитанники горцевъ, они не боятся своихъ истинно-воинственныхъ сосѣдей, — туркамъ-ли, страшнымъ только въ первомъ натискѣ, испугать молодцевъ этихъ, линейцы-ли будутъ ожидать на себя нападенія непріятеля, когда сами могутъ ударить на него? Они не любятъ тратить порохъ и пули—холодное оружіе вѣрнѣе имъ кажется; человѣкъ до 500 самыхъ ближайшихъ, слѣдовательно, самыхъ запальчивыхъ турокъ, гарцовали передъ ними—ихъ было не болѣе 150 человѣкъ, по они не думали о томъ и стояли, потому что не велѣно было нападать; не слишкомъ совались и османы, видя непоколебимую стойкость удалыхъ, концы сердца кипѣли нетерпѣніемъ—смирить кичливость гордыхъ всадниковъ, по еще было не время. Наконецъ, пришло ожидаемое позволеніе—шашки въ руки, ногойки хлопнули по бокамъ коней и исчезло пространство, раздѣляющее противниковъ: все смѣшалось и началась потѣха на черкесскій образецъ. Валится прострѣленный казакъ, но не одного турка растоптали уже конята лошади его и скоро делибашы (обрекшіеся на смерть) понеслись искать не смерти, а спасенія въ бѣгствѣ, не заботясь болѣе объ увозѣ труповъ погибшихъ своихъ товарищей. Я не видывалъ подобной картины; вотъ совершенная отважность, и мнѣ кажется, что,

не имѣя полной увѣренности въ ловкости своей, нельзя такъ рѣшительно бросаться въ средину непріятеля, несравненно легче идти сомкнутымъ строемъ. Что касается до меня, то я охотнѣе соглашусь вдвое долѣе стоять подъ картечью, нежели быть въ такой кашѣ. Не гуляли и уланы наши; живописныя, правильныя движенія ихъ и стройныя нападенія устрашали турокъ. Но гдѣ драгуны гроза лучшихъ наѣздниковъ Персіи? Всегдашніе противники лезгинъ—они привыкли къ боевой жизни и дышать войною. Едва-ли храбрѣйшій изъ полковъ европейской кавалеріи устоитъ противъ рѣшительныхъ ударовъ ихъ фронта, и никакія толпы азіятцевъ не выдержатъ отчаяннаго напора ихъ; соединяя достоинство войскъ регулярныхъ съ частною ловкостію и отважностію наѣздниковъ,—драгуны наши столько-же будутъ ужасны первымъ, какъ и послѣднимъ. И кони ихъ, питомцы горскихъ табуновъ, неутомимые, послушные, смѣлые, быстро разносятъ гибель повсюду, нѣтъ имъ препятствій—они съ малолѣтства привыкли скакать по камнямъ, взбираться на скалы, спускаться съ утесовъ и кажется съ кровью вливается въ нихъ безстрашіе и бодрость. Надобно видѣть нижегородскій драгунскій полкъ—что за люди, широкоплечіе усачи эти, безъ сомнѣнія, не повторяютъ сабельныхъ ударовъ своихъ—и одного достаточно для сильнѣйшаго изъ враговъ; но въ этотъ день они не испытали тяжести руки драгуновъ и напуганные линейцами, обратились въ бѣгство, а гранаты и другія закуски совсѣмъ отогнали ихъ; но огонь съ башенъ не умолкалъ, только напрасны были усилія сбить насъ съ мѣста. Воображаю изумленіе жителей.

Изъ города, расположеннаго амфитеатромъ, имъ все было видно, какъ на ладонѣ. Что должны были они думать, смотря на сражающихся подъ стѣнами ихъ и въ особенности, замѣчая спокойную готовность пѣхоты нашей; тамъ резервы,

облокотясь на ружья, ожидаютъ приказанія двинуться на подкрѣпленіе стрѣлковъ своихъ, здѣсь ружья составлены въ козлы и люди лежатъ вблизи—ядра и гранаты валяются вокругъ, не разстроивая ихъ положенія. Это не люди—должны были думать осажденные—и сомнѣнія нѣтъ, что день этотъ имѣлъ большое вліяніе на духъ гарнизона, который не могъ уже вполне сохранить надежду противустать столь необыкновенному мужеству. И въ самомъ дѣлѣ, кого не изумитъ такое хладнокровное невниманіе къ смерти. Надобно отдать справедливость кавказскому корпусу—у него могутъ учиться воевать самыя лучшія войска въ свѣтѣ.

По окончаніи рекогносцировки отошли въ лагерь, на правомъ берегу рѣки, по эрзерумской дорогѣ, на которую стали мы, сдѣлавши 18-го числа фланговое движеніе отъ сел. Меликѣва.

Отъ Гумръ до Карса верстъ 70-ть.

Кр. Карсъ расположена на утесистомъ изгибѣ рѣчки Карсъ-чаѣ и совершенно неправильной фигуры. Восточный и сѣверный фасы, составляя между собою тупой уголъ, имѣютъ сажень по 300 длины,—южный, начинаясь отъ ю.в. башни прямою линіею, потомъ изгибается и, сливаясь съ западнымъ, описываетъ родъ дуги, заключающей въ изломахъ своихъ вмѣстѣ съ прямою линіею саж. 450.

Цитадель неприступна съ внѣшнихъ сторонъ (сѣверной и западной, висящихъ надъ непроходимыми скалами, возносящимися надъ рѣчкою); отсюда крѣпость ограждена только одною стѣною, но остальные бока защищаются двумя, изъ коихъ внутренняя выше наружной,—онѣ построены изъ гладкихъ, довольно большихъ каменныхъ плитъ, довольно высоки, не толсты и, конечно, не могутъ выдержать столь сильнаго дѣйствія осадныхъ орудій, какъ кирпичныя въ Сардаръ-абадѣ

и Эрпвани; однако, недостатокъ этотъ вознаграждается мѣстностію и вооруженіемъ: нѣсколько башень, весьма хорошо сложенныхъ и усѣянныхъ пушками, защищаютъ каждый фась. Близъ западнаго—лежитъ армянскій форштатъ, отдѣляясь отъ него рѣкою, на коей три моста каменныхъ, прекрасно устроенныхъ; два татарскихъ форштата примыкаютъ къ южной и восточной стѣпамъ и надъ послѣднюю возвышается Карадагъ (черная гора), командующая крѣпостію, но ее обстрѣливаютъ 22 орудія и при хорошемъ ихъ дѣйствіи едва-ли непріятельская батарея долго удержится на пей. У подошвы горы лежитъ наша дорога изъ Гумръ и какъ высота эта въ 1807 году была занята русскими, принужденными впослѣдствіи безъ успѣха снять осаду (*), то на вершинѣ ея турки устроили теперь каменный редутъ для 4-хъ орудій, съ деревяннымъ брустверомъ, и соединили его ровомъ съ крѣпостію, проводя также ровъ со стороны равнины къ концу форштата.

Смотря на эти работы, нельзя не жалѣть о тѣхъ, которыхъ изнурили столь бесполезными трудами, —падобно сказать, что верстъ на нѣсколько вокругъ Карса земля чрезвычайно камениста; взглянувши въ ровъ, вы видите глыбы камня и аспида, взломанныя и взорванныя порохомъ, а во мпогихъ мѣстахъ ничто не помогало и по неволѣ оставлены проходы. До 10-ти тысячъ человекъ

(*) Въ 1807 году генераль-маіоръ *Несвѣтасевъ*, съ отрядомъ изъ 5-ти бат. пѣхоты и 2-хъ казачьихъ полковъ, прийдя къ Карсу, повелъ атаку съ карадагскихъ высотъ и хотя скоро овладѣлъ деревянной балнею, но былъ отбитъ огъ предмѣстія *Байрамъ-Паши* и принужденъ былъ отступить. Неудачу эту надо, впрочемъ, отнести скорѣе къ перѣшительности дѣйствій съ нашей стороны, бывшихъ слѣдствіемъ, по всей вѣроятности, малочисленности отряда и недостатка въ артилеріи, чѣмъ къ силѣ крѣпости. См. ст. г. Маламы—«Историческій очеркъ Карса», стр. 5.

ежедневно стогнали на работу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не сдѣлали никакой пользы, а вѣроятно многіе здоровьемъ и жизнию заплатили за столь мудрое распоряженіе своихъ повелителей.

Южный форштатъ, лежащій со стороны обширной равнины на небольшомъ возвышеніи, обрывающемся высокимъ утесомъ къ рѣчкѣ, сверхъ множества огней съ трехъ-ярусныхъ батарей и изъ цитадели, защищается отдѣльными башнями, соединенными стѣнкою для ружейной обороны, и осаждающему трудно устроить тутъ свои батареи—ихъ могутъ задушить, а онѣ, кромѣ ю.в. угла, не будутъ вредить укрѣпленіямъ, прикрытымъ строеніями.

Остаются только высоты надъ армянскимъ форштатомъ и одно возвышеніе на противоположномъ (правомъ) берегу рѣки, представляющія нѣкоторую возможность приступить къ осадѣ; отсюда начались наши атаки.

23-го сентября.

Невыгодное для насъ мѣстоположеніе, каменистый грунтъ, препятствующій осаднымъ работамъ, совершенное неимѣніе лѣса на туры и фашины, должныствовали очень затруднять инженеровъ нашихъ и, вѣроятно, были причиною, замедлявшею начало рѣшительной осады. Въ три дня ничего не сдѣлаю важнаго, кромѣ того, что заняты нѣкоторыя высоты, не слишкомъ упорно удерживаемыя осажденными, которыя между тѣмъ рылись, какъ кроты, устраивая свои внѣшнія укрѣпленія; ничто не было забыто: бревны, камни, шанцы, батареи, должныствовали на каждомъ шагу затруднять наше приближеніе. Множество разноцвѣтныхъ знаменъ развѣвались въ этихъ укрѣпленіяхъ, густыя толпы, раскиданныя на большомъ

пространствѣ, показывали силу гарнизона, частые выстрѣлы по вѣсѣмъ направленіямъ, многочисленность ихъ артилеріи.

Наконецъ, съ 22-го па 23-е іюня и намъ приказано вѣзаться за дѣло; къ разсвѣту на возвышеніяхъ лѣваго берега сдѣланы двѣ батареи, противъ западной стороны укрѣпленій, а на правомъ—главная, образующая первую параллель. Дабы скрыть отъ осаждаемыхъ настоящія намѣренія наши, съ вечера еще, часть кавалеріи, съ 4-мя конными орудіями, пошла къ укрѣпленію Карадагъ, а баталіонъ пѣхоты, при двухъ легкихъ орудіяхъ, растянувшись какъ можно длиннѣе, заходилъ въ тылъ цитадели. Гарнизонъ, считая движенія эти за приготовленія къ дѣйствительному приступу, почти всѣ силы свои обратилъ къ угрожаемымъ мѣстамъ, производя сильный пушечный и ружейный огонь на стукъ барабановъ, звукъ трубъ и громогласное ура, мало препятствуя въ тишинѣ производимымъ траншейнымъ работамъ.

Съ восхожденіемъ солнца, дѣйствіе 20-ти батарейныхъ орудій, 6-ти легкихъ и 4-хъ мортиръ изумили турокъ; цитадель, крѣпость и башни фортштата начали отстрѣливаться, дымъ, не успѣвая разпоситься, покрылъ окрестности; непрерывныя взрывы грапатъ и бомбъ, свистъ ядеръ, показывали, что съ обѣихъ сторонъ не шутя намѣрены драться и что не легко будетъ овладѣть Карсомъ. Брустверы папихъ батарей загорались отъ вспышекъ пороха при своихъ выстрѣлахъ и разваливались отъ непріятельскихъ, очень мѣтко пускаемыхъ.

Съ нашей стороны понесли уже нѣсколько человѣкъ раненыхъ; положеніе турокъ было еще хуже. Скоро замѣчено волненіе между защищающими укрѣпленную высоту надъ армянскимъ фортштатомъ, и командиръ роты 39-го егерскаго полка, прикрывавшей всю ночь работы центра, рѣшился безъ приказанія двинуться впередъ и занять лабище. Пули и кар-

течь посыпались на приближающихся, но Лабинцовъ, видя возможность овладѣть высотой и батареею, на оной устроенною, дождавшись на своемъ мѣстѣ егерей 42-го полка, бросился на шанцы непріятельскіе. Пустивши батальный огонь, турки не успѣли болѣе зарядить ружья и такимъ-же образомъ, разрядивши пистолеты свои, принялись за сабли, кинжали, а нѣкоторые вздумали отбиваться камнями,—безъ выстрѣла подошли наши къ шапцамъ и закипѣла рукопашная схватка. Ужасны были минуты эти; двѣ роты 42 егерскаго полка, поспѣшавшія съ кладбища на подкрѣпленіе Лабинцову, видятъ, что новыя толпы бѣшеннхъ несутся на нихъ и продолжаютъ путь. Съ яростнымъ крикомъ напали турки—и рѣзня распространилась: храбрость должна была уступить множеству. Сомкнувши роту свою, Лабинцовъ, всегда впереди, бросается въ сѣчу и принятый съ двухъ сторонъ штыками, непріятель смѣшался и побѣжалъ. Егеря заняли батарею, гдѣ взяли 4 знамя, 2 орудія, палатки и множество разнаго оружія; кучи камней, другой рядъ шанцевъ, другое кладбище, начинающіяся строенія, на каждомъ шагу представляли бѣгущимъ возможность останавливаться и оказывать необыкновенно упорную защиту; но нельзя уже было удержаться имъ—не успѣвали они устроиваться, штыки уничтожали всѣ покушенія и на плечахъ спасающихся внеслись мы въ форштаты. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ засѣли въ домахъ, другіе разсыпались по улицамъ, третьи стремя главъ бѣжали къ крѣпости. Много нашихъ побито и переранено изъ оконъ, каждое строеніе надо было брать штурмомъ, но никакія препятствія не могли остановить предпріимчивыхъ, и скоро весь армянскій форштатъ очищенъ съ помощію остальныхъ ротъ 42-го егерскаго полка и 2-го баталіона 39-го.

Когда здѣсь свирѣпѣло столь жестокое пораженіе, двѣ ро-

ты грузинскаго гренадерскаго полка, въ бродъ, неся сумы съ патронами на головахъ, перешли черезъ рѣку, потомъ черезъ крайній мостъ и съ баталіономъ эриванскихъ карабинеровъ заняли южный форштатъ; части этихъ-же полковъ овладѣли Карадагомъ, а три роты ширванскаго съ 2-мя орудіями, спустясь съ горы, стали противъ западныхъ воротъ, сверхъ того, до 20-ти орудій разставлены въ разныхъ мѣстахъ и всѣ пушки, найденныя въ занятыхъ нами укрѣпленіяхъ, тоже обращены были противъ крѣпости и безъ пощады громили ее. Все это сдѣлалось такъ быстро и съ такимъ неизъяснимымъ единодушіемъ, что отчаянно защищающіеся турки, совершенно потерялись и не понимали, что вокругъ ихъ происходитъ, а непрерывная пушечная пальба со всѣхъ сторонъ еще сильнѣе распространяла между ними ужасъ. Нѣсколько разъ опускались знамена на башняхъ, въ знакъ того, что крѣпость покоряется,—отбой прекращалъ ружейный огонь, умолкали и орудія. Вдругъ раздавался выстрѣлъ съ крыши, или изъ окна, мало по малу, снова загоралась стрѣльба и снова свистѣли пули, лопались гранаты и сыпалась картечь. Болѣе десяти разъ повторялось это; но вотъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, показались наши на стѣнахъ, на бастіонахъ—и стихъ звукъ оружія и прекратилось кровопролитіе—турки, видя невозможность устоять, рѣшились сдаться. Испуганный паша съ важнѣйшими чиновниками скрылся въ цитадель, пославши къ графу съ предложеніемъ условій. Вся крѣпость въ нашихъ рукахъ и часть войскъ стояла у запертыхъ воротъ цитадели, и стѣны оной усѣяны были гарнизономъ, который съ обращенными на насъ ружьями, ожидалъ окопчанія переговоровъ. На улицахъ страшное смятеніе, вооруженныхъ непріятелей повсюду гораздо болѣе, нежели нашихъ, но они испытали, что ни многолюдство, ни завалы, ни самыя стѣны, не спаса-

ютъ ихъ и жестокий урокъ, имъ данный, отнималъ у самыхъ рѣшительныхъ послѣднюю отважность; всякій увѣрился въ возможности противостоять, и ожидая грабежа, убійствъ, удивлялись, видя, что за нѣсколько минутъ, столь ужасные воины, все истребляющіе, смирно стояли, отдыхая на ружьяхъ своихъ, на которыхъ не запеклась еще кровь мусульманская. Иные, улыбаясь, смотрѣли на проходящихъ противниковъ, разговаривая съ товарищами, иные отирали потъ, пыль съ разгорѣвшагося лица своего,—а тутъ, обрызганный мозгомъ убитаго, очищаль съ себя бѣдственные признаки сраженія.

Корпусный командиръ прибылъ изъ лагеря на главную батарею, къ нему и отъ него скакали офицеры съ донесеніями и приказаніями, важные турецкіе чиновники тихо ѣздили на гордыхъ жеребцахъ своихъ, сохранившихъ свойственную имъ бодрость и въ тѣ минуты, когда сердца всадниковъ наполнялись уныніемъ и робостію. Пѣшіе продирались между нами, конница, остановившаяся въ разныхъ мѣстахъ, кидала свирѣпыя взгляды, но взгляды эти никого не пугали. Быстро приготовлены средства—заставить трепетать засѣвшихъ въ цитадели, если-бы они осмѣлились держаться; но они все видѣли, отворили ворота, и съ покорностію предсталъ блѣдный паша передъ графомъ Эриванскимъ.

Болѣе 1350 человекъ достались въ плѣнъ во время приступа, въ цитадели взято 5-ть тысячъ, въ томъ числѣ двухбунчужный—Магметъ-Эмнинъ-паша, начальникъ кавалеріи—Валиага, и много разныхъ чиновниковъ. Тысячи три конныхъ успѣли пробиться между кавалерійскими разѣздами нашими и скрылись въ горахъ. Убитыми и ранеными турки потеряли до 2-хъ тысячъ,—всего-же гарпизона было до 11-ти тысячъ. Въ крѣпости и на батареяхъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 30 знаменъ, приобрѣтены огромные артилерійскіе запасы,

множество разнаго рода оружія, піонерныхъ инструментовъ и большой хлѣбный магазинъ.

Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 33, ранено штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 216.

Такъ покоренъ Карсъ, отъ твердынь коего съ стыдомъ удалились несмѣтныя полчища грознаго Надиръ-шаха. Азіяты новѣйшихъ временъ почитали крѣпость эту неприступною, — турки, зная всѣ способы свои и полагаясь на дерзкую храбрость, многочисленность отборныхъ войскъ, призванныхъ на защиту ея, не понимали, какъ могло случиться столь неожиданное происшествіе; мы сами не можемъ безъ удивленія вспомнить всѣхъ подробностей, коимъ подобныхъ, кажется, не представляетъ военная исторія. Бывали штурмы, но самый удачный всегда сопровождался значительною потерей; здѣсь-же убито 34 человека, а раненые, почти всѣ, давно вступили въ свои мѣста. Кавказскій корпусъ, привыкшій къ блистательнымъ подвигамъ оружія своего, не помнитъ подобнаго. Въ военной наукѣ говорится о взятіи крѣпости сюрпризомъ, а здѣсь и дѣйствительнаго сюрприза не было, а прямо неожиданный штурмъ и не опьяненіе-ли турокъ отъ опиума помогло штурмующимъ не встрѣтить почти никакого сопротивленія? Не въ минуты-ли сильнѣйшаго расслабленія мы застали ихъ?

Разсматривая мѣстность, вооруженіе, число и духъ гарнизона, зная также, что 15 тысячъ вспомогательныхъ войскъ спѣшили на подкрѣпленіе и находились только въ 30-ти верстахъ, наконецъ, соображая всѣ обстоятельства покоренія столь важной крѣпости, должно причесть его къ счастливѣйшимъ событіямъ и не уменьшая доблести другихъ войскъ, можно рѣшительно сказать, что только съ здѣшними, забывшими о мирной жизни войсками, приготовленными къ побѣдамъ, удаются подобныя предѣ-

пріятія, — надобно видѣть соревнованіе, единодушіе, одушевляющія всѣ полки, чтобы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, — но кому, кромѣ Бога, приписать должно чудесное спасеніе храбрыхъ въ этотъ губительный день? Окруженные тысячами смертей, не многіе изъ нихъ кровью своею запечатлѣли славу имени русскаго. Невидимая десница твоя, предвѣчный, провела ихъ невредимо среди гибели, тебѣ одному хвала и благодареніе!

23-го сентября.

По занятіи Карса, корпусный командиръ оставался въ окрестностяхъ его, пока укрѣпленія были приведены въ надлежащее положеніе и сдѣланы всѣ приготовленія, необходимыя для того, чтобы гарнизонъ нашъ могъ держаться, если-бы турецкія силы, пс-далеко находящіяся, вздумали снова овладѣть крѣпостію. Сначала предполагалось оставить въ ней только три баталіона пѣхоты, по близость 30-ти тысячъ корпуса непріятельскаго, могущаго ежедневно увеличиваться новыми подкрѣпленіями изъ Эрзерума, принудила усилить и нашъ отрядъ. Составъ его изъ 3-хъ полковъ 20-й пѣхотной дивизіи съ легкою ротою артилеріи и двухъ казачьихъ полковъ съ 4-мя конными орудіями, подъ главнымъ начальствомъ генераль-маіора Берхмана, а управленіе областію поручивъ полковнику князю Бековичу-Черкасскому, графъ Эриванскій выступилъ съ прочими 17-го іюля къ кр. Ахалкалакамъ, куда и прибылъ 23-го числа.

На другое утро крѣпость уже была покорена. Въ ней найдено 14 орудій, значительное количество разнаго оружія, артилерійскихъ запасовъ и взято 21 знамя. Гарнизонъ, состоявшій изъ одной тысячи вооруженныхъ, не хотѣлъ сдаваться, но не имѣя возможности устоять противъ искуснаго дѣйствія батарей нашихъ, устроенныхъ ночью, вздумалъ спастись

бѣгствомъ и потерялъ до 600 человекъ убитыми и ранеными, — въ плѣнъ взято до 300. Съ нашей стороны убитъ 1, ранено 1 офицеръ инженерный и 12 рядовыхъ.

Въ 30-ти верстахъ отъ Ахалкалакъ находится кр. Хертвисъ, лежащая въ неприступныхъ скалахъ, образуемыхъ берегами рѣки Куры; покореніе сей крѣпостцы было необходимо для усмиренія вновь покоренной страны. 26-го числа часть войскъ нашихъ отправлена туда и устрашенные истребленіемъ ахалкалакскаго гарнизона, защитники Хертвиса сдались. Здѣсь найдено 13 пушекъ, 1 мортира, до одной тысячи четвертей хлѣба и значительные артилерійскіе запасы. Гарнизонъ, исключая 15 турецкихъ солдатъ, состоялъ изъ природныхъ жителей, кои распущены по домамъ.

4-го августа дѣйствующій корпусъ, къ которому присоединились резервы, принедешіе изъ Грузіи, остановился на переправѣ черезъ Куру, въ 6-ти верстахъ отъ Ахалциха.

Вообще путь отъ Карса, чрезъ Ахалкалаки, къ Ахалциху представляетъ величайшія затрудненія для слѣдованія войскъ, особенно съ тяжестями. Между первыми двумя крѣпостями верстъ 100 разстоянія и дорога пересѣкаетъ верхній хребетъ чалдырскихъ горъ, мѣстами сохраняющихъ снѣговыя полосы во все лѣто; далѣе-же, пролегаетъ чрезъ высокіе горные хребты, покрытые лѣсами и идущіе вдоль рѣки Куры, чрезъ кои существовали только тропинки. Гренадерская бригада, отправленная за три дня до выступленія корпуса, употребивъ всѣ усилія для разработки дороги, довела ее до такого только состоянія, что повозки и артилерія могли быть спускаемы и поднимаемы людьми на веревкахъ (*).

(*) Оставшись въ Карсѣ, я не былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ происшествій и говорю о нихъ единственно для общей связи въ

5-го числа получены достовѣрныя извѣстія, что Мустафа-паша съ 7-ю тыс. и Кюса-Маметъ-паша съ 20-ю тыс., при 15-ти полевыхъ орудіяхъ, прибыли на подкрѣпленіе Ахалциха; не взирая на то, корпусный командиръ рѣшился, не ожидая отряда генераль-маіора Попова, слѣдующаго изъ Карталинѣи, немедленно подступить къ крѣпости. Обозрѣвъ ее, войска наши пошли во вновь назначенный лагерь,—въ 6-ть часовъ вечера, непріятельскія топлы понеслись слѣва и справа, показывая намѣреніе напасть на слѣдовавшій вагенбургъ; но всѣ ихъ покушенія на обоихъ флангахъ были отбиты и кавалерія наша имѣла случай въ этомъ дѣлѣ увеличить къ себѣ уваженіе самыхъ запальчивыхъ изъ прославляемыхъ турецкихъ всадниковъ. Послѣ того начались приготовительныя работы для осады, но присутствіе сильнаго вспомогательнаго корпуса непріятельскаго, безпрестанно умножавшагося и къ коему чрезъ нѣсколько дней ожидалось еще 10-ть тысячъ чело-вѣкъ, не позволяло предпринять рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости. Дабы отвратить столь важное затрудненіе, надобно было разбить Маметъ-пашу. Ночью, на 9-е число, 8 баталіоновъ пѣхоты, кавалерія и 25-ть орудій пустились по мѣстамъ едва проходимымъ, дабы обойти крѣпость, за которою расположены были турки лагеремъ. Непріятель на разсвѣтѣ открылъ движеніе это и успѣвши присоединить гарнизонъ къ полевымъ войскамъ, въ числѣ 30-ти тысячъ, атаковалъ нашихъ. Завязалось жестокое дѣло, продолжавшееся 12-ть часовъ и, наконецъ, всевышній увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ оружіе русскихъ: четыре лагеря непріятельскихъ, вся полевая артилерія его, состоящая изъ 10-ти орудій, всѣ

запискахъ моихъ о турецкой войнѣ,—а потому описанія эти весьма кратки и свѣдѣнія почерпалъ я изъ официальныхъ извѣстій.

Прим. автора.

инженерные, артилерійскіе парки и подвижной транспортъ хлѣба, взяты нашими. Бѣгущихъ преслѣдовали 30-ть вѣрстъ по эрзерумской дорогѣ и потеря ихъ въ этомъ дѣлѣ полагается до 2500 человекъ убитыми и ранеными, съ нашей стороны убитъ генераль-маіоръ Корольковъ, 7-мь оберъ-офицеровъ, 73 нижнихъ чиновъ, ранено штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 377, подбито одно орудіе и взорванъ зарядный ящикъ непріятельскою гранатою. Кіоса-Мамедъ-паша съ 5 тысячъ пѣхоты вошелъ въ крѣпость, остальные войска разсѣялись въ лѣсахъ, по ардаганской дорогѣ.

Послѣ этого пораженія началась дѣйствительная осада и 14-го числа сѣверный бастионъ былъ уже разрушенъ, а высокій, толстый палисадъ, составляющій наружную ограду, мѣстами разломанъ. Такой успѣхъ, въ соединеніи со многими другими причинами, заставилъ корпуснаго командира взять приступомъ городъ, и 15-го числа, въ 4-ре часа по полудни, онъ начался.

Съ неизъяснимою отчаянностію защищались осажденные; ахалцихцы извѣстны по своей храбрости и ни въ чемъ не уступать самымъ дерзкимъ народамъ кавказскихъ горъ—даже вооруженныя женщины участвовали въ бою. Въ 7-мь часовъ наши были въ форштатѣ, но побѣда эта, дорого стоивши, оставалась еще нерѣшенною; въ каждомъ домѣ на смерть засѣдали упорные и многіе изъ нашихъ пали ихъ жертвами. Къ счастью, строенія были деревянныя и въ это время граната, зажгла одинъ домъ,—воспользовавшись случаемъ, приказано зажигать городъ, пожаръ распространился и мало по малу принудилъ защитниковъ къ отступленію! Къ свѣту весь форштатъ очищенъ, остатокъ гарнизона, запершись въ цитадели,

прислалъ просить о начатіи переговоровъ и, послѣ нѣкотораго упорства, сдался на капитуляцію.

Въ Ахалцихѣ взято 67 пушекъ, въ томъ числѣ 5 русскихъ, изъ коихъ два единорога, отбитые турками во время осады онаго въ 1810 году, 52 знамя и 5 бунчуковъ отъ двухъ пашей. Съ нашей стороны въ сей день убито 2 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и 118 нижнихъ чиновъ,—ранено 1 штабъ-офицеръ, 31 оберъ-офицеръ и 439 нижнихъ чиновъ. Со стороны непріятеля погибло до 5-ти тысячъ человѣкъ.

17-го числа генераль-лейтенантъ князь Вадбольскій овладѣлъ кр. Ацхуръ.

Нынѣшняя кампанія для кавказскаго корпуса еще блистательнѣе персидской; взятіе Карса, сраженіе подъ стѣнами Ахалциха и штурмъ его должны, по всей справедливости, занять мѣсто между славнѣйшими подвигами оружія русскаго. Вообще, турки дерутся такъ отчаянно, что трудно стоять противъ нихъ,—сравнивать съ персіянами, значило-бы обижать ихъ. Теперь представьте, каковы должны быть делибашы, лазы, аджары и другія отборныя войска, почитаемыя отважнѣйшими изъ самыхъ храбрыхъ. Идя въ бой, они не думаютъ о возвращеніи; большая часть изъ нихъ готовится на вѣрную гибель—надѣваютъ бѣлыя рубашки, часто бѣлое платье и принявши опиумъ, забываютъ о жизни, помнятъ только, что предъ ними непріятель, злятся на каждого, какъ на личнаго врага своего и какъ бѣшенныя несутся въ ряды противниковъ. Ненависть къ христіанамъ увеличиваетъ остревѣніе мусульманина, фанатизмъ поддерживаетъ распаленныя чувства его; если онъ убить невѣрнымъ—говоритъ алкоранъ, то гуріи отверзаютъ объятія свои страдальцу за вѣру; если невѣрный истребленъ имъ, то отпущеніе грѣховъ ожидаетъ его въ небесахъ. Смертельныя муки сдвигаются съ звѣрскою радостію

въ искаженныхъ чертахъ усопшаго, — умирая, онъ мечтаетъ о наградахъ, ему обѣщанныхъ. Что, казалось-бы, можетъ устоять противъ столь многими, сильными причинами возбужденной запальчивости? Какое сердце не дрогнетъ при видѣ воплащеннаго демона, а не человѣка? Только высокое мужество, непоколебимая твердость могутъ побѣдить неестественную дерзость, пострѣкаемую самыми пылкими страстями. И русскіе побѣждаютъ эту дерзость, и предъ геройскою рѣшительностію ихъ уничтожается сила ея. Слава вамъ, истинно храбрые!

30-го сентября.

Между тѣмъ, какъ происходили столь блистательные подвиги, когда оружіе счастливыхъ товарищей нашихъ гремѣло въ горахъ буйныхъ ахалцихцевъ и эхо дебрей ихъ, разнося перекаты громовъ губительныхъ, разсѣвало ужасъ между османами—что дѣлали мы, стражи Карса? По выступленіи дѣйствующаго корпуса, слыша о близости непріятеля, о намѣреніяхъ его отнять у насъ вѣренное намъ сокровище и соображая, что съ 25-ти тысячъ корпусомъ, подкрѣпляемымъ всѣми магометанами, живущими въ городѣ и крѣпости, весьма легко рѣшиться напасть на отрядъ нашъ, состоящій съ небольшимъ изъ 2500 человѣкъ пѣхоты и до 700 казаковъ,—мы, нѣсколько дней питали надежду доказать туркамъ, что не многочисленность составляетъ силу войска и что, хотя насъ горсточка, но не съ деревянными пушками и ружьями и не съ заячьими сердцами. Разумѣется, запершись въ стѣнахъ, мы могли пасмѣхаться надъ соединенными усиліями всѣхъ азіатскихъ турокъ, но намъ хотѣлось перевѣдаться съ ними въ полѣ—и съ нетерпѣніемъ ожидали мы приближенія ихъ. Вдругъ слышимъ, что Маметъ-паша съ корпусомъ своимъ полетѣлъ на помощь Ахалциху и лишилъ насъ славы разбить себя; вы видѣ-

ли уже, что его, бѣдняжку, тамъ расколотили такъ, что едва успѣлъ онъ вскочить въ крѣпость, оттуда въ цитадель, изъ коей, послѣ сдачи на капитуляцію, и его въ числѣ прочихъ защитниковъ ея, пустили во-свояси. Теперь онъ въ рангѣ странствующаго рыцаря, шатается изъ одного мѣста въ другое, собирая новыя войска, но едва-ли дѣлаетъ это съ большимъ жаромъ: пуганая ворона всего боится.

Такимъ образомъ, въ сосѣдствѣ нашемъ остались только небольшія партіи, которыхъ главнѣйшія предпріятія могли состоять въ томъ, чтобы угонять скотъ у жителей или въ тому подобныхъ подвигахъ.

7-го августа дали знать въ лагерь, что человекъ до тысячи таковыхъ удалцевъ, показавшись верстахъ въ 10-ти отъ Карса, отрядили отъ себя часть, которая, еще приблизившись, отбила большое стадо, угнавши и пастуховъ. 200 казаковъ, съ 4-мя конными орудіями, понеслись остановить ихъ, а баталіонъ егерей бѣглымъ шагомъ пустился въ подкрѣпленіе. Конница наша верстахъ въ 15-ти догнала непріятеля и видя, что неумоимо слѣдующая за ними пѣхота была не далеко, рѣшилась завязать дѣло, не смотря на несоразмѣрность числа. Первая ошибка не кончила дѣла, но потомъ дѣйствіе артилеріи произвело замѣшательство, а вторичный ударъ кавалеріи, ободренной приближеніемъ бѣгущаго баталіона, довершилъ разстройство. Въ разныя стороны разсыпались хищники; разбѣланныя партіи ихъ старались скрыться въ глубокихъ лощинахъ, угоняя по нѣсколько штукъ скота; но не легко было сдѣлать это—армянская дружина и казаки, на бѣду ихъ, слишкомъ зорки были и, добираясь отъ однихъ къ другимъ, принуждали всѣхъ, оставляя добычу, думать о собственномъ спасеніи. Напрасно хотѣли они остановиться и ударить на насъ: огонь орудій и пики всегда разрушали

смѣлыя покушенія ихъ; вся добыча, похищенная ими, отбита, плѣненные пастухи освобождены. Преслѣдованіе кончились верстахъ въ 30-ти отъ Карса, потому что лошади, отъ сильнаго жара и скорой ѣзды, почти у всѣхъ пристали. Начальникъ этой толпы Хамидъ-бекъ взять въ плѣнъ; три брата его — двухъ-бунчужными пашами, и потому, имѣя знатныя связи, онъ въ большомъ уваженіи въ здѣшнемъ краѣ. Несчастно оконченная имъ экспедиція, произвела сильное вліяніе на скопища разбойниковъ, такъ что послѣ они разбѣлись и до сего времени не смѣютъ уже появляться вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоятъ русскіе, и спокойствіе окрестностей ничѣмъ не нарушается. Насъ увѣрили—говорилъ Хамидъ-бекъ—что здѣсь оставлены люди больные и слабые, а лошади хромые и искалеченныя; но ваша пѣхота не-далеко бѣжала за конницею, а пушки нисколько не отставали отъ нее; пожалуйста, покажите мнѣ этихъ людей и эти пушки, которыя догоняють бѣгущую кавалерію нашу,—и ему не запрещалось любоваться ими.

20-го октября.

Разнесся повсюду слухъ о взятіи Ахалкалакъ, занятіи Хертвиса, разбитіи турокъ подъ стѣнами Ахалциха, о близкомъ паденіи сего послѣдняго—и жители карскаго пашалыка увидѣли, что счастье въ сей войнѣ не измѣняетъ искусству и мужеству, они увидѣли, что русскіе становились твердою ногою въ покоренныхъ мѣстахъ и убѣдились въ прочности ихъ завоеваній. Армяне давно желали-бы свергнуть съ себя иго тирановъ своихъ—гонителей христіанства, но привыкши трепетать при одномъ имени мусульманства, не смѣли явно возстать противъ стражей, надъ ними поставленныхъ, и десятки деревень, согнанныхъ вмѣстѣ для удаленія отъ русскихъ, удерживались отъ предпріятій своихъ десятками куртинцевъ.

Я говорилъ уже, что ни въ одномъ селеніи мы не находили ни одного семейства—всѣ угоняемы были далѣе и далѣе отъ пути слѣдованія нашего; но когда разсѣянными остаткамъ собранныхъ силъ турецкихъ осталось единственнымъ спасеніемъ—бѣгство въ незанятые нашими владѣнія и они начали очищать потерянные для нихъ области, тогда странствующие поселяне вознамѣрились, по приглашенію начальства нашего, возвратиться въ оставленные жилища свои,—но все еще не рѣшались приступить къ тому безъ помощи русскихъ.

Нѣсколько деревень карскихъ, находившихся въ ущельи близъ кр. Ардагана, просили князя Бековича-Черкаскаго содѣйствовать ихъ переселенію, и въ ночь на 16-е августа выступилъ онъ съ двумя баталіонами егерей, 4-мя орудіями и 200-ми казаковъ для освобожденія ихъ.

Радовались идущіе въ походъ, завидовали имъ оставляемые въ лагерѣ. Всю ночь и день шли мы съ небольшими отдыхами и солдаты не чувствовали усталости; весело было замѣчать желаніе ихъ столкнуться съ непріятелемъ и смѣло можно было ручаться, что это желаніе грозило гибелью противникамъ.

Пройдя мѣсто, на которомъ поселяне хотѣли присоединиться къ намъ, мы остановились почевать; посланные возвратились съ отвѣтомъ, что мушскій паша, собравши тысячъ до 4-хъ изъ бѣгущихъ отъ Ахалциха, намѣренъ гнать жителей къ Эрзеруму и что отрядъ его расположенъ близъ кочевья ихъ, а потому имъ никакъ нельзя пуститься на соединеніе съ нами.

17-го числа утромъ пошли мы далѣе.

Взгляните на сходство положенія нашего въ эти самые дни минувшаго года; тогда, 16--го августа, выступили мы изъ Джангили для освобожденія Эчміадзина, теперь шли для

освобожденія угнетенныхъ чадъ его. Тогда 17-е число ознаменовалось битвою жестокою, смертію многихъ и спасеніемъ монастыря, чѣмъ ознаменовалось оно нынѣшній годъ? Посмотримъ.

Сегодня 17-е августа было первымъ словомъ каждого при встрѣчѣ съ другимъ, 17-е августа не сходило съ языка, вездѣ говорили о 17-мъ августа и воспоминанія о достопамятномъ днѣ заставляли всякаго рассказывать происшествія, тогда замѣченныя. Что-то Богъ дастъ нынче—былъ общій припѣвъ къ пѣснѣ о 17-мъ августа, середина и заключеніе всѣхъ разговоровъ. Однако, подобной битвы нельзя ожидать, хотя все показываетъ, что и нынѣшнее 17-е августа не пройдетъ безъ драки. Конечно, насъ очень немного—всего 800 человекъ подъ ружьемъ; турки могутъ выставить въ 10 разъ болѣе, ибо, кромѣ конницы, стоящей предъ нами, Мустафа-паша собираетъ въ Ардаганѣ всѣхъ опомнившихся послѣ пораженія ахалцихскаго, и одна дорога туда—на флангѣ нашемъ, а другая—осталась въ тылу,—мы крѣпость эту миновали уже и вѣрно тамъ знаютъ о нашемъ движеніи. Все это такъ, но имъ негдѣ взять регулярной пѣхоты и столько-же полевой артилеріи, сколько было у персіянъ; а мы не обременены обозами, день не жаркій и мѣстоположеніе позволяетъ продѣлывать все, что угодно. И такъ, гг. лихіе наѣздники, милости просимъ пожаловать, милости просимъ—и никто не заботился о томъ, сколько гостей можетъ быть.

Пройдя верстъ 10-ть отъ ночлега, сдѣлали приваль; князь Бековичъ хотѣлъ дождаться рѣшительнаго увѣдомленія отъ жителей, чтобы сообразить по тому свои дѣйствія. Солдаты расположились варить кашу, князь, отбѣхавши съ версту впередъ на дальнія возвышенія, осматривалъ окрестности. Вдали несется во весь духъ верховой—это посланный отъ ар-

мянъ. Запыхавшись, соскакиваетъ онъ съ утомленной лошади, бросается къ Бековичу и едва можетъ говорить отъ страха и усталости. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы окончанія—это рѣшительная минута.

Отрядъ впередъ. Не успѣлъ адъютантъ объявить приказаніе, какъ одни бросились одѣваться, другіе опрокидывали котлы съ обѣдомъ, потомъ одѣвшіеся кинулись укладывать ихъ—и въ нѣсколько минутъ баталіоны подъ ружьемъ, артилерія и ящики запряжены; все бѣжитъ рысью по дорогѣ—версты какъ не было. Не сразу заставили идти тише усердныхъ—они забыли, что прежде времени могутъ устать. Полнымъ шагомъ ѣхали впереди конные, пѣхота давила ихъ и въ полтора часа ушли болѣе 8-ми верстъ; пусть кто-нибудь пройдетъ скорѣе, сдѣлавши передъ тѣмъ около 50 верстъ въ 36-ть часовъ!

Но въ чемъ дѣло—спросите вы? Въ бездѣлицѣ. Г. паша торопится угонять въ Эрзерумъ жителей, за которыми мы пришли; воины его понуждаютъ армянъ собираться и запрягать арбы, тѣ медлятъ,—женщины, пользуясь обыкновеніемъ закрывать лица отъ мужчинъ, потихоньку плачутъ—и, конечно, первый разъ въ жизни хвалятъ такое обыкновеніе. Разумѣется, я говорю о хорошенькихъ—дурнымъ оно часто нравится. Однако, это мимоходомъ, а главное состоитъ въ томъ, что если мы опоздаемъ нѣсколько, то съ нами сыграютъ славную штуку, вырвавши изъ подъ носа столько семействъ, въ положеніи копѣхъ мы принимаемъ участіе. Да развѣ вы не можете догнать ихъ—скажете вы, тяжелые обозы развѣ могутъ идти такъ скоро, чтобы вы не настигли ихъ? Совершенная правда—мы легко-бы сдѣлали это, если-бы не впутались постороннія обстоятельства. Признаться-ли? Отрядецъ нашъ залетѣлъ пе-много далеко и подходилъ уже къ послѣдней гра-

ни возможнаго, на которой было написано *Sta viator; nec plus ultra*. За нею начинались передъ нами трудныя ущелья для прохода, занятыя турками, за нами—хрѣпость и отряды непріятеля, по сторонамъ—летучія партіи его. Не правда-ли, что мы опоздаемъ, если не поспѣшимъ? Вы уже начинаете бояться за несчастныхъ—въ самомъ дѣлѣ, состояніе ихъ ужасно. Надежда увлекла ихъ, близка звѣзда избавленія—и опять должно страдать. Это возвращеніе къ бѣдствію всего ужаснѣе,—но успокойтесь—когда русскіе опаздываютъ, если не сбиваются съ настоящей дороги, надобно прибавить—и это собственно ко мнѣ относится, потому что, еслибъ я не сбивался съ дороги, то давно пересказалъ-бы вамъ все, что слѣдовало, и не опоздалъ-бы спать,—а теперь придется всю ночь сидѣть, пока кончу это письмо.

Мушскій папа, догадываясь, что мы не намѣрены позволить ему шутить надъ нами и опасаясь быть запертымъ въ тѣснинахъ, счелъ за лучшее отодвинуться назадъ по дорогѣ къ Ардагану,—а поселяне, приготовленные имъ къ походу, воспользовавшись симъ, пустились къ намъ.

Князь Бековичъ видѣлъ необходимость однимъ разомъ обезпечить обратное свое слѣдованіе; турки, вѣроятно, стали-бы тревожить насъ, а малочисленность отряда не представляла никакой возможности защищать величайшій обозъ, растягивающійся на нѣсколько верстъ, особенно въ мѣстахъ тѣсныхъ. Надобно было, пропустивши жителей, завлечь непріятеля въ дѣло и отбить у него охоту, идти за нами. Для исполненія этого, пѣхота съ артилеріею оставлена за возвышеніемъ, скрывающимъ ихъ отъ турокъ, а конницѣ приказано выдти впередъ и прикрывать обывателей.

Потянулись мимо насъ освобождаемые; на арбахъ, нагруженныхъ имуществомъ и домашнею утварью, между доска-

ми, бревнами, пряслицами, помѣщались и семейства; дѣти, женщины, кошки, собаки и частью маленькіе телята, буйволята и проч., словомъ все, что не хотѣло, или не могло идти. Здѣсь мать идетъ пѣшкомъ, окруженная крошками своими; за спиной ея, уцѣпившіеся рученками за платье, виситъ ребенокъ, котораго она поддерживаетъ рукою; тутъ, на коровахъ, лошадяхъ, ослахъ, ухватившіеся другъ за друга, ѣдутъ по два и по три малютки. Ежеминутно боялся я, что какой-нибудь изъ нихъ, сорвавшись, расшибется до смерти; но, бѣдныжки, слишкомъ привыкли къ такого рода путешествіямъ. Напрасно хотѣлъ-бы я изъяснить мысли, родившіяся во мнѣ при столь новой для меня картинѣ; чтобъ имѣть понятіе о бѣдственномъ положеніи человѣчества, надобно вникнуть въ жизнь обывателей, особенно армянъ, пограничныхъ Турціи съ Персіею деревень. Кромѣ притѣспеній отъ властителей своихъ, они безпрерывно подвержены нападеніямъ хищниковъ, никогда не пользуются истиннымъ спокойствіемъ, не могутъ быть увѣрены въ постоянной безопасности—и ко всему этому такъ привыкли, что всего разительнѣе доказываютъ справедливость пословицы: привычка есть вторая природа въ человѣкѣ. Напрасно также хотѣлъ-бы я изобразить трогательные знаки ихъ радости и признательности къ избавителямъ, не говоря о мужчинахъ, которые подходили къ нашимъ, клапались, крестились и всячески выказывали благодарность свою,—и женщины въ эти минуты, забывая завертываться въ покрывалы свои, словами и знаками старались о томъ-же—приличія, установленныя людьми, теряютъ власть свою, когда говоритъ сердце. Нѣкоторыя, поднявъ руки къ небесамъ, молились. Дѣти, понимавшія нѣсколько, что вокругъ ихъ пропсходитъ, выражались каждый по своему. Признаюсь, я былъ тронутъ и, конечно, всѣ раздѣляли мои чувства. Природа не измѣняется въ общихъ законахъ сво-

ихъ—сдѣлавши доброе дѣло, мы всегда находимъ вознагражденіе въ собственной душѣ своей, и одолженный нами, скоро становится намъ близокъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой—загорѣлась перестрѣлка. Общее умиленіе уступило мѣсто новымъ ощущеніямъ. Страхъ, смятеніе между жителями, радостная готовность между нашими. Мужчины спѣшатъ прогнать далѣе отъ непріятеля скотъ свой, другіе торопятся съ арбами, тѣ не знаютъ, что дѣлать, весьма не многіе берутся за оружіе. Армяне не могутъ славиться воинственнымъ духомъ, но представьте положеніе женщинъ. Одна, подхвативши ребенка, бѣжитъ, сама не помня куда, иныя остолбенѣли отъ ужаса, тамъ, упавши на колѣни, къ Богу вызываютъ о помощи, здѣсь, въ отчаяніи, ломаетъ руки жалкая,—другая—смотреть на малютокъ, къ ней прижимающихся, и слезы ручьями текутъ изъ глазъ ея: она не рѣшается, котораго спасать, многія тѣснятся вокругъ нашихъ; выстрѣлы приближаются.

Конное армянское ополченіе, состоящее изъ 70 человекъ, находилось впереди всего отряда и пропустивши за себя жителей, начало отступать, по мѣрѣ ихъ удаленія: такъ было приказано; но турки, не видя всѣхъ силъ нашихъ, рѣшились оставить свою позицію и сами напасть, и озлобясь, въ глазахъ ихъ совершающимся присоединеніемъ къ намъ обывателей, съ ужаснымъ ожесточеніемъ бросились на передовые разѣзды наши, которые не могли удержать столь сильнаго натиска. Казаки остановили нѣсколько стремленіе разъяренныхъ, но тѣснимые множествомъ, принуждены были осаживать, и хвостъ обоза не успѣлъ еще подойти къ тому мѣсту, гдѣ стояли баталіоны, какъ вдругъ, съ разпыхъ сторонъ, хлынули наѣздки и разсыпались по заднимъ повозкамъ; бѣгомъ бросились къ нимъ егеря, стрѣлять не было возможности, непріа-

тель перемѣшался съ поселянами, дымъ, крикъ, стукъ, рыданіе, суматоха, увеличились. Толпы свирѣпыхъ делибашей, хищныхъ куртинцевъ, кинулись на грабежъ, прикрываемые товарищами своими, сражающимися съ казаками. Нѣтъ, злодѣи, нѣтъ—непродолжительно будетъ торжество ваше, близка пѣхота, близка ваша гибель!

Не бойтесь, не бойтесь, кричали бѣгущіе на-встрѣчу не-пріятелю солдаты перепуганнымъ поселянамъ, и ускорили бѣгъ свой. Замѣтно было, что не одно желаніе отличиться, но какое-то родное душѣ каждого чувство состраданія къ безпомощнымъ вело всѣхъ; сверхъ того, каждый принималъ уже участіе въ судьбѣ несчастныхъ. Они поручили себѣ защитѣ нашей, мы видѣли полную довѣренность ихъ къ характеру русскому; признательность ихъ тронула насъ, возбудила чувство народнаго честолубія, чувство высокое, благородное; наконецъ, опасность женщинъ—созданія слабаго, беззащитнаго, но всегда и вездѣ имѣющаго сильное вліяніе на подвиги храбрости, на духъ рыцарства,—вотъ причины, по которымъ всякій видѣлъ въ нападающихъ личныхъ враговъ своихъ и стремился защищать не чуждыхъ людей а какъ-бы кровныхъ своихъ—и горе вамъ, изверги; ближайшіе испытали уже остріе штыковъ, и въ смертельныхъ содроганіяхъ взрываютъ пыль отъ земли; и ты, грабитель, не успѣешь сдернуть послѣдній покровъ съ стыдливости—смерть носится надъ тобою,—обрызганная кровію твоею, добыча твоя, съ ужасомъ отскакиваетъ отъ падающаго трупа твоего и, какъ лань боязливая, несется прочь. Далѣе, робко смотритъ вокругъ юная красавица, видитъ повсюду неистовство мучителей, ей не-гдѣ скрыться,—съ трепетомъ ожидаетъ она опредѣленія небесъ и небеса сохранили ее. Радостно вскрикиваетъ она: русскій, русскій, и бросается къ избавителю своему; исчезъ страхъ, миновала опасность,

она подъ защитою брата. Вотъ освобождено и послѣднее семейство, разбросаны по дорогѣ тѣла дерзкихъ и бѣгутъ спасающіеся соумышленники ихъ.

Ободренные первоначальнымъ отступленіемъ кавалеріи нашей, турки пришли въ запальчивость и дались въ обманъ—набѣжали на пѣхоту, которую полагали гораздо далѣе назадъ.

Изумленные внезапнымъ появленіемъ ея и быстрымъ ударомъ, напрасно хотѣли они сопротивляться—тщетны были усилія ихъ, штыки все опрокидывали, а удачное дѣйствіе орудій довершило разстройство. Бѣгство сдѣлалось общимъ и скоро не стало ни одного непріятеля на всемъ обзорѣ. Малочисленность казаковъ не позволила далеко продолжать преслѣдованіе и особенной надобности въ томъ не предвидѣлось. По всему можно было заключать, что заданной остротки, на этотъ разъ, довольно, и что намѣреніе князя Бековича исполнилось—возвращеніе наше обезпечено, ибо посланные для наблюденія движеній непріятеля видѣли, что они, не останавливаясь, продолжали путь по дорогѣ къ Эрзеруму и, наконецъ, скрылись въ ущельяхъ.

Неудаченъ былъ день этотъ для турокъ, значительна потеря ихъ; изъ числа оставшихся на полѣ, одинъ только израненный куртинецъ найденъ живымъ и, по словамъ его, отрядъ этотъ заключалъ тысячу отборнѣйшихъ всадниковъ, между конми не было ни одного изъ тѣхъ горемыкъ, которые волею, а часто и неволею, оставляя пашни свои, являются на попріще славы. Эти рыцари съ карапахцами и другимъ сѣромъ, въ числѣ 3 т., стояли въ резервѣ и благополучно отдѣлались; однихъ старшинъ куртинскихъ убито 16, той-же участи подвергся сынъ мушскаго пашы, вмѣстѣ съ прекрасною гнѣдою лошадыю своею, которая у нихъ цѣнилась въ 500 руб. серебромъ и едва-ли въ знаменитости уступала знаме-

нитоу хозяйину своему. Вообще, все доказываетъ, что дѣйстви-тельно кавалерія эта была отборная; между отбитыми лошады-ми не было ни одной, которая-бы стоила менѣе 500 руб. ас. по нашимъ цѣнамъ, что весьма рѣдко здѣсь случается,—уборы соотвѣтствовали лошадымъ.

Не маловаженъ и нашъ уронъ—казаковъ убито 16, ра-нено 12, безъ вѣсти пропало 12, въ армянской дружинѣ убито 4, ранено 11 человѣкъ, изъ поселянъ ранены 2 муж-чины и 1 женщина, убитыхъ и въ плѣнъ взятыхъ не было между ими.

Отдавши послѣдній долгъ погибшимъ товарищамъ, пу-стились мы въ обратный путь. Поселяне наши были уже да-леко—страхъ подгонялъ ихъ; не смотря на тяжесть воевъ, на лѣнь буйволовъ, на медленность быковъ, на множество разнаго рода скота и на всѣ препятствія къ скорой ходьбѣ, они шли весьма скоро, конечно, всѣ, кто могъ владѣть пал-кою, дѣйствовалъ ею и не жалѣя руки, погонялъ отъ всего сердца, кого ни-попало.

Дойдя до рѣчки, гдѣ прежде располагали обѣдать, от-рядъ остановился—людямъ надлежало дать отдыхъ, хотя они единогласно говорили, что не устали; при томъ-же слѣдовало дожидаться прибытія изъ другаго ущелья еще нѣсколькихъ деревень, которыя ожидали только, чѣмъ кончится первое предпріятіе наше и, видя успѣхъ его, выслали съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. Здѣсь явились старшины татарскихъ уже селеній, принадлежащихъ карской области, съ покорностію и тѣмъ-же прошеніемъ. Всѣ эти се-ленія были готовы и, получа позволеніе, пускались въ путь,—съ разныхъ сторонъ тянулись обозы, которые, подходя къ намъ, сливались въ одинъ и до самаго вечера составляли почти не-прерывную нить. Повторяю, что я не въ силахъ переска-

затѣ вамъ мысли и чувства мои при столь новомъ для меня зрѣлищѣ.

Солнце сѣло; одному баталіону велѣно идти впередъ и прикрывать средину, казаки были въ авангардѣ; другой-же баталіонъ долженъ былъ, дождавшись прохода послѣднихъ арбъ, защищать тылъ. Князь Бековичъ садился на лошадь, вдругъ скачутъ еще нѣсколько человѣкъ—это старшины татарскихъ-же деревень, съ тѣми-же предложеніями. Поселяне ихъ не могутъ присоединиться къ намъ, ранѣе двухъ часовъ, имъ велятъ догнать насъ на ночлегѣ, но они не рѣшаются тронуться съ мѣста, если русскіе не дождутся ихъ здѣсь. Насъ разграбятъ, истребятъ—говорятъ они, когда вы уйдете. Нечего дѣлать—надобно было приказать аріергарду исполнить ихъ желаніе.

Какъ пріятно видѣть такую довѣренность, такое уваженіе къ великодушію характера русскаго. Самыя дикія, свирѣпыя племена Кавказа узнали, что русскіе страшны только въ часъ битвы и что непріятеля, оставляющаго оружіе, не считаютъ уже непріателемъ, узнали это, и съ полною довѣренностію къ неизмѣняемости великодушія смѣло поручаютъ себя ему.

Согласенъ, что многіе употребляютъ во зло благотѣльные правила кротости нашего правительства; но что значить частный, мелочный вредъ, въ сравненіи съ общею, великою пользою, отъ нихъ истекающею? И какой вредъ можетъ причинить Россіи ничтожный обманщикъ, воспользовавшійся, въ какомъ-бы ни было случаѣ, на всѣхъ разливаемою милостію? Червь-ли подточить основаніе скалы, насмѣхающейся надъ яростію моря? Теперь скажите, отъ чего закоренѣлые враги наши такъ скоро забываютъ вражду свою и тамъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчали-бы мы непріятелей, вмѣсто народной войны, встрѣчаемъ, бѣльшую частію, готовыхъ къ покорности?

Вотъ плоды кротости и справедливости; не ясно-ли доказывается этимъ, что побѣды ихъ несравненно быстрѣе и прочнѣе побѣдъ оружія.

Когда мы подъѣзжали къ ночлегу, то почти всѣ спутники наши расположили уже бивуаки свои—тысячи огней, разведенныхъ на большомъ пространствѣ, издали представляли картину яркаго городского освѣщенія. Слава богу, одинъ переходъ безпрепятственно совершень; на мѣстѣ мы имѣли болѣе средствъ ладить съ непріятелемъ, во время-же слѣдованія не было никакой возможности защититъ всѣхъ, и еслибъ не завлекли турокъ въ сраженіе и не пощипали ихъ, то, безъ сомнѣнія, не были-бы оставлены въ покоѣ, и бѣдные армяне много-бы пострадали. Представьте наше положеніе—когда-бы поставить по человѣку на арбу, то вѣрно-бы большая половина осталась безъ прикрытія; ядры, пущенныя изъ передняго и задняго орудій, не долетѣли-бы одинъ до другаго—такъ длиненъ былъ обозъ нашъ, хотя всѣ мѣры принимались стѣснить его и гдѣ только позволяла мѣстность, составлялось нѣсколько рядовъ. Роты наши едва замѣтны были между множествомъ народа и, судя по числу людей, насъ было почти достаточно для завоеванія всей Азіятской Турціи; но видя уже на опытъ, что жители не въ состояніи сами оборонять себя, нельзя было не опасаться за нихъ.

Ночью присоединились къ намъ и послѣднія деревни, съ разсвѣтомъ все двинулось далѣе: шумъ, крикъ, скрипъ не мазанныхъ колесъ, смѣсъ людскихъ голосовъ съ голосами разнороднаго скота, плотные удары палокъ по бокамъ равнодушныхъ буйволовъ—составляли, если не весьма пріятную, то, по крайней мѣрѣ, весьма рѣдкую, по множеству инструментовъ, музыку,—пестрота одеждъ, кипящее волненіе, увеличиваемое неизбѣжнымъ безпорядкомъ, происходящимъ отъ неудобствъ

здѣшной повозочной упряжи, забавныя положенія погонщиковъ, находящихся въ непрерывныхъ хлопотахъ, руками и ногами помогая горлу уговаривать упрямыхъ животныхъ, везти его колесницу, куда слѣдуетъ,—вообще глаза наши были счастливые ушей...

Я всегда охотно занимаюсь изученіемъ разнообразія фзіономій и эта давнишняя страсть моя имѣла обильную для себя пищу. Различныя чувства выражались на лицахъ, но мужчины были мало занимательны—главнѣйшія мысли ихъ, клонясь къ одинакимъ предметамъ, представляли и ощущенія почти одинакія. Все вниманіе ихъ было обращено на совершеніе пути и потому черты ихъ, большею частію, высказывали или досаду на то, что передніе быки бросались совсѣмъ въ сторону, тогда какъ онъ хотѣлъ очень не-много повернуть ихъ, или желаніе удачнѣе пореѣхать грязный ровикъ, или объѣхать большіе камни, и если желаніе его исполнялось, то онъ былъ доволенъ, если-же съ арбою случалась какая непріятность, то онъ прежде всего летѣлъ местию ко лбу виноватаго, уменьшить свое горе, а потомъ спѣшилъ исправлять бѣду. Все это нисколько не заманчиво; взглянемъ лучше на прекрасный полъ.—Дѣлать нечего, надобно сознаться въ моемъ предубѣжденіи,—люблю находить достойныя похвалы въ женщинахъ, начиная отъ прелестнаго локона на очаровательной головкѣ, до прелестнаго ноготка на крошечномъ мезинцѣ ноги,—въ этотъ разборъ всегда входятъ и внутреннія достоинства: умъ, душа, сердце и все, совершенно все, не исключая пылинки, которая случайно забьется въ восхитительную ямочку розовой щечки. Жаль, однако, что, соблюдая всегда строгую правду въ моихъ повѣствованіяхъ, я не могу сказать, чтобы дорожное платье нашихъ путешественницъ было прелестно—едва-ли женщина можетъ одѣваться безобразнѣ здѣш-

нихъ армянокъ—онѣ, кажется, стараются уродовать себя нарочно. Я ни какъ не хочу вѣрить, чтобы природа столь жестоко обидѣла ихъ станъ—всему виною обыкновеніе. Я-бы охотно шепнулъ хорошенькимъ изъ нихъ, что, съ нѣкоторою перемѣною, онѣ могутъ много выиграть и увѣренъ, что онѣ не отказались-бы слѣдовать моимъ совѣтамъ; да, онѣ послушались-бы меня, или не были-бы женщинами; а я весьма хорошо замѣтилъ, что онѣ также женщины, какъ и всѣ дщери Евы, на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Старухи также сварливы, дурныя также смиренномудренны, отцвѣтающія также прихотливы, хорошенькія также тщеславны, молоденькія также стыдливы,—однако мнѣ всегда забавно слушать, когда женщинъ упрекаютъ въ томъ, что онѣ съ удовольствіемъ замѣчаютъ, если на нихъ частенько посматриваютъ—да кто этого не любитъ? И герой, и ученый, и художникъ, и писатель, и безграмотный писарь—всѣ грѣшныя дѣти Адама; иному лучше-бы прятаться, а онъ, напротивъ, па-показъ лезетъ, уже такъ и быть—большому кораблю большое и плаваніе, а ты, душегубка, знала-бы свою лужу. Только мнѣ несравненно болѣе нравится *домашнее* тщеславіе женщины, нежели *всеемїрная* надутость мужчины. Она ищетъ любви, онъ—удивленія. Она предовольна, если ее хвалятъ въ кругу знакомыхъ, для него и въ исторіи мало мѣста. Она въ исканіяхъ своихъ слѣдуетъ назначенію природы, онъ—влечется опредѣленіемъ людей. Отъ мысли, объ исполненіи ея тайныхъ желаній на лицѣ ея рождается улыбка, которая, увеличивая красоту, еще болѣе плѣняетъ зрителей; при воспоминаніи объ удачахъ его гордыхъ замысловъ, черты его выражаютъ самодовольствіе, оскорбляющее наблюдателя. Строгіе судьи свойствъ женскихъ, прежде разберите безпристрастно собственные свои свойства—и тогда превозносите надъ женщинами, если достанетъ духа!

Но обратимся къ нашимъ странницамъ. Страхъ ихъ мало по-малу разсѣввался; видя, что непріятель не повторяетъ нападеній своихъ и безпрепятственно пройдя тѣ мѣста, гдѣ можно было опасаться новыхъ покушеній—онѣ примѣтно успокоивались и хотя случалось еще замѣчать робкіе взоры нѣкоторыхъ, обращенные въ даль; однако, робость эта уже рѣдко оказывалась—и чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе выражались надежда и увѣренность. Умолкла боязнь, заговорили другія чувства.

Ты никогда не видала русскихъ; твердило любопытство; русскіе на тебя смотрятъ пристальнѣе, нежели на подругъ твоихъ, шептало тщеславіе; но тебѣ не прилично смотрѣть на постороннихъ мужчинъ, бормотала застѣнчивость; однако, ты должна это дѣлать, чтобъ избавители, читая въ твоихъ взглядахъ признательность, не сочли тебя неблагодарною, нѣло лукавство. Это совершенная правда, думала красавица, и покрывало—*нечалнико*—распускалось при появленіи избавителей. Не забывай улыбаться, ты такъ мило улыбаешься, кричало кокетство,—и совѣтъ этотъ исполнялся прежде, нежели оно успѣвало договорить, что это необходимо для того, чтобъ сильнѣе выразить благодарность. Что сдѣлалось съ безстыдницами, ворчали старухи? Онѣ совсѣмъ готовы раскрыться—уже пусть-бы чадры раскидывали, а то сдергиваютъ платокъ со рта не на носъ, какъ долгъ велитъ, а на шею. Экой грѣхъ, экой грѣхъ—и съ угрозами протягивали сухія руки свои, стараясь поправить безпорядокъ, ихъ терзающій; но медленность дряхлости можетъ-ли состязаться съ проворствомъ юности? Пока тощіе пальцы бабушекъ, матушекъ и свекровей придвигались на вершокъ, румяныя личики успѣвали отклоняться на четверть; потомъ на-право, на-лѣво—и суровыя наблюдательницы благочинія уставали, не достигая своихъ

намѣреній, и плутовки смѣялись надъ ихъ неповоротливостію, и на значительные взгляды проѣзжающихъ отвѣчали умильною усмѣшкою,—и уже не по урокамъ кокетства, а по невольному движенію открывались прелестныя уста ихъ и блистали перлы зубовъ. Всегда такъ бываетъ—первый шагъ къ непозволенному труденъ для души невинной, переступи его—и за нимъ слѣдуетъ другой, десятый, сотый и конца нѣтъ. Дай себѣ волю на волосъ, скоро и верстами не смѣряешь. Явное возмущеніе бунтовщицъ, наконецъ, разгорѣлось до того, что я, право, не знаю, чѣмъ онѣ послѣ раздѣлаются съ сердитыми наставницами своими и пройдетъ-ли имъ это даромъ.

Молодежь наша вертѣлась между рядами повозокъ, то обгоняя, то опять пропуская впередъ тѣхъ, на кого еще хотѣлось взглянуть. Признаюсь, и мнѣ напоминало это столичныя гулянья. Бѣда мнѣ съ воспоминаніями—почти на всѣ предметы смотрю я не въ настоящемъ ихъ видѣ, а въ сравненіи съ подобными въ прошедшемъ. Бывалое во всемъ мнѣ мерещится. Здѣсь, на примѣръ, смотрѣлъ на арбы и думалъ о каретахъ, видѣлъ чадру и досадовалъ на вуаль, замѣченный возъ, со всѣмъ не мчался на двухъ парахъ буйволовъ въ дышлѣ и быковъ на уполѣ, а я спѣшилъ догонять четверню рѣзвыхъ коней; суровая татарка, строго исполняя велѣніе закона, готова была мнѣ плюнуть въ лицо, а я ожидалъ отъ нея привѣтливаго взгляда, потому что лошадка подъ нею напомнила мнѣ ту, на которой я, ровно 10 лѣтъ назадъ, видѣлъ, какъ ѣздили,—какъ я былъ молодъ—тогда... а теперь?.. Смѣшно, когда думаешь въ крестьянскомъ переселеніи видѣть городскія забавы, въ крестьянкахъ—находить сходство съ украшеніемъ столицъ.

Однако, чтобъ не показаться совсѣмъ сумасбродомъ, я

вамъ сообщу одно философическое замѣчаніе, мною сдѣланное; можетъ быть, оно всѣмъ извѣстно, да мнѣ дѣла до этого нѣтъ, мнѣ никто не открывалъ его, я самъ дошелъ. Замѣчаніе это не относится къ мужчинамъ, поступки и качества ихъ такъ глубоко разсудительны, такъ важны, такъ не проницаемы, что и помыслить страшно—судить о нихъ, того и смотри, что голова закружится. Все-таки о женщинахъ толкъ будетъ; я, ей-богу, душевно ихъ уважаю, пошли имъ Господи здоровье, радость, счастье, жизнь безмятежную—я премного имъ обязанъ; онѣ многому меня научили, а потому-то я всегда любилъ и даже теперь люблю ими въ особенности заниматься; довольно имѣлъ средствъ наблюдать ихъ въ различныхъ состояніяхъ и положеніяхъ, коротко узналъ ихъ милыя достоинства и милыя слабости.

Разсматривая соотечественницъ своихъ въ бѣдныхъ хижинахъ, большихъ избахъ, скромныхъ домикахъ, просторныхъ хоромахъ, въ красивыхъ палатахъ, въ пыльныхъ чертогахъ—вездѣ находилъ, что отличительныя черты пола сильнѣе въ нихъ врѣзаны, нежели въ мужчинахъ; юная поселянка имѣетъ нѣчто общее, въ нравственномъ смыслѣ, съ придворною красавицей; огромное разстояніе, безъ малѣйшаго сравненія, раздѣляетъ ихъ относительно утонченности и образованія, но—обѣ *женщины*; съ перваго взгляда вы видите, что сердцами обѣихъ управляетъ одно желаніе—нравиться. Едва-ли докажете, что и мужчинъ можно подвести подъ одно, всѣмъ общее правило. Нѣтъ, разнообразіе, постепенно идущее, представитъ въ нихъ много разрядовъ. Я видѣлъ женщинъ почти всѣхъ европейскихъ и весьма многихъ азійскихъ странъ; видѣлъ также женщинъ, принадлежащихъ къ пародамъ разсѣяннымъ по лицу земли—и находилъ между ими большое различіе въ чертахъ лицъ, въ обыкновеніяхъ, правилахъ, при-

вычкахъ, уборахъ, градуссахъ нѣжности, пылкости и большое сходство въ чертахъ пола—онѣ вездѣ одинаковы, вездѣ женщины. Не знаю, на чьей сторонѣ перевѣсъ—на сторонѣ-ли мужчинъ всеобъемлющихъ, или женщинъ, постоянно стремящихся къ одной цѣли; слыпалъ только, что собака, которая за двумя зайцами гонится, ни одного не ловитъ.

Я хотѣлъ сказать, что хотя экипажи на нашемъ гуляньѣ были весьма не пышны, не щеголеваты, не красивы, хотя наряды прекрасныхъ весьма не отличались вкусомъ, но все это не мѣшало имъ кокетничить, хотя не съ такою ловкостію, заманчивостію, тонкостію, какъ мастерять женщины большого европейскаго свѣта; однако, томные глазки, лукавая улыбка, плутовскія уловки, обольстительныя тѣлодвиженія—все показывало, что ихъ тоже научила кой-чему природа. Да, умѣренное кокетство есть врожденное женщинамъ свойство, и безъ него онѣ были-бы менѣе обворожительны. Милостивыя государыни, скромныя, добродѣтельныя красавицы, прошу не обижаться, я говорю—умѣренное кокетство, а не то, какое иногда случается замѣчать въ нѣкоторыхъ изъ прелестницъ... тому я нашелъ-бы названіе—и собственно русское; чего для васъ-же, право, не желаю сдѣлать. Я-бы могъ доказать даже, что самки животныхъ кокетничаютъ (я точно замѣчалъ это). слѣдовательно, такъ велитъ природа; но пора привести васъ въ Карсъ-чай, вамъ надоѣло мое путешествіе, вы устали читать—правду сказать, досталось и мнѣ...

И такъ, 18-го числа, вмѣсто ружейной перестрѣлки, производилась глазная,—которая изъ нихъ бываетъ опаснѣе—это зависитъ отъ обстоятельствъ. Передъ захожденіемъ солнца остановились мы на переправѣ черезъ рѣчку Карсъ-чай, вѣстахъ въ 11-ти отъ города. Здѣсь не предвиѣлось уже ни малѣй-

шей опасности и потому предположено было оставить тутъ жителей, съ тѣмъ, чтобы они на другой день пустились по своимъ мѣстамъ. Созвали старшинъ, они согласились, поблагодарили за все, для нихъ сдѣланное, и разошлись. Вотъ опять народъ повалилъ со всѣхъ сторонъ: если русскіе уйдутъ—*никто* не соглашается оставаться, кричали множество голосовъ. Мнѣ это подозрительно стало. Завтра, думаю я, не бояться они уѣзжать за нѣсколько десятковъ верстъ отъ русскихъ и въ самомъ дѣлѣ подвергаться опасностямъ, а сегодня вдругъ сдѣлалось имъ страшно тамъ, куда мальчики изъ Карса, по одиночкѣ, ходятъ безъ палокъ. Что-бы это значило? Мнѣ показалось, что я угадываю, кто это *никто*, которые не хотятъ нынче разстаться съ русскими; постарался цовѣрить свою догадку и достовѣрно узнать, что это—женщины. Видите-ли, и здѣсь, также какъ у просвѣщенныхъ, онѣ управляютъ мужчинами, а посмотрите на наружную строгость въ чимъ азіатцевъ,—нельзя не пожалѣть женщинъ. Кажется, это самыя несчастныя невольницы: ихъ и запираютъ, и увязываютъ, и Богъ знаетъ, чего съ ними не дѣлаютъ,—когда-же справится, кто кого за носъ водить, такъ носы болятъ у мужчинъ. Что-бы онѣ не дѣлали одинаково съ мужчинами, всѣ твердятъ—женщины не могутъ сравняться съ нами умственными способностями, а я слыхалъ, что кто умнѣе, тотъ обыкновенно вертитъ тѣми, кто поглупѣе его—видно и женщины по мудрѣ насъ мудрецовъ.

Арбы потянулись, и у насъ пѣсенники впередъ. Весело шли солдаты, какъ будто первую верету; вотъ, въ сумеркахъ, засверкали огни въ лагерѣ—и мы опять дома.

Такимъ образомъ освобождены 23 деревни, которыя потомъ водворились въ своихъ жилищахъ, убрали жатву, отдали податной хлѣбъ въ казну, продаютъ ей излишній, и мы въ круглый годъ не поѣдимъ того, что въ одинъ мѣсяцъ станчили.

На-силу конецъ.....впрочемъ, воля ваша:

Угоденъ—такъ меня читайте,

Не нравлюсь—такъ въ огонь бросайте, —

Трубы похвальной не ищу.

21-го октября.

Между тѣмъ, генераль-маіоръ Берхманъ получилъ повелѣніе, оставя гарнизонъ для охраненія Карса, идти къ Ардагану и взять его, разсѣявши войска турецкія, собравшіяся въ окрестностяхъ. Последнее было уже исполнено княземъ Бековичемъ—оставалось овладѣть крѣпостію. Новый случай къ отличію, новый праздникъ для насъ.

Не удивляйтесь радости военныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, радости, которую вы считаете, можетъ быть, неестественною, притворною. Нѣтъ, множество встрѣчается доказательствъ ея искренности. Какая дѣвушка не знаетъ, что выходя за-мужъ, она почти неминуемо подвергнется страданіямъ, а не-рѣдко и смерти, производя на свѣтъ младенца? Не смотря на то, много-ли охотницъ оставаться въ безбрачномъ состояніи? Я буду счастливѣе другихъ, думаетъ красавица, и желаніе—быть матерью, заставляетъ ее бросаться въ объятія мужа. Еще болѣе. Женщина, неоднократно испытывшая всѣ муки этого положенія, видитъ, что каждый ребенокъ, ею рождаемый, приближаетъ ее къ гробу,—видитъ то и исцѣлившись отъ безнадежной болѣзни—снова берется за прежнее. Полагаю, что въ тяжкія минуты всякая даетъ себѣ обѣщаніе впередъ, отказаться отъ причинъ столь злыхъ мученій, столь явной опасности; прошла бѣда—гдѣ исполненіе обѣтовъ? Не всегда же я буду одинаково несчастлива, думаетъ нѣжная супруга, и рѣшается еще па одинъ опытъ. Почему-же въ душѣ мужчины не можетъ гнѣздиться равносильная забывчивость о предъ

стоящихъ страданіяхъ, презрѣніе опасностей, готовность на смерть? Развѣ мало пружинѣ, подстрѣкающихъ его пускаться на неизбѣжную гибель, а не только съ радостію идти въ сраженіе, гдѣ не всѣхъ убиваютъ, не всѣхъ ранятъ: многіе насчитываютъ десятки битвъ—п не одной язвы. Власть надежды такъ-же велика надъ мужчинами, какъ надъ жепщинами,—а необходимость, а честолюбіе, а жажда славы—развѣ не творять чудесъ? Но не въ томъ дѣло.

21-го августа выступили мы съ тремя баталіонами егерей и 400 казаковъ, при 8-ми легкихъ орудіяхъ. Первый переходъ былъ весьма знакомъ: мы два раза прошли его—за жителями и обратно.

По прежнему, каменистый Карадагъ, не нравясь лошадямъ, которыя должны были выбирать мѣсто гдѣ ступить, привелъ къ довольно затруднительному спуску своему на Карсъ-чай; по прежнему полѣзли мы оттуда все выше и выше, къ озеру Айгеръ-гѣль (озеро жеребца). Преданіе гласитъ, что въ немъ живетъ водяной конь, который прячется при появленіи человѣка; но нѣкоторымъ удавалось издали видѣть его, пасущагося на берегу, и озеро отъ него получило свое наименованіе. Вода свѣжая, очень хорошая, и такъ прозрачна, что на большое разстояніе видны милліоны рыбъ, стадами гуляющія въ свѣтлыхъ струяхъ. Никто, говорятъ, не могъ достать дна на серединѣ, и судя по значительно увеличивающейся глубинѣ отъ береговъ и по расположенію окружающихъ покатоствей, я готовъ тому вѣрить, хотя никогда не полагалъ, что на такихъ высотахъ можетъ существовать столь обширное и во всѣхъ отношеніяхъ столь рѣдкое озеро. Слыша о немъ, я думалъ, что это есть небольшое собраніе дождевой воды, прибавляемой нѣсколько тающимъ снѣгомъ; но увидавши, изумился. Мнѣ кажется, что высокія горы, какъ въ ван-

нѣ, охватывающія это озеро, наполняютъ его изъ родниковъ своихъ, не позволяя никуда изливаться; каменистый-же грунтъ удерживаетъ его отъ прохода въ землю. Впрочемъ, азіятскія горы не-рѣдко представляютъ подобныя, по нашему, чудеса. Озрестности хороши, но жаль, что для полнаго ихъ украшенія нѣтъ ни деревни, ни садовъ, ни рощицы. Если-бы мѣсто это принадлежало европейскому вельможѣ, роскошному любителю природы, то, безъ сомнѣнія, оживилось-бы искусствомъ, и озеро на волнахъ своихъ колыхало-бы плавучій домикъ, и непрерывное присутствіе чловѣка уменьшило-бы дикость обитателя этихъ водъ, или заставило-бы его па-всегда скрыться.

Верстахъ въ 8-ми отъ Айгеръ-гѣль мы ночевали. Отсюда прежняя дорога наша отдѣлилась влѣво, а мы пошли прямо къ Ардагану, все поднимаясь выше.

Близъ карабахскаго поля, верстахъ въ 14-ти отъ крѣпости, передовые разъѣзды наши замѣтили палатки, обозы и видимо-невидимо парода, между которымъ произошла страшная тревога, когда показались сторожевые казаки, пробираясь по вершинамъ высотъ. Если непріятель намѣренъ тутъ встрѣтить насъ—весьма готовы; идя въ порядкѣ, не долго устроиться для пріема всегда жданныхъ.

Вотъ и отъ нихъ выѣхала толпа, не рѣшаясь однако приблизиться; мы шли впередъ. Число ихъ безпрестанно увеличивалось, казаки уже не-далеко отъ нихъ были. Вотъ понеслись они къ намъ, передовые стрѣлки начали заряжать ружья—и совершенно напрасно. Это старшины и поселяне—они объявили, что ихъ также гнали къ Эрзеруму, но послѣ дѣла 17-го числа, бывшіе при нихъ турки, полагая, что отрядъ нашъ скрывается гдѣ-нибудь по близости, и боясь нападенія, бросили ихъ и всѣ разбѣжались, а они, въ числѣ 33-хъ деревень, узнавши о вторичномъ движеніи нашемъ, рѣшились

выйти изъ ущельевъ и возвращаются на мѣста жительства своихъ, въ карскую область. Счастливый путь. Гдѣ-же палатки, которыя видѣли наши разъѣзды? Это женщины, сидящія на арбахъ, съ своими остроконечными головными уборами и распущенными чадрами, сыграли роль турецкихъ шатровъ. Бѣдныя женщины—какихъ ролей не играютъ онѣ на свѣтѣ!

Подходя къ Ардагану, проходили тѣснинами, которыя при оборонѣ представили-бы большія затрудненія, еслибъ не могли быть обойдены. Наконецъ, открылась крѣпость на утесѣ лѣваго берега рѣки Куры.

Ардаганскій бекъ, узнавши о приближеніи нашемъ, бѣжалъ въ горы; за нимъ послѣдовали всѣ магометане, армяне-же встрѣтили насъ съ покорностію и ключами.

Случилось, что въ день коронаціи Государя Императора, еще одна крѣпость турецкая пала къ стопамъ его—и это новое покореніе, необходимое для соединенія завоеваній нашихъ, не стоило ни капли крови его воинамъ. Чѣмъ лучше могли мы подарить его въ этотъ день, его, превосходящаго всѣ надежды и даже желанія подданныхъ.

Отъ Карса до Ардагана верстъ 75. Мѣста эти частію каменисты и хотя много уступаютъ пространству между Карсомъ и Гумрами—однако могутъ назваться хорошими, изобилуютъ весьма тучными пастбищами и обыкновенно служатъ лѣтнимъ кочевьемъ куртинцамъ и другимъ. Къ недостаткамъ-же этого пути надобно причислить слѣдующее: на всемъ протяженіи только въ четырехъ мѣстахъ есть вода—въ двухъ рѣчкахъ, озерѣ и маленькомъ болотистомъ ручейкѣ. По сторонамъ виднѣлись слѣды довольно большаго населенія; на дорогѣ-же только двѣ деревни и нѣтъ ни одного дерева, ни кустарниковъ, но близъ оной начинается большой лѣсъ и вообще его много не въ дальнемъ разстояніи отъ Ардагана, окре-

стности коего всѣмъ богаты; обильная равнина, орошаемая Курою, вмѣщаетъ всебѣ и хлѣбородныя поля, и большіе сѣнокосы, и пріятныя воды. Благосклонно взглянула природа на мѣста эти и съ излишнею противъ другихъ щедростію наградила ихъ.

Крѣпость ардаганская гораздо хуже и меньше карской; мѣстность благопріятствуетъ правильной осадѣ и осажденные не выдержали-бы трехъ дней, но теперь туркамъ лучше не пробовать вырвать ее у насъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ каменныхъ стѣнъ съ башнями, весь форштатъ, не очень большой, обнесенъ деревяннымъ срубомъ. Я въ первый разъ вижу такое укрѣпленіе и нахожу оное, по здѣшнему, хорошимъ. Ящики, составляющіе фигуру бастіоновъ, срублены изъ огромныхъ бревенъ и плотно набиты землею и камнями—высота ихъ болѣе трехъ аршинъ, а толстота не-много менѣе. Бастіоны соединяются между собою такого-же построенія ящиками, съ бойницами для ружейной обороны, только куртины эти имѣютъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ высоты, при такой-же толстотѣ. Съ внѣшней стороны есть паранетъ для стрѣлянія черезъ брустверь. Думаю, что эти срубы болѣе представили-бы сопротивленія дѣйствию осадныхъ орудій, нежели каменные стѣны крѣпости, не толстыя и не-прочно сложенные.

Строеній хорошихъ нѣтъ; домъ бека довольно великъ, но въ немъ конюшня лучше всѣхъ комнатъ; базаръ не большой и вообще наружная бѣдность даетъ право заключать, что Ардаганъ не слишкомъ процвѣталъ.

Здѣсь найдено 31 орудіе, порядочный запасъ артиллерійскихъ принадлежностей и незначительное количество провіанта. Въ пороховыхъ и хлѣбныхъ хранилищахъ замѣтны были признаки, что въ послѣдніе дни изъ нихъ тащилъ кто хотѣлъ и какъ хотѣлъ—видно пробѣгающее войско турецкое не забыло снабдить себя здѣсь всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшей боевой жизни.

Корпусный командиръ, зная, что въ окрестностяхъ Ардагана собирались разбѣжавшіеся изъ Ахалциха, полагалъ, что отрядъ нашъ можетъ найти тамъ большія силы непріятеля и потому прислалъ въ подкрѣпленіе генераль-маіора Муравьева, но онъ пришелъ уже послѣ занятія крѣпости и остался на нашемъ мѣстѣ, а мы 2-го числа отправились обратно и на третій день прибыли въ Карсъ.

Непріятеля нѣтъ болѣе въ нашихъ областяхъ, но слышно, что не важныя партіи ихъ расположены въ пограничныхъ деревняхъ и новый сераскиръ эрзерумскій (главнокомандующій здѣшняго края) старается собрать войска и попробовать отнять обратно наши завоеванія, чтобы, исправивши тѣмъ дѣла свои, выказать военныя достоинства; но смѣло ручаться можно, что успѣхъ не увѣнчаетъ его намѣреній и онъ также будетъ смѣненъ за неудачу, какъ предшественникъ его за потери и какъ другіе паши за то, что были разбиты. Одна участь ожидаетъ турецкихъ начальниковъ—и весьма не мудро, что между ими нѣтъ отличныхъ полководцевъ; напрогивъ, удивительнѣе было-бы, еслибъ, съ ихъ образованіемъ и устройствомъ во всѣхъ частяхъ, выискивались великіе люди. Довольно съ нихъ и того, если каждый, накурившись трубки и напившись кофе, будетъ успѣвать, разглаживая усы, переласкать всѣхъ женъ своихъ.

25-го ноября.

Турки дрожали уже за Эрзерумъ, но корпусный командиръ, оставя въ покоренныхъ крѣпостяхъ гарнизоны и въ Карсѣ нашъ отрядъ (состоящій изъ 39-го, 40-го и 42-го егерскихъ полковъ, 2-й легкой роты 20-й артилерійской бригады и донскаго казачьяго Извалова полка), съ прочими войсками пошелъ въ исходѣ сентября въ Грузію; вѣроятно, пото-

му, что увеличивающіеся холода предвѣщали наступленіе зимы, лишаящей возможности продолжать въ нынѣшнемъ году завоеванія.

Описанными дѣйствіями не ограничились побѣды кавказскаго корпуса. Генераль Эммануэль усмиряетъ горцевъ на линіи, генераль-маіоръ Гессе взялъ 15-го іюля кр. Поті, находящуюся на берегу Чернаго моря, близъ впаденія въ него р. Ріона, а князь Чавчавадзе, начальствующій въ армянской области, овладѣлъ 27-го августа кр. Баязедомъ; потомъ, очистивши весь пашалыкъ этотъ отъ непріятеля, занялъ кр. Топрахъ-кала, отстоящую съ небольшимъ на 100 верстъ отъ Эрзерума и въ экспедиціяхъ своихъ для освобожденія армянъ неоднократно встрѣчался съ турками, которые, не смотря на значительное превосходство свое въ силахъ, не могли остановить его предпріятій и, конечно, дивились смѣлости покушеній горсточки русскихъ.

Въ концѣ октября получено было извѣстіе, что почти всѣ войска непріятельскія стягиваются къ Топрахъ-кале, дабы отнять ее у нашихъ, и дѣйствовать противъ кн. Чавчавадзе, сидящаго, такъ сказать, у нихъ на носу. Движеніемъ нашего отряда къ Эрзеруму слѣдовало отвлечь ихъ оттуда, и не допустить, усилившись противъ эриванскаго отряда, сдѣлаться для него опасными.

30-го числа вечеромъ выступилъ генераль-маіоръ Берхманъ съ тремя баталіонами егерей, частию казаковъ и 10-ти орудіями, въ направленіи къ Араксу. Неудобство дороги воспрепятствовало пройти въ одну ночь верстъ до 60, дабы сдѣлать нечаянное нападеніе на ближайшій отрядъ непріятельскій, и на другое утро движеніе наше открыто и сильно встревожило турокъ. Большая часть собравшихся къ баязетскому пашалыку обратилась на-встрѣчу къ намъ, что-бы при-

крывать Эрзерумъ; жители пограничныхъ магометанскихъ селеній засуетились перебираться далѣе во внутренность, армяны стали угонять туда-же, суматоха распространялась въ Пассинѣ (*).

Съ величайшими усиліями дойдя и спустясь къ Араксу, генераль Берхманъ расположился на берегу ея, отправя князя Бековича для рекогносцированія противоположной стороны. Верстѣ 8 поднимались мы на крутую гору, мѣстами столь каменистую и столь трудную, что дальнѣйшее слѣдованіе отряда было-бы не-умѣстно, — тѣмъ болѣе, что главная цѣль достигнута — непріятель отвлеченъ отъ князя Чавчавадзе. Съ разсвѣтомъ 1-го ноября потянулись мы обратно. Скоро замѣчены разсыпавшіяся по горамъ партіи непріятельской конницы, которыя, собираясь вмѣстѣ, болѣе и болѣе приближались къ намъ. Всѣ нужныя высоты были уже заняты и имъ оставалось только нападать на арьергардъ и то единственно для шутки, потому что всѣ выгоды мѣстоположенія были на нашей сторонѣ; однако, они рѣшились попробовать и завязали сильную перестрѣлку. Съ обыкновенною запальчивостію бросались наѣздки на стрѣлковъ нашихъ, самые удалые подскакивали къ нимъ ближе, нежели на пистолетный выстрѣлъ, и часа два погорцевавши, они напрасно измучили лихихъ жеребцовъ своихъ и отправились во-свои; а мы, выбравъ

(*) Пассинъ — называется санджакъ (округъ) эрзерумскаго пашалыка, примыкающій къ карской области, — ихъ два — верхній и нижній Пассинъ.

Прим. автора.

Г. Малама въ своемъ описаніи эрзерумскаго вилаята (генераль-губернаторство) верхній Пассинъ относитъ къ *казама* (уѣздамъ), а нижній Пассинъ къ *нахіяма* (участкамъ); какъ тотъ, такъ и другой по нынѣшнему административному дѣленію входятъ въ санджакъ (губернія) Эрзерумъ.

Ред.

шивъ на гору, ожидали, что увидимся въ другой разъ, но ошиблись и безпрепятственно возвратились въ лагерь, откуда зима выгнала всѣхъ на квартиры—и 15-го числа отрядъ вступилъ въ крѣпость.

Такъ распростились мы съ нашими противниками—снѣга и морозы раздѣляютъ насъ и до весны нѣтъ нисколько надежды на свиданіе.

Письмо изъ Карса.

2-го декабря.

Гдѣ ты далекій другъ? Когда прервемъ разлуку?
Когда прострѣшь ко мнѣ ласкающую руку?
Когда мнѣ встрѣтитъ твоей душѣ понятный взглядъ,
И сердцемъ отвѣчать на дружбы гласъ священный?
Гдѣ вы—дни радостей? Придешь-ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно!
Или веселіе на вѣки отцвѣло,
И счастье мое съ протекшимъ протекло?..

Не пугайся, любезный другъ, грустнаго начала письма моего, не думай, что я изнываю отъ тоски—это минутный набѣгъ задумчивости, она пройдетъ также, какъ и все проходитъ на свѣтѣ. Ты знаешь меня—я все тотъ-же, время разлуки нашей не измѣнило меня. И такъ, можешь радоваться даже, видя, что вмѣсто черной печали, душа моя наполнена знакомымъ тебѣ чувствомъ.

Послѣднее письмо твое не выходитъ у меня изъ головы: что дѣлается съ тобою? Другъ, мое положеніе завиднѣе твое-

го; ты, окруженный блаженствомъ, скучаешь, я, пасынокъ счастія, весело несу бремя мое. Еслибъ ты по моему былъ бобылемъ, то я посовѣтоваль-бы тебѣ приѣхать къ намъ—премѣна мѣстъ и образа жизни, разнообразіе новыхъ предметовъ, участіе дружбы, излечили-бы болѣзнь души твоей; но семейныя обязанности удерживаютъ тебя, зачѣмъ я не могу летѣть къ тебѣ на помощь? Однако, полно плакать—это не мое дѣло.

Давно уже намѣреваюсь я сообщить тебѣ что-нибудь о Карсѣ, но недосугъ и разные обстоятельства препятствовали; главнѣйшая-же причина состояла въ томъ, что хотѣлъ прежде самъ узнать вѣрнѣе то, о чемъ говорить буду—сче и теперь слѣдовало-бы молчать, еслибъ не настоятельное требованіе принуждало меня подѣлиться съ тобою малыми свѣдѣніями, которыя успѣлъ я собрать.

Взглянувши на карту, увидишь, что карскій пашалыкъ лежитъ между 40° и 41°, 10' сѣверной шпроты, 60° и 61°, 25' восточной долготы отъ перваго меридіана, и граничитъ: къ сѣверу—съ ахалцыхскимъ пашалыкомъ, къ востоку—съ Грузіею и армянскою областію, къ югу—съ баязедскимъ, къ западу—съ эрзерумскимъ пашалыками.

Раздѣляется на 4 сапджака (округа): гечеванскій (*), кагызманскій, шурагельскій (заключающій развалины древней Ани, лежащей на Арпачаѣ) и зарушадскій; сверхъ того, есть пятый округъ, называемый тахтинскими деревнями. Слово *тахтъ*—значитъ престолъ, деревни сіи принадлежали нѣкогда казнѣ и отъ того получили наименованіе свое.

(*) *Гечеванъ* какъ округъ, по нынѣшнему административному дѣленію, не существуетъ; мѣстность эту занимаютъ 3-ри аширета кочующихъ кюрдовъ; деревня-же *Гечеванъ* есть и теперь—на ю.-з. отъ Карса, въ 50 верстахъ. См. описаніе эрзерум. вил. г. Маламы.

Пашалыкъ занимаетъ около 9500 кв. верстъ и содержитъ до 200 селеній армянскихъ и татарскихъ.

Мѣстное положеніе области представляетъ въ естественномъ отношеніи всевозможныя выгоды. Хлѣбородная земля, изобилующая озерами, рѣками, ручьями, источниками, составляетъ главнѣйшее богатство жителей; большіе сосновые лѣса не даютъ имъ чувствовать недостатка въ деревѣ, тучныя пастбища позволяютъ заводить обширныя скотоводства, близъ Аракса соляныя горы, фруКТовые сады, виноградники, снабжаютъ ихъ произведеніями своими, озера и рѣки доставляютъ множество форели и другихъ рыбъ, — что можно образовать со временемъ новую отрасль промышленности. Словомъ, карская область въ первыхъ потребностяхъ не только не нуждается въ помощи сосѣдей, но всѣхъ, напротивъ, надѣляетъ избытками своими—всѣ окрестныя мѣста къ ней прибѣгаютъ. Это запасный магазинъ края, который можетъ избавить правительство наше отъ величайшихъ издержекъ, употребляемыхъ на содержаніе войскъ кавказскаго корпуса и вообще доставить множество выгодъ.

Климатъ прекрасный, здоровый во всѣхъ отношеніяхъ—это не Персія; смѣло скажу, что карская область не уступитъ лучшимъ губерніямъ Россіи. Природа щедро наградила ее дарами своими, люди ничего не усовершенствовали. Смотря на жителей, думаешь, что они мимоходомъ остановились здѣсь и только заботились о транзитныхъ дорогахъ, которыя очень хорошо устроены. Кромѣ вѣковыхъ мостовъ на рѣчкахъ и мостиковъ на ручейкахъ, канавкахъ, мнѣ часто случалось видѣть черезъ болоты длинныя плотины, изъ огромныхъ каменныхъ плитъ составленныя,—но и онѣя, кажется, принадлежатъ, если не къ древности, то къ глубокой старинѣ.

Другъ, здѣсь болѣе прежняго я имѣлъ причинъ благодарить Бога, что родился русскимъ. Я русскій—и сердце мое трепещетъ отъ радости, я русскій—и съ гордостію замѣчаю уваженіе народовъ къ величію русскому. О, да цвѣтетъ оно, дорогое отечество, и да льются благіе дары Промысла на виновниковъ славы его и благоденствія!

Если-бы подвиги храбрости и всѣхъ воинскихъ достоинствъ здѣшняго корпуса давно не гремѣли въ горахъ, ущельяхъ Кавказа, не разносились въ равнинахъ Арменіи, то двухъ послѣднихъ кампаній было-бы слишкомъ достаточно, чтобы увѣковѣчить дѣянія ихъ. Нужны цѣлыя книги, чтобъ описать долю частныхъ подвиговъ, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ войнъ. Повиновеніе, рѣшительность, высшее военное устройство, изумляютъ самыхъ злѣйшихъ непріятелей, и справедливая, общая хвала есть—достойное воздаяніе достойнымъ.

Такъ сдѣлано начало водворенія обывателей карской области на мѣстахъ жительства и надобно прибавить, что экспедиція эта хорошо обдуманная, искусно совершенная и удачно окончившаяся, сдѣлалась главнѣйшею причиною нынѣшняго, можно сказать, цвѣтущаго положенія области, гдѣ слѣды войны почти совершенно изгладились. Безъ этого-же движенія мы едва-ли собрали-бы жителей въ деревняхъ и, оставшись при одномъ городѣ, не получили-бы тѣхъ выгодъ, которыя теперь извлечены даже для будущей кампаніи.

Между тѣмъ, занятая нами страна очищена отъ непріятеля и всѣ увидѣли, что счастье въ этой войнѣ не измѣняетъ искусству и мужеству; всѣ убѣдились, что русскіе стали твердою ногою въ покоренныхъ областяхъ и увѣрились въ прочности ихъ завоеваній. Быстро распространялся слухъ о благосостояніи перешедшихъ къ намъ отсюда, стека-

лись семейства и ежедневно увеличивалось населеніе деревень, до того, что осталось весьма не-много пустыхъ, жителей коихъ турки успѣли прежде угнать къ Эрзеруму. Дѣятельно принялись поселяне за уборку полей своихъ—имъ позволено также снять посѣвы отсутствующихъ, и они сдѣлали столь огромные запасы, что для продовольствія войскъ куплено у нихъ болѣе 20 т. четвертей хлѣба. Самаръ (*) пшеницы платился на мѣстѣ по 2 р. 40 к. серебромъ, а ячменя по 1 р. 60 к. Мало по-малу поднялась цѣна, по мѣрѣ болшихъ требованій войсками и пріѣзда покупателей за хлѣбомъ изъ Грузіи и другихъ нашихъ владѣній; теперь пшеница доходитъ до 7 руб. сер., ячмень до 3-хъ, но казенная покупка кончилась и успѣхъ ея много уменьшилъ издержекъ, возвысились также всѣ мелочи; прежде-же деньги были такъ дороги здѣсь, что продукты почти не имѣли цѣны, и сначала на рубль серебра покупалось до 20 и болѣе куръ и въ такомъ-же содержаніи все прочее. Не правда-ли, что общій знакомый нашъ, назвавшій Подолію благословеннымъ краемъ за то, что дешево купилъ утку, не отказалъ-бы и карской области въ этомъ наименованіи?

Генераль-маіоръ Берхманъ, командующій здѣшнимъ отрядомъ, до половины ноября стоялъ въ лагерѣ, къ сторонѣ Эрзерума, не въ дальнемъ разстояніи отъ хребта соганлугскихъ горъ, отдѣляющихъ насъ отъ владѣній, дабы препятствовать вторженіямъ непріятеля въ предѣлы наши для разоренія обывателей, на что собравшіеся въ Пассинѣ турки неоднократно покушались,—но близость и движенія нашихъ не позволяли имъ успѣвать въ намѣреніяхъ, а нѣсколько неудачъ и совсѣмъ отбили охоту пробовать. Теперь выпавшій

(*) Въ карскомъ санджакѣ самаръ заключаетъ 16 пуд. 10 фунт. пшеницы и 13 пуд. 26 фунт. ячменя.

снѣгъ и славные морозы разлучаютъ насъ, и въ послѣдней стычкѣ на Араксѣ, 1-го ноября, мы, кажется, простились съ ними до пріятнаго свиданія весною, подъ стѣнами Эрзерума, если заключеніе мира не лишитъ насъ этого удовольствія.

Когда и кѣмъ основаны городъ и крѣпость Карсъ—я не знаю. Не имѣя рѣшительно ни одной книженочки, нигдѣ не могу справиться о томъ. Пожалуйста, войди въ мое горе и поройся въ Саллюстіѣ, Малькольмѣ, Киннеирѣ, или посоветуйся съ какой-нибудь всевѣдой и сообщи мнѣ твои открытія. Мнѣ помнится только, что Тацитъ говоритъ о встрѣчѣ Германпка съ Пизономъ въ Циррѣ (нынѣшнемъ Карсѣ). Тиверій царствовалъ тогда въ Римѣ, Германикъ управлялъ Мал. Азіею во второе консульство свое и короновалъ на престолъ Арменіи Артаксіаса. Вскорѣ потомъ явно возгорѣлась ссора съ Пизономъ и это случилось въ Циррѣ, или Карсѣ; слѣдовательно, онъ существовалъ уже въ 18-мъ году по Р. Х.—доведи меня до начала его (*). Еслибъ я былъ теперь въ Эчміадзинѣ, то монахи показали-бы мнѣ дорогу—я имѣлъ случай увѣриться, что армянскія лѣтописи весьма много любопытнаго и новаго могутъ открыть любителямъ исторіи,—но гдѣ взять, чего нѣтъ?

Нынѣшняя цитадель расположена на утесѣ праваго берега Карсъ-чай, огибающаго ее съ сѣверной и западной стороны, которыя совершенно не приступны. Верхній ярусъ составляетъ квадратъ, два нижніе, лежащіе по скату горы, надъ городомъ, образуютъ родъ паралелограма и всѣ усѣяны орудіями; но предваряю тебя, что описанія моп не будутъ ни

(*) Первоначально городъ назывался *Цирромъ*, потомъ *Гару* и, наконецъ, съ X вѣка по Р. Х.—Карсомъ. Послѣднее названіе дано ему Константиномъ Порфиророднымъ, греческимъ императоромъ. См. ст. г. Маламы — «Историческій очеркъ Карса.»

подробны, ни строго точны. Неправильности повторенія лишаютъ возможности рассказать вѣрно—для этого нужно много времени и описаніе выйдетъ длиннѣе укрѣплений; даже въ чертежѣ большаго размѣра съ трудомъ можно соблюсти всѣ изгибы крѣпостныхъ стѣнъ, которыя выются столь разнообразно, что должны привести въ отчаяніе того, кто захочетъ все означить на своемъ планѣ.

Продолженіе наружныхъ стѣнъ цитадели примыкаетъ къ крѣпостнымъ съ восточной и южной сторонъ и образуютъ крѣпость, имѣющую вообще 4 главныхъ угла, соединяющихся волнистыми линіями. Длина боковъ отъ 260 до 350 саж. Сѣверный и сѣверо-западный фасы, висящіе надъ утесомъ, обнесены одною стѣною, юго-западный, южный и восточный—двумя, изъ коихъ, разумѣется, внутреннія выше наружныхъ.

Цитадель, также и крѣпость, сложены изъ дикаго камня, но въ отдѣлкѣ первой замѣтно болѣе чистоты, тщательности и способъ построения ея заставляетъ думать, что крѣпость придѣлана къ ней гораздо позднѣе; 151 орудіе обстрѣливаютъ окрестности, представляющія по каменистому грунту, невыгодному мѣстоположенію и другимъ неудобствамъ при осадныхъ работахъ, столько затрудненій для взятія крѣпости безъ штурма, что хотѣлось-бы мнѣ посмотреть, какъ 50 т. турецкая армія, со всѣми принадлежностями своими, выживетъ насъ отсюда, хотя здѣшній отрядъ, съ нестроевыми, едва-ли выставитъ болѣе 4 т. человекъ.

Крѣпость населена магометанами и раздѣляется на 17 магаловъ (кварталовъ); въ каждомъ есть по мечети и во всѣхъ: 1 армянская церковь, 850 домовъ, 1 казенный каравансарай, 126 лавокъ и 2 бани.

Къ восточному и южному фасамъ прилегаютъ два татарскихъ форштата, а противъ западнаго лежитъ армянскій, от-

дѣляющійся отъ всего рѣкою, на коей въ близкомъ оди́нѣ отъ другаго разстояніи есть 3 моста—средній весь изъ камня на 3-хъ аркахъ, боковые-же на каменныхъ столбахъ, соединенныхъ толстыми деревянными брусьями, замощенными камнемъ. Мосты сіи выстроены весьма хорошо и прочно, но не слѣдовало-бы задавливать переклады столь тяжелымъ помостомъ, сверхъ коего сдѣланы еще перилы изъ огромныхъ-же камней, хорошо пригнанныхъ и обточенныхъ.

Въ двухъ магометанскихъ предмѣстіяхъ считается 1174, а въ армянскомъ 600 домовъ. Всѣ предмѣстія раздѣлены на 11 магаловъ, въ каждомъ по 1-й мечети и одна церковь, а во всѣхъ 4 каравансарая, съ комнатами для пріѣзжихъ и 430 лавокъ. Въ армянскомъ форштатѣ: 2 бани, 2 кожевни, 6 мыльныхъ и 1 кирпичный заводовъ,—фабрикъ никакихъ нѣтъ, но въ домахъ дѣлаются войлоки, простые ковры и т. п. Для крашенія издѣлій есть 6 красилень для краснаго цвѣта и 15 для синяго; къ городу принадлежатъ 7 водяныхъ мѣльницъ. Карсъ ведетъ торгъ съ Грузіею, Персіею и Турціею. *Изъ Грузіи* получаетъ: кофе, сукно, шелкъ, русскій холстъ, ситець, ромъ, вино, балыкъ, нефть, ковры, войлоки, кожи, жернова и изъ казахской дистанціи лошадей. *Изъ Эривани*: сахаръ, шелковыя, шерстяныя, бумажныя матеріи, хлопчатую бумагу, сарочинское пшено, простой курительный табакъ, сухіе и свѣжіе плоды, мыльный песокъ и краски. *Изъ Ахалциха*: воскъ, медъ, холстъ, фрукты, строевой лѣсъ. *Изъ Эрзерума*: сукно, парчи, оружіе, порохъ, табакъ, шелковыя и шерстяныя матеріи.

Изъ Персіи и Грузіи доставленные товары препровождаются въ Эрзерумъ и другія мѣста; пошлинъ бралъ паша по 4 коп. съ рубля, сверхъ того разныхъ накладокъ на товары съ армянъ взималось до 1 т. руб. серебромъ, что со-

ставляло всего таможенного дохода около 2500 руб. серебромъ.

Изъ карской-же области вывозится хлѣбъ, соль и частію дерево.

Городъ расположенъ амфитеатромъ и былъ-бы красивъ, если-бы дома обѣлились и раскрашивались; улицы узкія, кривыя, особенно въ крѣпости, гдѣ двѣ встрѣтившіяся повозки ни-какъ не могутъ разъѣхаться и проѣзжающіе должны дѣлать, какъ умѣютъ. Мостовая и тротуары, для прохода одного человека, сдѣланы изъ большихъ твердаго свойства камней, въ которыхъ нѣтъ недостатка. Дома каменные и множество двух-этажныхъ, съ деревянными балконами. Архитектура самая жалкая—видишь большой домъ изъ хорошаго матеріала, думаешь въ срединѣ найти отличное помѣщеніе—и ошибаешься: двухъ комнатъ нѣтъ всегда выгодныхъ для житья. Лѣтніе покои, безъ которыхъ весьма можно обойтись по здѣшнему климату и разнымъ каморки, не у мѣста расположенныя, все портятъ. Нижній этажъ отводится подъ кухни, конюшни, всего удобнѣе обдѣланныя, и дамскіе будуары, врытые въ скаты горы, въ коихъ подъ потолкомъ только оставлено окошечко, вершковъ въ 6 длины,—свѣтъ не ослѣпляетъ тамъ взоровъ. и царствуетъ нѣжный другъ сладострастія—вѣчный сумракъ. Въ сіе окошечко прекрасныя—видятъ лоскутокъ неба, которое могло-бы, конечно, скоро приглядѣться, еслибъ не разнообразилось пробѣгающими облаками или волнами тучъ осеннихъ. Правда, не одинъ этотъ видъ имъ представляется—иногда въ ихъ окошечко смотрится часть луны, и юныя жены, въ уединенныхъ мечтаніяхъ своихъ, любятъ серебряными ея рогами и мечтанія ихъ невольно усиливается.

Почти во всѣхъ комнатахъ деревянные потолки и во многихъ полы, нижняя часть стѣнъ обшита досками—вездѣ много дерева въ разныхъ отдѣлкахъ и много сходства во

вкусѣ съ izbami богатыхъ мужиковъ русскихъ—вездѣ ларіи, поставки и рѣзба,—только мастеровые наши немного болѣе наблюдаютъ правильности, тутъ-же мнѣ не случалось еще видѣть ничего прямого—все криво и косо. Однако, здѣшнія квартиры наши вообще несравненно выгоднѣе, нежели въ Персіи были, хотя дома тамъ пышнѣе, красивѣе и щеголеватѣе.

Въ числѣ жителей, кромѣ армянъ, турокъ и татаръ, есть цыгане—ихъ менѣе ста душъ обоего пола и всѣ они живутъ въ городѣ на южномъ фюрштатѣ.

Армяне—народъ промышленный, оборотливый, за честность ихъ не ручаюсь, но въ искренней преданности къ правительству нашему нельзя сомнѣваться. Выгоды, замѣченныя ими въ новой перемѣнѣ, слишкомъ велики: вмѣсто угнетенія—кротость, вмѣсто грабежей—покровительство, вмѣсто пренебреженія—справедливость. Кто не захочетъ сдѣлать столь удачный обмѣнъ. И армяне отъ души желаютъ принадлежать Россіи, и здѣсь, какъ въ Эривани, малютка, едва начинающій лепетать, видя нашихъ, кричитъ по-русски:—„здравствуй“. Еще въ него нельзя вселить притворства, надобно, чтобы онъ непрерывно слышалъ похвалы русскимъ и съ молокомъ матери всасывалъ любовь къ нимъ. И должно отдать полную справедливость обращенію войскъ нашихъ съ обывателями. Не стану увѣрять тебя, что въ здѣшнихъ полкахъ все ангелы, но скажу, что у дьяволовъ рога и зубы подпилены—начальство слишкомъ хорошо беретъ свои мѣры,—ничто дурное не скрывается, ничему не потакаютъ и мошенники такъ убѣдились въ томъ, что только самые отважные рѣшаются на опыты и, при всегдашней неудачѣ, теряютъ охоту къ повторенію. Это вошло въ общее правило, въ привычку, и какъ будто иначе быть не могло. Въ Россіи солдатъ позволяетъ

себѣ болѣе дерзости надъ мужикомъ и отъ того чаще бываютъ ссоры, здѣсь и не слышать о нихъ. Такое примѣрное поведеніе вселило неограниченную довѣренность въ жителей — они очень хорошо поняли, что есть и между нашими дурные, но увѣрились, что за таковыми строго наблюдаютъ и потому не опасаются ихъ.

Однажды поселяне приходятъ въ лагерь, являются къ генералу Берхману и говорятъ: мы должны везти въ Карслхѣбъ, проданный въ казну; жены наши однѣ остаются въ деревнѣ, ихъ некому защищать отъ обидъ. Сдѣлайте милость, дайте намъ нѣсколько солдатъ, пока мы возвратимся. Не правдали, что довѣренность не можетъ выше простираться, особенно въ Азіи, гдѣ очень придерживаются правила, что жену, да любимую лошадь никому поручать не должно?

Это происшествіе напомнило князю Бековичу слѣдующее: въ 1823 году былъ онъ въ Дагестанѣ съ отрядомъ для усмиренія возмутившихся. Исполнивши порученіе, войска расположились на зимнихъ квартирахъ въ деревняхъ. Скоро солдаты сдружились съ обывателями до того, что помогали имъ во всѣхъ домашнихъ работахъ и жили какъ родные. Забавно было видѣть усаца нашего, въ огромномъ хозяйскомъ тулупѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, забавляющаго малютку, въ то время, какъ мать занималась рукодѣльемъ или хозяйствомъ. Пришла пора выходить отряду—все мужчины и женщины провожали ихъ болѣе 5-ти верстъ, везли хлѣбъ, медъ, молоко и съ истиннымъ сожалѣніемъ дагестанцы разставались съ русскими. Но повторяю, что я никогда не кончу, если вздумаю пересказывать тебѣ тысячи тысячъ анекдотовъ здѣшнихъ, во всѣхъ родахъ.

Магометане оказываютъ во всемъ совершенную покорность, но замѣчая суровость характера ихъ и сильный фа-

патизмъ къ вѣрѣ, возбуждающей ненависть къ христіанамъ, нельзя полагать, чтобы истинная къ намъ привязанность столь скоро могла изгнать изъ сердець ихъ врожденную злобу. Они видятъ преимущество законовъ нашихъ, удивляются благоразумію и кротости правленія, желали-бы остаться съ нами, но приверженность къ религіи должна замедлять развитіе ихъ расположенія къ намъ.

Князь Бековичъ имѣетъ особенный даръ и средства привлекать ихъ съ собою. Съ малолѣтства научась не только турецкому, но и арабскому языку, онъ знаетъ ихъ въ тонкости, знаетъ также нравы, обычаи, духъ народовъ азіатскихъ, и приобрѣлъ необычайное искусство владѣть ими. Всѣ чиновники турецкіе, можно сказать, обожаютъ его. Люблю я присутствовать при бесѣдахъ его съ ними—не понимая языка, по неволѣ обращаю все вниманіе на лица, слова разговоровъ не развлекаютъ моихъ наблюденій и по фізіономіямъ я почти всегда отгадываю, о чемъ идетъ рѣчь. Вижу, когда онъ объясняетъ имъ мудрость государственныхъ постановленій нашихъ, имѣющихъ постоянною цѣлію благоденствіе подданныхъ,—убѣжденіе сильнѣе и сильнѣе выражается въ суровыхъ чертахъ кадія, свѣтлый взглядъ муфтія давно уже выражаетъ высокое уваженіе, имъ ощущаемое. Знаю, когда онъ описываетъ обширность Россіи, славу ея, могущество, величіе, знаменитыя дѣла государей, славные подвиги полководцевъ, министровъ—изумленіе открываетъ мнѣ чувства ихъ, и я слѣдую за ними по догадкѣ и какъ будто въ первый разъ слышу повѣствованія о томъ—такъ дѣйствуетъ на меня сила вліянія, въ нихъ производимаго. Онъ разсуждаетъ о религіяхъ, на текстахъ корана основываетъ доказательства свои, открывая имъ неправильность ихъ толкованій—и они удивляются его свѣдѣніямъ и часто сознаніе сверкаетъ въ непритвор-

ныхъ глазахъ муфтія и увеличивается скрытность на щекахъ кадія.

Любовь, почтеніе, приверженность, ясно отпечатываются въ чертахъ многихъ къ нему приходящихъ, и какое множество выразительныхъ, прекрасныхъ лицъ встрѣчается. Еслибъ ты видѣлъ одного янычарскаго чиновника, здѣсь живущаго, что за голова! Армяне далеко не могутъ равняться съ турками въ значительности лицъ—они довольно часто напоминаютъ мнѣ о жидкахъ.

Не имѣя надобности въ переводчикѣ, князь Бековичъ не только вполне изясняетъ имъ свои мысли, но вводя ихъ въ откровенные разговоры, можетъ извлекать то, чего самый лучший переводчикъ передать не въ состояніи. Постигнувши всѣ неприимѣтныя для другихъ оттѣнки нравовъ здѣшнихъ народовъ, онъ изыскалъ средства вести ихъ къ цѣли своей—и этими способами, кромѣ обыкновеннаго устройства въ области, открылъ разные доходы казны, которые по доставшимся свѣдѣніямъ не были извѣстны и пропадали,—успѣлъ склонить даже татаръ, перейти къ намъ, и такимъ образомъ, населивши область, получилъ возможность заготовить большіе запасы продовольствія для начала будущей кампаніи,—наконецъ, убѣдиль магометанское духовенство въ часто гибельномъ для турокъ заблужденіи фатализма и умѣлъ заставить священниковъ—дѣйствовать примѣромъ и наставленіями на простой народъ, и оказавшаяся во многихъ мѣстахъ чума прекращена, не распространившись, ибо жители, получая чрезъ имамовъ докторскія предписанія, скоро увидѣли пользу и перестали противиться страшному, во всякомъ случаѣ, для невѣжества пововведенію, и потомъ сами начали прибѣгать къ медикамъ съ просьбами о лекарствахъ и совѣтахъ.

Я имѣю еще множество вещей сказать тебѣ, но отлагая

дальнѣйшія подробности до другаго посланія, сообщу теперь, какъ мы убиваемъ время, чтобъ ты обо всемъ зналъ по-немногу.

Всякаго рода жизнь имѣетъ свои неудобства и свои пріятности удовольствій—наши зависятъ всегда отъ постороннихъ обстоятельствъ, отъ расположенія душевнаго; сердце, растерзанное, мучится шумнымъ весельемъ, къ которому стремится неопытность,—первое—жаждетъ тишины глубокой, чтобъ на свободѣ врачевать раны свои, послѣдней—нужна пламенная разсѣянность, чтобъ заглушить бурный гласъ кипящаго желанія—жить. Насладившійся, ищетъ отдыха, пресыщенный—возбужденія, умѣренный управляетъ желаніями своими и всѣмъ довольствуется, слабый увлекается страстями и ни въ чемъ не находитъ отрады. Тысячи отѣнковъ въ характерахъ, тысячи точекъ зрѣнія на предметы. Гдѣ-же общая черта наслажденій? Проведи еѣ—и люди будутъ истинно несчастливы, иной лучше согласится страдать, нежели искать облегченія въ томъ, что другой почитаетъ блаженствомъ—составъ душъ ихъ различенъ. Сова не дерзаетъ взглянуть на свѣтъ, орелъ прямо устремляетъ взоры на солнце. Постепенный ходъ обзора другихъ соединяетъ эти крайности—это не совы и не орлы, различно ихъ зрѣніе, различенъ и полетъ.

Братъ и другъ, ты чувствуешь свое благополучіе, любовь жены, утѣхи отца приводятъ тебя въ восторгъ, отъ чего-же тяжесть давитъ грудь, столь твердую прежде? Еслибъ я не зналъ тебя, то могъ-бы почитать слишкомъ слабымъ для того, чтобы переносить верховное счастье, недостойнымъ имъ наслаждаться; но нѣтъ; ты не принадлежишь къ числу тѣхъ полу-людей, которыхъ убиваетъ и горе, убиваетъ и радость. Воспрянь-же отъ изнеможенія, поселеннаго въ тебѣ первыми минутами райскаго существованія; раздери мрачный

покровъ, надернутый враждебнымъ духомъ на все тебя окружающее, и мужественно исторгни змію сокрушенія, тебя грызущую. Первое извѣстіе о тебѣ должно убѣдить меня, что я не ошибся въ выборѣ друга.

Ты требуешь совѣтовъ—не совѣты другихъ должны спасать тебя, а собственно твоя твердость и дѣятельность. Спрашиваешь о моемъ нравственномъ положеніи—и вотъ нѣскольکو словъ о томъ.

Тебѣ извѣстна любимая прежде мечта моя, она и теперь не измѣняетъ моему сердцу, которое жаждетъ, послѣ всѣхъ бурь, бросить якорь въ пристани любви и дружбы. Дружбою нѣкоторыхъ я имѣю право гордиться...

Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,

И невозвратное надеждъ уничтоженъе.

Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно?

Вотъ, любезнѣйшій другъ, причина, нарушающая иногда мое затвердѣлое равнодушіе. Обдумавши слова мои, не скажешь-ли—будущность его не утѣшительна?

Свершилось! цѣлью упованья

Не зреть онъ въ міръ ничего;

И вы, послѣднія мечтанья,

И вы, сокрылись отъ него.

Но все пустяки, увѣряю тебя, что я совершенно излечился отъ хандры, которая въ старину и забавляла, и пугала тебя, достигъ высшей степени спокойствія и терпѣнія. Правда, съ мѣсяць назадъ угрюмый Карсъ нашъ три дня смотрѣлъ на меня гробомъ, а Эривань, съ садами своими, все это время представлялась въ самомъ улыбающемся видѣ; однако, клянусь колпакомъ великаго Канта, что вооружась

всею тяжестью его философіи, я поссорюсь съ этимъ гостемъ, если онъ опять вздумаетъ посѣтить меня,—не позволяй и ты тоскѣ владѣть тобою, возьми съ меня примѣръ рѣшительности. Право, намъ стыдно поддаваться слабости, мы-ли не старались напитать себя духомъ бодрымъ, мы-ли не усердно бивали поклоны при молитвѣ—«духъ-же смиренномудрія, терпѣнія и любви, даруй мнѣ, рабу твоему?»... Однако, далѣе.

Пока продолжалась боевая жизнь наша, то и занятія, и увеселенія съ нею согласовались, и нельзя сказать, чтобы жизнь эта вовсе лишена была пріятностей—она представляетъ иногда такія минуты, которымъ позавидовали-бы самыя прихотливыя искатели забавъ. Конечно, минуты эти не часто повторяются и тѣмъ болѣе умѣютъ ихъ цѣнить тѣ, которые, непрерывно подвергаясь лишеніямъ, научились всѣмъ пользоваться. Привычка жить отъ дня до дня уменьшаетъ скуку, товарищество разгоняетъ ее, а кто въ самомъ себѣ находитъ развлеченіе, тому вездѣ не худо.

Теперь весь отрядъ въ крѣпости, пріятели и знакомые, собиравсь вмѣстѣ, проводятъ праздные часы, кто какъ можетъ. Я ничего не умѣю сказать тебѣ о главнѣйшихъ занятіяхъ ихъ, потому что, имѣя достаточно собственныхъ, рѣшительно нигдѣ никогда не бываю. Боюсь терять время свободное отъ службы, ибо столько собралось дѣла, что, не смотря на продолжительность здѣшней зимы, едва-ли успѣю все кончить.

Бываютъ иногда званые обѣды и сборы болѣе обыкновенныхъ—гремятъ полковыя музыки, льется шампанское въ тостахъ и оживляется удовольствіе въ сердцахъ присутствующихъ. Ты знаешь, что я не охотно посѣщалъ подобные пиры, и теперь не лежитъ къ нимъ сердце. Съ удовольствіемъ, однако, смотрю я на угощенія, дѣлаемые начальни-

комъ области здѣшнимъ старшинамъ и чиновникамъ. Эти праздники видимо сближаютъ и русскихъ съ магометанами и магометанъ съ армянами; закоренѣлая ненависть мусульманъ къ христіанамъ, мало по малу, смягчается и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при подобныхъ поступкахъ она скоро исчезнетъ.

Наконецъ, въ Карсѣ есть одинъ домъ семейный. 39-го егерскаго полка подполковникъ Пулло съ женою своею разставались только на время военныхъ дѣйствій. Трудный, ускоренный походъ изъ Крыма въ Грузію совершили они вмѣстѣ. Полки двинулись для усмиренія джарскихъ лезгинъ—она остановилась въ пограничномъ городкѣ; расположились на квартирахъ въ с. Али-абатѣ, за Алазанью, гдѣ русскіе до толѣ бывали только мимоходомъ,—мужъ боится вызвать ее, не довѣряетъ безопасности дорогъ, ожидаетъ вѣрнаго случая—она, не дожидаясь, утѣшаетъ его своимъ прибытіемъ; пошли въ Персію—она осталась въ Тифлисѣ; по взятіи Эривани, 39-му полку пришлось тамъ зимовать—она пріѣзжаетъ; войска стали на границѣ Турціи—она вслѣдъ за нами, тропулись впередъ—она ожидаетъ въ Гумрахъ. (Черезъ рѣчку Арпачай непріятельская земля; въ Гумрахъ только одинъ баталіонъ пѣхоты и отъ внезапнаго нападенія на скорую руку сдѣланное каменное укрѣпленіе). Берутъ Карсъ и подполковникъ Пулло назначается комендантомъ. „Ты можешь пріѣхать—пишетъ онъ къ ней, по лучше сдѣлаешь, если подождешь нѣсколько—здѣсь открывается чума.“ Она получаетъ письмо его, садится въ коляску—и въ Карсъ.

Не разбирая опасностей, которымъ подвергалась она, не считывая трудовъ, которые переносила и къ которымъ, по воспитанію своему, не могла привыкнуть, не рассматривая убіиственной скуки, которую должна терпѣть—взгляни только

на разстояніе, которое сдѣлала, на походную жизнь, третій годъ продолжающуюся, и скажи—думаешь-ли ты, что еслибъ женщины служили и подобно мужчинамъ бросались изъ угла въ уголъ по бѣлому свѣту, согласились-ли-бы мужья таскаться за ними, лишаясь всѣхъ удобствъ? Н. К., позвольте узнать и ваше объ этомъ мнѣніе?

Не знаю, что-бы дѣлали мужья, будучи поставлены въ положеніе женъ, но тысячи примѣровъ видѣлъ величія характера женскаго и уважаю ихъ. Мы велики на словахъ, онѣ на дѣлѣ, и давно уже убѣжденъ я, что онѣ несравненно лучше насъ.

Встрѣчая въ первый разъ любопытный предметъ, мы съ жадностію его разсматриваемъ; чѣмъ необыкновеннѣе предметъ этотъ, тѣмъ сильнѣйшее дѣлаетъ на насъ впечатлѣніе и никогда не изглаживается изъ памяти; разсматривая, впослѣдствіи, подобныя-же предметы, мы всегда вспоминаемъ тотъ, который первоначально поразилъ наше вниманіе.

Въ нравственномъ отношеніи вліяніе перваго примѣра еще сильнѣе и Александра Павловна Пулло можетъ почитаться основательницею будущаго преобразованія эриванскихъ и карскихъ жительницъ. Онѣ никогда ее не забудутъ—надобно видѣть, съ какимъ вниманіемъ смотрятъ на нее азійтки. Однажды, имѣвши случай участвовать въ ея прогулкѣ по городу, я былъ свидѣтелемъ множества весьма занимательныхъ явленій. Работавшія близъ домовъ турчанки, оставляли занятія свои и въ живописныхъ положеніяхъ съ изумленіемъ смотрѣли на нее, говорившія оставались съ полуоткрытыми ртами, большіе глаза ихъ становились еще болѣе, пряслицы переставали вертѣться, руки замирали па томъ размахѣ, при которомъ застало ихъ это необычайное для нихъ зрѣлище. Иныя бросались съ крикомъ въ комнаты и вызывали подругъ

своихъ, встрѣчающіяся, забывалъ о присутствіи мужчины, раскидывали покрывалы свои, тѣ прикасались къ ней, другія говорили ей привѣтствія. Скромность молодой женщины робѣетъ, видя себя предметомъ чьего-бы то ни-было нескромнаго удивленія, и живой румянецъ измѣнялъ чувствамъ Александры Павловны.

Иные говорятъ, что въ чертахъ лицъ мужскихъ, вообще, яснѣе отпечатываются ощущенія душевныя—мнѣ кажется, что это тогда только бываетъ, когда дѣйствуютъ сильныя страсти, при слабыхъ-же потрясеніяхъ сердца я гораздо лучше читаю въ женскихъ, нежели мужскихъ фізіономіяхъ. Ты какъ думаешь?

Комендантъ нашъ живетъ очень хорошо, комендантша привѣтлива, мила, и всякій вечеръ у нихъ собираются, играютъ на нѣсколькихъ столахъ въ вистъ, бостонъ и другія игры, которыхъ названія я не припомню теперь—онѣ у васъ въ столицѣ, говорятъ, въ большой модѣ. Я все тотъ-же невѣжда, любезный другъ, даже въ дурачки забылъ играть—вотъ что значитъ давно съ бабушкой не видаться. Мпѣніе мое на счетъ удовольствія, доставляемаго карточною игрою, не перемѣнилось, и я все полагаю, что если уже наскучило думать, говорить, то и въ такомъ случаѣ гораздо забавнѣе пускать мѣльницу пальцами, нежели играть въ карты. Впрочемъ, я не утверждаю этого, а говорю только о себѣ—о вкусахъ нельзя спорить...

Присутствіе умной, любезной женщины всегда распространяетъ вокругъ себя тонъ приличія, вѣжливости и всего хорошаго,—казарменныя остроты прилипаютъ къ гортани, ловкая хозяйка умѣетъ все такъ уладить, такъ одушевить, что любо смотреть. Скромная непринужденность царствуетъ въ обществѣ образованной женщины—и я охотно-бы отрывался

иногда отъ занятій, чтобы въ домѣ коменданта вспомнить давно-минувшее; но думая о своемъ удовольствіи, не надобно забывать, что съ тѣмъ вмѣстѣ налагаешь и на себя обязанность, доставлять другимъ удовольствіе. И такъ, мнѣ нечего тамъ дѣлать—любезничить не люблю, быть истинно любезнымъ не надѣюсь, наскучить собою—не хочется. Боюсь, чтобы терпѣніе ласковой хозяйки не прервалось и чтобы она не стала

Зѣвать, и думать про себя:

Когда-же чертъ возьметъ тебя...

А потому лучше забиться въ свою каморку, курить трубку и ожидать, пока судьба снова приведетъ туда, гдѣ буду увѣренъ, что не принесу съ собою скуки.

Скажешь-ли теперь, что я лѣнивъ? Каково-то будетъ тебѣ читать? Мнѣ хорошо—я копчилъ.

P.S. Напомни обо мнѣ женѣ твоей и поцѣлуй малютку.

Отрывокъ изъ «Исповѣди» Лачинова (*).

Экспедиція противъ кавказскихъ горцевъ, въ 1832 году, генераль-адъютанта барона Розена и начальника кавказской области—генераль-лейтенанта Вельяминова (**).

По прибытіи во Владикавказъ, 2-го іюля 1832 года, мы нашли тамъ: два баталіона эриванскаго карабинернаго полка и по одному баталіону тифлискаго и 41-го егерскаго полковъ. Къ нимъ присоединились потомъ два конно-закавказскихъ полка, изъ коихъ 1-й составленъ изъ жителей татарскихъ дистанцій и армянъ, переселенныхъ изъ Карса, а 2-й—изъ жителей провинцій, приобретённыхъ отъ Персіи въ войны 1812 и 1828 годовъ. Затѣмъ, прибыли: конно-грузинскій полкъ, 150 кабардинцевъ, подъ начальствомъ майора князя Бековича, и пѣшіе осетины изъ окрестностей Владикавказа.—Артилеріи у насъ штукъ 30; есть запасный артиллерійскій паркъ, подвижной провіантскій транспортъ и проч.,—словомъ, всего достаточно; недостаетъ только непріятеля, который бы противъ такихъ силъ пашихъ захотѣлъ и могъ попробовать свои силы.

9-го іюля, пріѣхалъ корпусный командиръ, а 11-го—генераль Вельяминовъ, съ двумя конно-закавказскими полками и кабардинцами, выступилъ въ Назрановское укрѣпленіе. Прочія же войска

(*) См. «Кавказскій Сборникъ» 1876 г., т. I.

(**) Изъ писемъ начальнику 22-й пѣхотной дивизіи, генералу Фролову, управлявшаго канцеляріею генеральнаго штаба при генералѣ Вельяминовѣ, 39 егерскаго полка прапорщика Евдокима Емельяновича Лачинова.

пошли въ горы, съ барономъ Розепомъ, чрезъ земли джераховцевъ и кистинъ—наказывать галгаевцевъ.

Въ Назрановскомъ укрѣпленіи къ намъ присоединился изъ кр. Грозной, генераль-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій, съ своимъ отрядомъ, состоящимъ изъ московскаго и бутырскаго полковъ, въ каждомъ человѣкъ по тысячѣ, и 40-го егерскаго полка, въ трехъ баталіонахъ котораго считается до 900 человѣкъ,—сверхъ того мы имѣли: роту кавказскаго сапернаго баталіона, 12 орудій 20-й артилерійской бригады, 3 орудія 22-й бригады и 6 орудій конно-казачьей № 6 роты, запасный артилерійскій паркъ и 260 арбъ подвижнаго провіантскаго транспорта. Можно представить, что нашъ обозъ занимаетъ порядочное протяженіе, тѣмъ болѣе, что приказано всѣмъ повозкамъ всегда тянуться въ одну нитку; и если бы горцы были, дѣйствительно, такіе удалцы, какъ объ нихъ рассказываютъ, то многого изъ нашего добра мы не досчитались бы. Но они себѣ на умѣ, а генераль нашъ хорошо ихъ знаетъ.—О достоинствахъ генерала Вельяминова не мнѣ распространяться—онѣ слишкомъ общеизвѣстны, и конечно, собственныя его распоряженія и дѣйствія, зависящія отъ него и отъ средствъ, ему предоставленныхъ, всегда достигали бы прямой и лучшей цѣли; но состояніе здоровья лишаетъ его въ настоящее время—съ свойственною ему дѣятельностію, знаніемъ края и всѣхъ его подробностей—возможности приводить въ исполненіе его соображенія.

12-го іюля простояли подъ Назрановскимъ укрѣпленіемъ, въ ожиданіи возвращенія изъ Владикавказа команды бутырскаго полка, а 13-го, пустились къ карабулакамъ, имѣя 6/т. человѣкъ на довольствіи. Предполагалось дойти, въ одинъ переходъ, до непокорной дер. Шельчихи, на лѣвомъ берегу Ассы—но, грязная дорога и переправа чрезъ Сунжу при дер. малой Яндыркѣ, заставили тутъ ночевать. 14-го числа, до 200 мятежниковъ намѣревались защищать дер. Шельчихи, но съ десятокъ орудій, поставленныхъ въ

двухъ мѣстахъ, разогналъ ихъ, и деревня занята 40-мъ егерскимъ полкомъ. Непріятельская пѣшая партія, скрывшись въ лѣсу на противоположномъ берегу Ассы, производила перестрѣлку съ нашею стрѣлковою цѣпью,—за частію же конныхъ, показавшихся на открытомъ мѣстѣ, понеслись закавказскіе всадники и кабардинскіе паѣзтники, на всякій случай переправленные, прежде занятія деревни, на правый берегъ Ассы; но бѣгущіе успѣли обратиться частію въ лѣсъ, а частію въ дер. Мартанъ, при которой убито 2 мятежника, а у насъ легко раненъ одинъ всадникъ и лошадь. Въ деревнѣ все предано огню; истреблены и нивы ея непокорныхъ обитателей, и они, поневолѣ, должны будутъ у насъ, на линіи, искать себѣ пропитанія воровствомъ и грабежемъ. 15-го іюля, пустились мы вверхъ по Ассѣ и, безъ сопротивленія, заняли дер. Хайжиръ, жители которой пришли съ изъявленіемъ покорности и тѣмъ сохранили все свое достояніе.—Въ продолженіе всего дня нѣсколько конныхъ посланцевъ отъ разныхъ селеній являлись для мирныхъ переговоровъ, слѣдствіемъ которыхъ было то, что мы, 16-го числа, прошли мимо дер. Мужихой и Фаргивъ, не уничтоживъ ихъ, и полей, къ нимъ прилегающихъ.

Далѣе, открылась передъ нами каменная башня, принадлежавшая нѣкогда какому-то разбойнику, давно умершему, въ которой теперь жили—старуха жена его и дѣти. Орудія, поставленные въ упоръ, разбили башню, а принадлежавшія къ ней: избушка, двѣ водяныя мельницы, гряды съ кукурузою и пчельникъ истреблены, безъ всякаго сопротивленія—только нѣкоторые изъ всадниковъ, желавшихъ застаться медомъ, пострадали отъ нападенія озлобленныхъ ими пчелъ. 17-го числа дневали недалеко отъ упомянутой башни, на ничтожномъ ручьѣ, гдѣ нѣкогда жилъ двоюродный братъ матери отца нашего князя Бековича. Дневка эта сдѣлана для того, чтобы дождаться доставленія отъ покорявшихся дворовъ—штрафа и податей.—Вечеромъ, приказано устроить вагенбургъ, команда надъ которымъ поручена была подполковнику Щеголеву;—въ немъ оста-

ются 250 человекъ московскаго полка и вся кавалерія, изъ коей берется съ отрядомъ только по 50 всадниковъ отъ двухъ закавказскихъ полковъ и по 50 кабардинцевъ и линейныхъ казаковъ; ибо, предпринимаемое движеніе къ галашевцамъ по мѣстамъ гористымъ, покрытымъ лѣсомъ, представляетъ для кавалеріи болѣе затрудненій, чѣмъ выгодъ. Въ вагенбургѣ остались всѣ тяжести, артиллерійскій запасный паркъ и подвижной провіантскій транспортъ;—съ отрядомъ же идетъ весьма небольшой обозъ, сколько возможно облегченный. Такимъ образомъ, 18-го іюля, пустились мы въ ходъ и, сначала, дорога была сносная, хотя лезли все выше и выше и, наконецъ, поднялись не только выше лѣса внизу стоячаго, но даже выше облака ходячаго;—когда же пришлось спускаться съ облаковъ, то стало замѣтно, что на землѣ грязнѣе, чѣмъ на небѣ. Богатѣйшій лѣсъ, съ огромными чинарами, дубами и разными деревьями, который составилъ бы неоцѣненное сокровище въ другихъ обстоятельствахъ, здѣсь представлялъ намъ однѣ невыгоды. Солнечные лучи никогда не проникаютъ сквозь густоту вѣтвей; тѣсная, изрытая дорога никогда не высыхаетъ,—прибавьте къ этому крутые спуски, подъемы, во многихъ мѣстахъ непріятельскіе завалы,—и судите о скорости нашего движенія; но завалы эти не были обронуемы, и не слышно ни одного выстрѣла. Авангардъ, изъ двухъ ротъ бутырскаго полка, подходитъ къ послѣднему крутому спуску, у подножія котораго дорога круто поворачиваетъ налѣво и скоро потомъ выходитъ на поляну къ р. Ассѣ. Вдругъ, изъ чащи лѣса раздается залпъ,—пораженный двумя пулями въ грудь и одною въ голову, рядовой падаетъ; прочіе невредимы. Передовые стрѣлки, не теряя патроновъ, кидаются на выстрѣлы; подкрѣпленіе бѣжитъ за ними,—ура!—и причинно-расположившіеся за деревьями карабулаки пустились по лѣсу, не успѣвъ подхватить отвертокъ, присошекъ, шалокъ и даже нѣкоторыхъ принадлежностей своей одежды. Надо полагать, что они твердо надѣялись, что наши, по обыкновенію, заведутъ съ ними перепалку и, между тѣмъ, будутъ проходить мимо

ихъ церемоніально—бѣглымъ шагомъ, а они станутъ, по своему произволу, ускорять тактъ этого марша, учащая свои выстрѣлы,—но полковникъ Пирятинскій, на этотъ разъ, разстроилъ ихъ предположенія, основанныя, впрочемъ, на многихъ опытахъ и, слѣдовательно, не худо рассчитанныхъ; потомъ, непріятельскіе выстрѣлы слышались только изрѣдка,—за то, посыпался листъ съ деревьевъ отъ нашихъ стрѣлковъ,—съ головы до хвоста колонны побѣждалъ по цѣпи батальный огонь; двойное эхо лѣса и горъ не успѣвало отдѣльно повторять каждаго звука, и всѣ они сливались въ одинъ трескъ, съ различными отголосками. Конечно, не только карабулаки, зайцы и другія мелкія животныя, коихъ трусость опредѣлена природою; но самыя храбрѣйшіе скоты, находившіеся на пространствѣ нашего шума, поджавши хвосты, улепетывали подальше и, разумѣется, хорошо дѣлали: «плетью обуха не перешибешь».

Перестрѣлка продолжалась до прихода арьергарда къ лагерю, расположенному на полянѣ, вышедшей нѣсколько изъ подъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ лѣса; сверхъ того, приняты обыкновенныя лагерныя предосторожности и, вѣроятно, тутъ уже беспокоило всѣхъ одно общее желаніе—скорѣе поужинать и, потомъ, получить награду, раздаваемую природою вслѣдъ за отличіемъ, при подобныхъ дневныхъ трудахъ и опасностяхъ, это—крѣпкій сонъ,—награды же отъ начальства, получаютъ не всѣ, получаютъ не скоро, получаютъ не за каждый день порознь, а за всю экспедицію и, слѣдовательно, не мудрено, если, въ первую минуту, каждый болѣе хлопоталъ о возможности получить награду—природѣ. Въ этотъ день у насъ убито 2, ранено 8 человекъ; о непріятельской потерѣ слышно, что въ лагерь принесено 4 ружья, снятыхъ съ убитыхъ,—говорятъ также, что у нихъ болѣе убито и ранено; но какъ перестрѣлка происходила въ лѣсу, то нельзя ничего сказать опредѣлительно,—точно также, какъ неизвѣстно число карабулаковъ, бывшихъ въ перестрѣлкѣ съ нашими.

19-го іюля, отрядъ переправился чрезъ глубокій, крутоберегій

оврагъ, отдѣлившій лагерь отъ галашевскихъ деревень: Адыгирей-юртъ и Кучукъ-Кортешевъ, изъявившихъ покорность. Деревни эти, съ принадлежащими имъ нивами, оставлены въ цѣлости; а равно, оставлена башня при послѣдней деревнѣ,—бывшая же близъ первой—разломана. Уничтожена тоже на правомъ берегу Ассы непокорная деревушка Меркей, съ двумя башнями,—а конница при-топтала засѣянные при ней гряды. Всѣ башни были сложены на извести, изъ большихъ дикихъ камней, и не легко разрушались, въ особенности, долго провозились съ двумя башнями въ Меркей,—такъ что, простоявъ около нихъ цѣлый день, отрядъ перешелъ 5 верстъ въ лагерь, расположенный у покоряющейся деревни Арсламбекъ, когда уже совершенно стемнѣло.

Во время истребленія дер. Меркей, конница паша занимала пикеты по отлогости высокой горы, по вершинѣ которой разсѣяна была непріятельская партія, человекъ въ сотню конныхъ и пѣшихъ, которые неоднократно пробовали спускаться для занятія дѣса, близъ коего стояли наши,—по кабардинцы и конно-закавказцы съ казаками не допускали ихъ, при чемъ, убито у нихъ 4 человека.

20-го числа простояли у дер. Арсламбекъ, въ ожиданіи доставки податныхъ денегъ отъ покоряющихся галашевцевъ, на которыхъ не налагаются штрафы, потому что они до сего не признавали себя покорными; слѣдовательно, не измѣняли нашему правительству и не подлежатъ взысканію,—впередъ же, они будутъ считаться нашими и станутъ платить по 5 руб. сер. за каждый разъ, когда вздумаютъ побуянить.

Деревня Меркей была однажды въ передѣлкѣ у Грекова, по здѣсь, гдѣ мы теперь стоимъ, русскіе еще никогда не были,—значитъ, мы сотворили новое завоеваніе. За то, кажется, тѣмъ и ограничимся, потому что далѣе, въ ущельи, есть только 3 деревушки, къ которымъ пѣтъ дороги для артилеріи, а отсюда соглашаются принять наши визитныя карточки и платить за посѣщеніе.—Многіе изъ карабулаковъ, отзываясь немѣнѣемъ монеты, просили, вмѣ-

сто штрафныхъ и податныхъ денегъ, брать у нихъ скотъ,—и генераль согласился. Здѣшніе,—привели корову и нѣсколько барановъ. Впрочемъ, мы стоимъ здѣсь, конечно, не столько для сбора коровъ и барановъ, сколько по условію съ корпуснымъ командиромъ, который дѣйствуетъ теперь у галгаевцевъ. По выходѣ изъ Владикавказа, отъ него получены, 16 іюля, слѣдующія извѣстія: «Дже-
«раховскія и кистинскія деревни встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью;
«Хули и Шуанъ совершенно уничтожены; нѣсколько деревень меж-
«ду ими и галгаевцами, почитавшихся мирными, за уходъ въ горы,
«лишены части скота и возвратились въ дома, выдавъ заложника.
«16 числа, онъ выступилъ изъ Хули къ сел. Кодзе, и если возмож-
«но будетъ, далѣе къ галгаевцамъ, которые скрылись въ трехъ
«крѣпкихъ мѣстахъ. Сверхъ того, извѣстно, что многія деревни
«галгасевскія и цоринскія истреблены отрядомъ корпуснаго коман-
«дира, и грузины, въ особенности же осетины, получили значитель-
«ную добычу, а также штукъ до 600 рогатаго скота и тысячи двѣ
«съ половиною барановъ достались нашимъ».—Надо полагать, что
въ началѣ августа отряды наши соединятся и начнется экспедиція
въ Чечню.

Такія экспедиціи лучше всего доказываютъ существованіе вѣч-
наго движенія (perpetuum mobile) въ мірѣ: онѣ могутъ начинать-
ся и прекращаться во всякое время дня и года, по нѣтъ никакой
причины думать, что когда нибудь приведутъ къ ожидаемому кон-
цу, если не измѣнится система и, конечно, не подобныя экспеди-
ціи послужатъ къ полному усмиренію горцевъ. Набѣги быстрые,
хорошо рассчитанные, слѣдовательно, всегда внезапные и по-
тому рѣдко неудачные, могутъ, безъ сомнѣнія, устрашать и тѣмъ
смирять буйство хищниковъ; но для этого нужны совершенно дру-
гіе фокусы, а не вялыя народін на правильныя европейскія вой-
ны,—народін, въ когорыхъ вся невыгода остается на нашей сто-
ронѣ. Если бы повѣрить приходъ съ расходомъ, то выйдетъ раз-
ность несовѣмѣ въ пользу Россіи; но для подробнаго и точнаго

вывода нужны многіе матеріалы и время, и способы. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ спрашивали моихъ мнѣній относительно здѣшняго края, и вопросы ихъ крѣпко залегли у меня на душѣ; но едва ли придется мнѣ приняться за это важное дѣло. Дорого бы я далъ, чтобы узнать мысли Алексѣя Александровича (Вельяминова) объ усмиреніи, улучшеніи и проч. Кавказа, который такъ хорошо ему извѣстенъ, что, конечно, послѣ Алексѣя Петровича (Ермолова) никто лучше его не можетъ судить обо всемъ, къ тому относящемся,—но, къ сожалѣнію, онъ никогда не высказывается, и мнѣ не удалось слышать отъ него ничего объ этомъ предметѣ.

21-го іюля, баталіонъ 40 егерскаго полка, съ двумя орудіями, былъ посланъ на правый берегъ Ассы, для истребленія двухъ непокоряющихся деревушекъ Меркей, къ коимъ прилегали отдѣльные лѣсочки,—отъ верхней же опушки ихъ простиралась обширная открытая поляна къ вершинѣ горы, по которой разсыпаны были конныя и пѣшія непріятельскія толпы, человѣкъ до 400. Въ числѣ ихъ, по рассказамъ проводниковъ, было 150 чеченцевъ, прибывшихъ на помощь карабулакамъ. Мѣстоположеніе требовало, чтобы съ егерями находилась конница, и всѣ всадники наши присоединены къ нимъ.—Замѣтивъ движеніе въ нашемъ лагерѣ, пѣшіе и конные непріятельскіе охотники потянулись съ горы внизъ; между тѣмъ, наши переправились чрезъ рѣку, заняли деревню и пустили стрѣлковъ въ лѣсъ, а конница пошла въ обходъ къ вершинѣ. Бутырцы молодевались 18 числа,—егеря не захотѣли имъ уступить;—волшебное ура! раздалось по лѣсу, и, замѣняя выстрѣлы—показывало, что наши быстро поднимаются въ гору. Вотъ и пылкіе закавказцы пускаются вскачъ: они завидѣли, конечно, непріятеля; вотъ и бѣгущіе карабулаки рассыпались на полянѣ. Дымъ отъ выстрѣловъ, бѣготня, скачка и, въ заключеніе спектакля—радостный дивертисментъ тѣхъ, которые успѣли унести свои головы отъ азіятскихъ сабель. Нѣкоторые изъ нашихъ славно бросались, такъ что 9 человѣкъ ранены шашками и кинжалами. Если бы въ этой схваткѣ было

болѣ нашей конницы, то, конечно, немногіе изъ пѣшихъ рыцарей горь нашли бы въ ногахъ своихъ спасеніе; но крутость подъёмовъ, затруднительная, изрѣзанная оврагами, мѣстность, а болѣ всего малочисленность кавалеріи, дали имъ возможность убраться, оставивъ на мѣстѣ только 9 труповъ. Говорятъ, что потеря ихъ простирается до 12 человѣкъ убитыми и до 25 ранеными,—у насъ же раненъ офицеръ гребенскаго войска и 16 человѣкъ; лошадей убито 3 и 8 ранено.

22-го числа. Надо полагать, что вчерашняя стычка не даромъ прошла для нашихъ противниковъ и имѣла на нихъ замѣтное вліяніе, потому что старшины нѣсколькихъ деревень вчера же явились съ баранами и аманатомъ, а на горѣ не видно уже собранія,—кое-гдѣ только торчатъ десятка два фигуръ, рѣшившихся и сегодня мокнуть на дождѣ; прочіе же разошлись, вѣроятно, по домамъ съ своими ранеными или избѣгая ранъ.

Сегодня посланъ былъ бутырскій полкъ, съ 4 орудіями и конницею, опять на правый берегъ Ассы, для истребленія оставшихся тамъ непокоряющихся деревень; но отъ безпрерывныхъ дождей быстра Асса разыгралась до того, что оказалось невозможнымъ переправить пѣхоту—и движеніе отложено.

23-го іюля, въ 2 часа пополудни, бутырскій полкъ, съ орудіями и конницею, переправился за рѣку, сжегъ дер. Аменте и, опоздавъ возвратиться въ лагерь, остановился ночевать на берегу рѣки. Говорятъ, что жители этого аула издавна извѣстны удалствомъ въ набѣгахъ, п назрановцы наши, виновные въ какихъ либо преступленіяхъ, всегда находили здѣсь вѣрное прибѣжище и готовыхъ пособниковъ на злодѣянія. Сегодня одинъ изъ подобныхъ назрановскихъ бѣглецовъ явился въ лагерь. Вотъ его исторія: нѣсколько бѣглыхъ кабардинцевъ, пріѣзжая изъ Чечни на воровство къ Владикавказу, имѣли пріютъ въ его домѣ; назрановскій житель, переводчикъ, узнавъ это, объявилъ воинскому начальнику, который схватилъ хищниковъ,—хозяинъ же ихъ успѣлъ бѣжать къ

галашевцамъ и поселился въ упомянутомъ аулѣ. Чрезъ нѣсколько времени онъ явился къ князю Абхазову съ повинною головою, получилъ прощеніе и снова водворился на прежнемъ своемъ жительство. «Князь Абхазовъ, говоритъ онъ, обѣщаль мнѣ удовлетвореніе, обѣщаль наказать переводчика, посягнувшаго на мою честь разсказами, что я самъ выдалъ моихъ кунаковъ. Куда могъ я показаться послѣ этого, не будучи оправданъ мѣстію? Князь Абхазовъ уѣхалъ; противникъ мой остался ненаказаннымъ; я убилъ его—и снова скрылся къ галашевцамъ. Въ поѣздкахъ на хищничество мнѣ случилось убить двухъ солдатъ; но зная, что преступленія несравненно важнѣйшія прощаются русскими, когда Джембулатъ и другіе получили прощеніе, я добровольно являюсь, желая служить усердно русскому начальству, а въ уплату штрафа за мои вины, вотъ вамъ корова,—если же ся недостаточно, то возьмите и лошадь мою.» Однако, рѣшеніе генерала не во всемъ сошлось съ собственнымъ рѣшеніемъ этого молодца, и его приказано взять подъ караулъ—что замѣтно ему не понравилось.

Въ недалекомъ разстояніи отъ зажженного аула, замѣтили наши, на противоположной лагерю покатости, много скота и, вообще, полагали, что тамъ скрываются семейства непокорныхъ, со всѣмъ имуществомъ. Приказано было распросить арестанта, и если онъ возьмется навести на скрывающихся и удачно исполнить это, то обѣщать ему ходатайство по его дѣлу, а бутырцевъ послать на охоту. Было уже темно, когда арестанта вели для распросовъ въ штабъ. Вдругъ, слышимъ крикъ: держи, держи,—въ лагерь суматоха!—молодецъ вздумалъ попробовать уйти изъ рукъ, но, зацѣпившись за палатку, растянулся во весь огромный ростъ свой. Со всѣхъ сторонъ насѣли на него различные племена земли, въ нашемъ лагерьѣ обитающія, и началась бесплодная борьба отчаянія и желанія освободиться отъ многолюдства: опъ кусаль одного, его били 20 человекъ, и, какъ слѣдуетъ по порядку вещей, разбили ему голову, и скрутивъ руки назадъ, потащи-

ли обратно—тоже, какъ водится, подталкивая его со всѣхъ сторонъ и подергивая во всѣ стороны. Отказавшись вести въ эту же ночь, онъ говорилъ, что завтра доставитъ въ залогъ сына и дочь, самъ же отправится высмотрѣть, гдѣ находятся семейства непокорныхъ—и тогда уже наведетъ на нихъ. Но это не принято и, 24 числа, отрядъ пошелъ обратно къ вагенбургу, куда дотащились только 26 числа, хотя отходили отъ него не далѣе 17 верстъ. Только часть обоза была съ нами, такъ грязна и тяжела была дорога,—по ее весьма легко исправить, когда захотятъ имѣть постоянныя сношенія съ новоискокореннымъ царствомъ галашевскимъ.

О корпусномъ командирѣ слышно, что онъ подходилъ близко къ галашевцамъ, такъ что мы отдѣлялись отъ него только хребтомъ горъ, впрочемъ, проходимымъ для конныхъ и пѣшихъ, но не для обозовъ. Отрядъ его истребилъ много галгаевскихъ и цорипскихъ деревень и полагаютъ, что строгое наказаніе, ими понесенное, произведетъ впечатлѣніе и на другихъ сосѣдей военно-грузинской дороги.

Для полного описанія всего встрѣченнаго нами въ карабулакскихъ владѣніяхъ пужно прибавить нѣкоторые дополнителныя свѣдѣнія. Онѣ не будутъ заключать тѣхъ ужасовъ войны, коими дышалъ рассказъ о пожарахъ, грабежахъ, убійствахъ,—напротивъ, смягчатъ его, представляя сладкую повѣсть любви двухъ юношей галашевскихъ,—повѣсть нѣжности къ нимъ галашевской дѣвы-красавицы. Здѣсь преданіе безукрашенное, но оно украсится чувствами душъ пылкихъ, и не для сердецъ холодныхъ оно повѣствуется.

Сравнились съ землею башни меркейска, уничтожились памятники страстей буйныхъ, но уцѣлѣлъ единственный памятникъ страсти нѣжной.—Есть мѣсто между Галашкамъ и Арсламбекъ-Юртомъ;—быстрая Асса шумно несется здѣсь по камнямъ, прелестныя рощицы ласкаютъ взоры; яркая зелень обширнаго луга упирается въ крутой, обрывистый берегъ рѣки. На этомъ лугу стоитъ простой памятникъ, едва замѣтный между высокимъ бурьяномъ, гор-

до поднимающимъ пустую свою голову надъ злачною травою; никакая надпись не говоритъ, что скрыто подъ этими камнями, но видъ ихъ возбуждаетъ любопытство путника; и кому изъ галашевцевъ не извѣстенъ трагическій конецъ героевъ, подъ ними покоящихся? Что значитъ этотъ крестъ?—спрашивали наши; кто поставилъ этотъ знакъ христіанства тамъ, гдѣ не имѣютъ никакого понятія ни о какой вѣрѣ изъ всѣхъ вѣръ, на землѣ господствующихъ? (*) Какимъ образомъ не истребляютъ изображенія креста враги христіанства, посѣщающіе эти мѣста? и что означаютъ эти другіе два камня по сторонамъ креста поставленные?

Какой это крестъ! отвѣчалъ переводчикъ, переговоривъ съ проводниками—это дѣвка подаетъ руки двумъ мужикамъ. Что за исторія? При сей вѣрной оказіи привилегированные остряки наши воспользовались неумѣемъ переводчика красно выражаться, и, какъ тяжеловѣсные камни, посыпались остроты ихъ на женщинъ. Позвольте мнѣ, однако, избавить и себя, и васъ, и всѣхъ, кому прійдется читать это, отъ остротъ, которыми сами гг. остряки бываютъ всегда вполне довольны. Сущность же легенды состоитъ въ томъ, что два молодыхъ карабулака влюбились въ одну дѣвушку,—оба они ей нравились, но она не рѣшалась ни одному изъ нихъ дать предпочтеніе, вѣроятно, изъ опасенія возродить въ отверженномъ чувство мести къ избранному. Для удаленія всякаго повода къ распрѣ между обожателями своими, красавица предложила имъ слѣдующій способъ получить ея руку:—каждый изъ нихъ долженъ былъ выкосить назначенное пространство травы;—среди всего опредѣленнаго пространства остановилась невѣста, протянувъ къ женихамъ руки, и

(*) Карабулаки не слѣдуютъ никакому ученію вѣры; они признаютъ, однако, существованіе Бога,—по ихъ мнѣнію, обитающаго въ ихъ владѣніяхъ на полянѣ (которую мы издали видѣли) между лѣсомъ, надъ вершиною хребта, отдѣляющаго ихъ отъ галашевцевъ. На эту поляну они часто ходятъ молиться и называютъ ее Богомъ.

кто прежде выкоситъ свой участокъ и схватитъ руку красавицы, тому и будетъ она принадлежать. Юноши принялись за работу; каждый торопится; отъ проворства зависитъ счастье всей жизни его. Они съ равнымъ успѣхомъ приближаются къ цѣли и тѣмъ болѣе увеличиваютъ усилія. Сильно быются сердца ихъ и отъ напряженія, и отъ усталости, и отъ страха потерять сокровище. Но вотъ оба оканчиваютъ работу, оба вмѣстѣ бросаются къ красавицѣмъ—и оба падаютъ мертвыми къ ея ногамъ. Съ тѣхъ поръ, тоска грызетъ тронутое сердце дѣвушки; съ каждымъ часомъ она примѣтно увядаетъ—и скоро смерть уноситъ ее въ лучший міръ, гдѣ нѣтъ ни страданій, ни печали, ни скорбныхъ сѣтованій. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла дѣва и съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участи, поставлены памятники описаннаго событія. Миръ праху усопшихъ!

Но я чувствую, что слишкомъ долго живу между азіятами, съ братією, и перенимъ отъ нихъ методу (впрочемъ, выгодную для нихъ по многимъ отношеніямъ) важно смотрѣть на пустяки и съ важностію говорить вздоръ. Однако, едва ли я совсѣмъ безъ пути рассказалъ и эту сказочку, которая можетъ служить, между прочимъ, указаніемъ, что карабулаки не воинственный народъ—извѣстно, что народныя сказки всего лучше выказываютъ духъ народный.

Въ заключеніе, можетъ быть, не бесполезно будетъ видѣть результатъ этой экспедиціи.—Другой мѣсяцъ наступилъ съ выѣзда Алексѣя Александровича изъ Ставрополя;—въ продолженіи этого времени онъ долженъ былъ, по обязанности своей, принести много пользы вѣренному ему краю по устройству и проч. Не имѣя достаточно данныхъ, не могу математически вывести—сколько принесено пользы, сколько сдѣлано упущеній въ продолженіи этого походнаго мѣсяца, и что могло быть сдѣлано на мѣстѣ; слѣдовательно, не могу представить сравнительной таблицы:—болѣе выгоды или вреда произошло для кавказской области и для Россіи отъ того, что областной начальникъ былъ не на своемъ мѣстѣ, а въ экспедиціи.—Скажу только, что я не замѣтилъ, чтобы здѣсь много дѣлалось по

управленію краемъ,—военные же успѣхи состоятъ въ томъ, что 5 деревень карабулакскихъ, въ числѣ 33 дворовъ, вновь покорились нашему правительству и дали аманата; 11 же деревень изъ 63 дворовъ, бывшія прежде покорными, потомъ отложившіяся, снова изъявили покорность, но аманатовъ еще не представили. Со всѣхъ этихъ деревень собраны штрафыныя и податныя,—безъ сомнѣнія, далеко не покрыли расходовъ на экспедицію,—а покорность, ими изъявленная не стоитъ ни одного рубля, потому что усмиреніе ихъ ничѣмъ не обезпечивается при нашихъ экспедиціяхъ, и покорность ихъ рѣшительно зависитъ отъ собственнаго ихъ произвола, руководимаго обстоятельствами. Сколько разъ присягали инныя племена на вѣрность—и измѣняли; сколько разъ инныя деревни были истребляемы, платили штрафъ—и снова бунтовали. Пока экспедиціи не будутъ имѣть основательно рассчитанной общей цѣли, до тѣхъ поръ войска, а съ ними и дѣла здѣшняго края, будутъ идти съ такимъ же успѣхомъ, какъ до сихъ поръ шли. Старожилы увѣряютъ, что пока частыя экспедиціи не научили горцевъ русской поговоркѣ: «страшенъ громъ, да милостивъ Богъ», до тѣхъ поръ они боялись насъ несравненно болѣе, и были смиреннѣе, по крайней мѣрѣ, никогда не осмѣливались нападать на укрѣпленія и даже близко приближаться къ нимъ и къ нашимъ войскамъ вообще.

По прибытіи къ намъ корпуснаго командира съ его отрядомъ, тронулись мы, 5 августа, изъ лагеря при дер. Ахъ-Барзой громить чеченскія деревушки и хутора, которыя прійдутся въ моготу нашему 11/т. отряду, и прошли мимо деревни Даутъ-Юртъ, гдѣ вышло недоразумѣніе. Иные думали, что жители покорились—хотя ни одной собаки не было въ ней видно; другіе слышали, что они поклялись истребить весь отрядъ нашъ, и для того спрятались въ близлежащемъ лѣсочкѣ. До рѣшенія этихъ преній, приказано оставить въ цѣлости и деревню, и всѣ поля, къ ней прилегающія. Въ 13 верстахъ отъ Ахъ-Барзоа, на лѣвомъ берегу безименной рѣчки, притока Ассы, расположился лагерь, а обозы переправлены на правую

сторону, и устроенъ вагенбургъ. Въ это время явился старшина деревни Иханъ-Кичу съ покорностію, но какъ жители ушли въ лѣсъ, то велѣно имъ объявить, чтобы они возвратились въ дома, или будутъ признаны врагами; а дабы они скорѣе приняли какія либо окончательныя мѣры—посланъ былъ къ деревнѣ полковникъ Зассъ со всею конницею. Нѣсколько дворовъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу рѣчки, согласились на наши предложенія; живущіе же на правой сторонѣ открыто объявили войну, и началась баталія. Человѣкъ до 30 всадниковъ, сбитые съ поля двумя сотнями нашихъ линейныхъ казаковъ, подкрѣпляемыхъ мусульманскими полками, осетинами и назраповскою милиціею, обратились въ бѣгство и успѣли убраться въ лѣсъ; пѣшіе же, въ числѣ отъ 15 до 20 человѣкъ, рѣшились защищать деревню, но устроенная противъ нихъ батарея изъ 4 орудій поколебала ихъ рѣшимость, и наши, воспользовавшись мипутою смятенія, съ громогласнымъ ура! бросились въ деревню, выбили убѣжавшаго непріятеля и заняли ее; но какъ казаки и закавказскіе всадники не имѣли достаточныхъ познаній въ наукѣ зажигалія, основанной на основательно-первоначальномъ начиненіи изъ разными воспламеняющимися веществами, то и прозвели порученное имъ зажиганіе неуставленнымъ порядкомъ, отъ чего деревня не такъ хорошо сгорѣла, какъ слѣдовало, и остатки разобраны отрядомъ на дрова. На возвратномъ пути къ лагерю, полковникъ Зассъ былъ преслѣдуемъ непріателемъ, и съ нашей стороны убитъ одинъ казакъ; ранено: 1 оберъ-офцеръ, 2 казака, 2 иноверца и 6 лошадей; со стороны же мятежниковъ, говорятъ, раненъ старшина.

Для наблюденія за чеченцами, показавшимися со стороны деревни Ачхой, лежащей вправо отъ нашего лагеря, на берегу рѣчки, посланъ 2-й конно-кавказскій полкъ, и наши пересматривались съ ними, пока князь Бековичъ, съ эриванскимъ карабинернымъ полкомъ и баталіономъ бутырцевъ, при 8 орудіяхъ, присоединивъ къ себѣ упомянутый полкъ, занялъ и зажегъ дер. Ачхой. Въ ней жи-

ветъ прапорщикъ Яка, изъ чеченцевъ, хаживавшій въ прежнія экспедиціи съ нашими, а теперь, посылая къ сатанѣ бывшихъ своихъ пріятелей и благодѣтелей, пускалъ къ нимъ пули, подталкиваемые вслѣдъ различными привѣтствіями на російскомъ нарѣчій. Деревня сожжена, но въ ея окрестностяхъ было такъ много кукурузы и проса, что лагерь простоялъ на мѣстѣ 6 и 7 августа, пока князь Бековичъ вытопталъ всѣ нивы ачхойскія;—въ продолженіе этого времени въ его отрядѣ ранено 3 человека нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ, чтобы не терять времени напрасно, 6-го числа были посланы еще два отряда для истребленія непокоряющихся деревень. Полковникъ Зассъ, съ баталіономъ пѣхоты и частію конницы, сжегъ дер. Ади-Юртъ, недалеко отъ лагеря, а полковникъ Пирятинскій, съ 3-мя баталіонами и частію конницы, при 8 орудіяхъ, отправился къ назначеннымъ ему для истребленія деревнямъ. Первая изъ нихъ—Ала-Мурза-Юртъ занята при небольшой перестрѣлкѣ и истреблена до основанія съ хлѣбами, къ ней принадлежащими. При этомъ замѣчены значительныя шайки конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, стягивающихся съ разныхъ мѣстъ къ дер. Ала-Мурза-Юрту, гдѣ, занимая выгоднѣйшія мѣста въ лѣсу, оврагахъ и ближайшихъ ко входу домахъ, показывали намѣреніе сопротивляться—и, дѣйствительно, по приближеніи къ нимъ отряда, открыта довольно сильная перестрѣлка. Конно-грузинскій полкъ былъ посланъ отрѣзать чеченцамъ отступленіе изъ деревинъ къ лѣсу и хорошо это исполнилъ:—смѣло бросился на бѣгущихъ и, кромѣ увезенныхъ раненыхъ, оставлено непріателемъ 12 тѣлъ на мѣстѣ. Здѣсь я долженъ сообщить черту, дѣлающую честь грузинамъ:—они, какъ извѣстно, славятся своею храбростію между кавказскими племенами и не боятся вступать въ бой съ непріателемъ, но никогда не потѣшаются надъ убитыми врагами. Законъ нашъ, говорятъ они, не позволяетъ намъ ругаться надъ мертвыми, и безчестно отрѣзывать голову или безобразить убитаго,—стыдно тоже облачать трупъ его. Такъ поступили грузины и теперь:—они объяснили свои пра-

вила, прислали спросить—прикажутъ ли непременно отрѣзать и привезти въ лагерь головы убитыхъ ими чеченцевъ? «Они вздоръ городятъ, сказалъ Алексѣй Александровичъ, не слушать ихъ и привезти ко мѣй головы». Но это приказаніе не приведено въ исполненіе, потому что когда оно получено, то отрядъ уже отошелъ отъ мѣста сраженія, и возвратиться назадъ изъ за головъ мертвыхъ непріятелей, снова подвергать опасности своихъ живыхъ, показалось отрядному начальнику несовмѣстнымъ съ смысломъ приказанія. Съ нашей стороны убитъ 1, ранено 8 всадниковъ, убита тоже 1 лошадь и 6 ранено, изъ числа коихъ пало 4.

7-го августа, тотъ же самый отрядъ, съ полковникомъ Цирятинскимъ, отправился для истребленія непокорныхъ. Вчерашній урокъ сдѣлалъ то, что они, пропустивъ мимо уничтоженныхъ вчера деревень, не заводя даже перепалки—хотя наши проходили черезъ довольно лѣсистыя мѣста до самой поляны, на которой лежитъ дер. Шавдопъ-Шари, населенная кабардинцами-абреками—открыли здѣсь перестрѣлку, продолжавшуюся во все время истребленія хлѣбовъ; при чемъ у насъ ранено 2 человѣка нижнихъ чиновъ, абрековъ же ранено 5. Далѣе, дер. Катерь-Юртъ занята и сожжена безъ выстрѣловъ изъ орудій; поля тоже вытоптаны безъ перестрѣлки, которая возобновилась при отступленіи нашихъ, но не жарко. 8 числа, перешли къ дер. нижній Пханъ-Кичу, и тотчасъ же посланъ отрядъ для истребленія дер. Умаханъ-Юрта, старшина которой вышелъ навстрѣчу съ объявленіемъ покорности; но на другой день опять нужно было посылать къ ней отрядъ, потому что жители, по многимъ примѣрамъ другихъ, хотѣли отшутиться и къ назначенному сроку не исполняли требованій,—однако, видя снова приближеніе войска, представили аманата, и трактатъ ненарушимаго мира заключенъ на вѣки,—до первой оказіи. 8 же числа, князь Бековичъ истребилъ деревни Галагай-Юртъ, Батыль-Юртъ и Пшехой-Юртъ, а 9-го числа деревню Чурикъ-Юртъ съ хлѣбами, къ нимъ принадлежащими. При занятіи этихъ деревень и опушки лѣса, къ нимъ при-

легающаго, производились перестрѣлки, и ранены 1 оберъ-офицеръ и 6 рядовыхъ. Здѣсь же нужно прибавить, что при проходѣ чрезъ лѣсъ къ дер. верхн. и средн. Пханъ-Кичу, ранено у насъ 2 рядовыхъ, лошадей убито 2 и ранено 3.

10-го августа, отрядъ перешелъ къ дер. Гехи. На этомъ переходѣ имѣли мы сильнѣйшій дождь, который не даетъ и до сихъ поръ порядочно высушиться. За то, отрядные дипломаты наши говорятъ, что дѣла наши идутъ отлично; и въ самомъ дѣлѣ, въ лагерѣ замѣтно непрерывное движеніе прѣзжающихъ и отѣзжающихъ чеченскихъ дипломатовъ, видимъ большую суету и степенное расхаживаніе рогатаго скота, пригнаннаго чеченцами въ уплату провинности; слышимъ мычаніе, ревъ и рассказы, что собрано болѣе, чѣмъ на 500 руб. сереб. разной разности, и проч. и проч.

13-го августа привели жену офицера кизлярскаго казачьяго войска, взятую въ плѣнъ въ Кизлярѣ. Она, бѣдная, возвращается къ мужу съ прибылью и въ чесоткѣ, впрочемъ, говоритъ, что ей хорошо было. Я не видѣлъ ее и рассказываю слышанное. Она видѣла инженернаго офицера Лободу, захваченнаго на военно-грузинской дорогѣ, уже во время стоянки нашей во Владикавказѣ, котораго весьма жестоко содержатъ. Говорить, что жена его получила отъ него увѣдомленіе изъ дер. Гехи (гдѣ мы теперь находимся), что за него просятъ 300 руб. выкупа, и что она хотѣла ихъ послать, но выкупъ вообще запрещенъ, чтобы не баловать хищниковъ. Вчера обѣщали его возвратить, но обѣщавшій не возвратился сегодня, и едва ли бѣдный Лобода скоро увидитъ своихъ,—дай Богъ, чтобы на его счастье я не угадалъ. Вчера же полковникъ Шумскій занялъ и истребилъ дер. Шуаипъ и Ветуги; при занятіи ихъ, а также опушкѣ лѣса, были перестрѣлки, и съ нашей стороны убитъ 1, ранено 5 рядовыхъ. Сегодня полковники: Шумскій и Пирятинскій, съ отрядами, ходили топтать хлѣба непокорившихся деревень въ окрестностяхъ лагеря.

14-го числа, князь Бековичъ, съ сильнымъ отрядомъ, отправилъ

ся, до свѣта, воевать—и это будетъ, кажется, послѣдняя битва изъ здѣшняго лагеря. Завтра же мы, вѣроятно, подвинемся къ Урусъ-Мартану. Въ одномъ изъ обреченныхъ истребленію селеній находились еще семейства жителей со всѣмъ имуществомъ—и на него-то предложено нагрянуть внезапно. Таковыя внезапности должны, разумеется, производиться такъ, чтобы, подкравшись ночью къ предмету дѣйствія, съ разсвѣтомъ ударить и захватить все и всѣхъ врасплохъ.—Штука простая, всѣмъ извѣстная и не хитрая, кажется,—да мудрено исполнить ее по европейски. При этомъ надобно, чтобы подъ ящиками и орудіями колеса не стучали, оси не скрипѣли и тому подобное,—а нашему стратегическому отряду вѣчно неудача, и поневолѣ вспоминаются зимніе папи набѣги, въ которыхъ, рассчитывая нагрянуть къ разсвѣту, мы и сумерокъ захватимъ, и другую ночь идемъ, и опять день наступить, а обозы наши все тянутся—и только къ концу втораго дня дотянемся туда, куда рассчитывали долетѣть въ нѣсколько часовъ. Мудрено вѣрить, что случаются подобныя соображенія и расчеты, но это можетъ быть доказано. Я бы гораздо лучше желалъ находить всѣ наши дѣйствія разумными,—сознаюсь въ пристрастіи къ своимъ и своему; но еще болѣе люблю истину. *Amicus Plato, sed magis amica—veritas*, сказалъ одинъ изъ справедливейшихъ мужей древности, и это позволяетъ мнѣ думать, что и я не дѣлаю ничего дурнаго, справедливо излагая мои наблюденія и замѣчанія. Могу ошибаться, но не скажу ни одного слова съ намѣреніемъ погулять на чейнибудь счетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нерѣдко приходится рассказывать такое, что, не зная меня, не мудрено заподозрить въ личностяхъ, неблагонамѣренности и т. п.,—тогда какъ я начинаю говорить только, когда сердце изорвется отъ молчанія.—О, если бы все высказывать!

Но на чемъ мы остановились?...

Еще вечеромъ, 13 числа, было отдано приказаніе 6 баталіонамъ пѣхоты, при 8 орудіяхъ, и всей конницѣ, за исключеніемъ

200 линейныхъ казаковъ и донскаго казачьяго Карпова полка, приготовиться къ выступленію до разсвѣта 14 числа, подъ начальствомъ князя Бековича, отъ котораго и получать распоряженія. Часу во 2 ночи, 40 егерскому полку приказано выходить къ бутырскому полку, а этому ничего не сказано, и люди спали,—артилерія тоже не предувѣдомлена и т. д. Наконецъ, кавалерія выступила, прошла дер. Гехи, переправилась чрезъ рѣку; весь отрядъ туда же стянулся и ожидалъ. Вотъ и князь Бековичъ выѣхалъ, и полагая, что уже опоздали, намѣревался отложить внезапное нападеніе; но когда ему сказали, что конница можетъ еще успѣть дойти до мѣста прежде разсвѣта, то онъ приказалъ ей скакать,—и понеслись наши. У кого лошадка побыстрѣе, тотъ летѣлъ, разумѣется, впереди; проводникъ отсталъ; съ дороги сбились, но все скачутъ. Иной бы радъ и остановиться,—да нельзя, сзади давятъ. Но вотъ деревня въ виду,—ура! и разсыпались по избамъ:—мужчины и женщины захвачены, весь скотъ, все имущество въ рукахъ побѣдителей. Какое торжество! Какъ удачно все кончилось! Одно только плохо, что тотчасъ же пришлось назадъ раздавать все собранное,—деревня, въ которую попали и разграбили, была мирная и покойно оставалась въ домахъ; непокорные же, воспользовавшись этимъ, успѣли выбраться въ лѣсъ и, конечно, быстрая атака нашей конницы, продолжавшаяся верстъ 5, на неизвѣстный пунктъ, изумила этихъ невѣждъ въ военномъ искусствѣ. Спасибо еще, что никого не убили, никого не ранили, только зарѣзали двухъ быковъ. Однако, чеченцы не дураки, умѣли употребить въ свою пользу нашъ порядокъ и составили огромный рецептъ потерянному ими имуществу, при семъ внезапномъ нападеніи, за которое придется казнѣ заплатить рублей 240 серебромъ.—По совершенномъ окончаніи всего, что нужно было сдѣлать послѣ описаннаго подвига, отрядъ отправился къ дальнѣйшему назначенію своему и сжегъ деревни: Иса-Юртъ, Марзаганъ-Юртъ, Атаназъ-Юртъ и Гоинъ-Хотарыжъ, а также истребилъ ихъ хлѣбныя поля. При занятіи послѣдняго аула убито унасъ 3 рядовыхъ.

15-го августа, отрядъ перешелъ къ дер. Ахшпатоу-Гойта. На этомъ переходѣ должно было проходить страшный гойтинскій лѣсъ, въ которомъ много душъ православныхъ легко и по надобности, и, просто, во славу своихъ отцевъ-командировъ:—«нехай пмъ легенько згадається». Мы узнали, что лѣсъ занятъ непріателемъ, отъ одного чеченца, который съ товарищемъ везъ на двухъ арбахъ пзъ Грозной нашему генералу дыни, арбузы и другія принадлежности продовольствія. Непокорные ихъ остановили и хотѣли отпить запасы, но кончили тѣмъ, что прогнали ихъ назадъ, а тѣ дождались насъ въ покорномъ селеніи Ахшпатоу-Гойтѣ, гдѣ расположился нашъ отрядъ. Сюрро потомъ, стали мы и сами замѣчать, что подъ лѣсомъ движутся корпуса конныхъ и пѣшихъ, и начали насчитывать уже такъ много, что на каждый такой корпусъ едва ли доставало по ротѣ въ нашемъ отрядѣ. Сверхъ того, по нѣсколько корпусовъ торчало на нѣсколькихъ крышахъ домовъ въ деревнѣ, которая видѣлась у опушки лѣса, въ правой сторонѣ дороги. Ожиданіе битвы волновало молодежь, составлявшую свиту корпуснаго командира. Они пріѣхали сюда отличатся и поучиться военному дѣлу; по имъ простительно ошибаться, когда и я, старшій воробей, будучи вытребованъ Алексѣемъ Александровичемъ, ѣхалъ съ твердою увѣренностію многому научиться.

Авангардъ и средняя колонна прошли благополучно чрезъ лѣсъ; но когда обозъ нашъ, занимающій версть 8 протяженія, ввалился въ него, то и началась перестрѣлка, продолжавшаяся довольно жарко во все время его прохожденія, въ особенности же съ арьергардомъ, по всегдашнему обычаю горцевъ. Не одинъ разъ пробовали чеченцы кидаться и въ шашки, но егеря 40 полка и прикомандированные къ нимъ 200 человекъ 43 полка отбивали ихъ,—молодцы, дай Богъ имъ здоровье! Однако, у насъ убито 3 и ранено 15 рядовыхъ, и убитъ 1 артилерійская лошадь. Можно думать, что столь значительная потеря произошла единственно отъ того, что лѣсъ не былъ надлежащимъ образомъ занятъ нашими, а

слѣдованіе прикрывалось только движущеюся стрѣлковою цѣпью. Эриванскій карабинерный полкъ оставался пазади, для истребленія нѣкоторыхъ деревень: Хожі-Рошні и Уразай-Рошні, лежавшихъ недалеко отъ нашей дороги. Ожидали, что и на него будетъ въ лѣсу нападеніе, но, напротивъ, полкъ не видалъ ни одного непріятеля, и зная чечепцевъ, надо думать, что при первомъ нападеніи они понесли порядочную потерю и не хотѣли вторично попробовать сразиться. Я замѣтилъ, что къ нашимъ большимъ экспедиціямъ считается необходимымъ присоединять ночные набѣги, и безъ нихъ большая экспедиція ставится, какъ видно, не въ экспедицію, хотя ни одинъ изъ этихъ, такъ называемыхъ, тайныхъ набѣговъ, съ отъкрытія нашей длинной зимней экспедиціи и до сего дня, никогда не удавался по желанію;—но до того дѣла нѣтъ: мы все таки ихъ отхватываемъ, хотя вся бѣда отъ нихъ на насъ же обрывается.

И такъ, 15 августа, состряпалась ночная экспедиція за рѣку Аргунъ, знаменитую трудностію переправы. Поужинавъ, мы выступили въ 11 часовъ; кромѣ перемѣны въ томъ, что ночь была не морозная и дорога не скользкая, все производилось зимнимъ порядкомъ:—та же суматоха при выступленіи, такъ же проводники не знали навѣрное куда вести, и отъ того, какъ слѣдуетъ, путались дорогою. За то, пѣхота шла удивительно; конницѣ приказано было идти полнымъ шагомъ, но пѣхота давила ее,—что за сокровище человекъ русскій!—Умножь, Господи, число дѣльныхъ ему путеvodителей!... Къ разсвѣту оказалось, что слѣдовало выступить не въ 11 часовъ, а тотчасъ послѣ зари, чтобы перейти 30 верстъ и переправиться чрезъ Аргунъ—что тоже представляло замедленіе. Князю Бековичу съ кавалеріею велѣно пуститься рысью, непременно до разсвѣта перейти Аргунъ и сдѣлать все нужное и возможное для захвата плѣнныхъ, и проч. и проч. Передъ солнечнымъ восходомъ сильный туманъ закрывалъ окрестности,—мы подходили къ переправѣ, когда началась ружейная перепалка, акомпанируемая пушечными выстрѣлами. Бродъ оказался весьма хорошъ,—не только конные,

но и вся пѣхота перешла безъ затрудненія. За рѣкою дорога лежала лѣсомъ, но онъ не былъ занятъ непріателемъ,—вдали все еще слышалась изрѣдка перестрѣлка и, по временамъ, пушечные выстрѣлы. Выходимъ на поляну передъ деревнею и, видя на противуположномъ берегу рѣки команду отъ нашей конницы, полагаемъ, что она оставлена тамъ по какимъ либо важнымъ соображеніямъ. Потомъ, проводники и переводчики начинаютъ говорить, что князь Бековичъ былъ въ деревнѣ, захватилъ нѣсколько плѣнныхъ, отогналъ скотъ и переправился назадъ чрезъ Аргунъ. Между тѣмъ, на домахъ видѣлись люди,—почему приказано поставить орудія, для дѣйствія вдоль по деревнѣ. Ничего не понимая изъ всего этого, я не вѣрилъ, что князь Бековичъ пошелъ обратно въ лагерь другою дорогою, не дождавшись прибытія пѣхоты, и полагалъ, что въ деревнѣ наши,—но что за диковина? Ни откуда нѣтъ никакого увѣдомленія: гдѣ они и что съ ними? Потомъ, открывается, что въ деревнѣ, дѣйствительно, непріатели, которые попрятались отъ дѣйствія артилеріи, и егеря заняли аулъ безъ выстрѣла. Куда же дѣвался князь Бековичъ? Что за загадка? Началось съ того, что наши не послѣдовали совѣту пословицы и, не спросясь броду, сунулись въ воду, отчего попали на глубину и заключили, что пѣхота никакъ не перейдетъ. Потомъ, опредѣлено сдѣлать на селеніе быстрый набѣгъ и немедленно возвратиться:—тутъ опять сотворилась неудача. Отъ переправы до деревни было версты 3,—не спросясь и съ этимъ, закричали ура! и понеслись въ атаку. Лошади, первоначально измученныя топтаніемъ нивъ и тому подобными продѣлками, болѣе чѣмъ на половину не могли выскакать такъ далеко, и потому, вмѣсто цѣлаго полка, въ аулъ вскакали только нѣсколько молодцевъ бековъ, на лихихъ жеребцахъ своихъ, и десятка 2—3 всадниковъ, кинувшихся въ первые дома, гдѣ и начали собирать, что больше бросалось въ глаза. Жители съ семействами были на мѣстѣ; постели ихъ даже найдены смятыми отъ почнаго сна; большая часть мужчинъ, женщины, дѣти, всѣ могли быть захвачены, и

всѣ спаслись, исключая одной женщины съ груднымъ ребенкомъ. Сверхъ того, убито 5 человекъ и забрано съ сотню рогатаго скота и разная домашняя рухлядь. Потомъ, велѣно было выскочить изъ деревни какъ можно быстрѣе; но иные не такъ ловко исполнили приказъ и изрублены. Извѣстно только, что у насъ убито 4 всадника и 5 лошадей и ранено: казачій урядникъ и 3 лошади,—по гдѣ и какъ?—О всѣхъ не знаютъ.

Опасаясь, чтобы жители окрестныхъ ауловъ не собрались на помощь сосѣдямъ, князь Бековичъ счелъ лучшимъ послѣднѣе переправиться опять на лѣвый берегъ Аргуна; но какъ бродъ, по которому переходили, оказался слишкомъ глубокимъ, то отыскивали другой—удобнѣйшій, при переправѣ чрезъ который два зрядныхъ ящика сбиты быстротою воды и съ трудомъ спасены; одинъ всадникъ утонулъ съ лошадыю, и утонули еще двѣ лошади;—прочіе же кони и всадники, вверженные хотя и не въ море, но поверженные въ горе, хотя и были сбиты и уносились по теченію, но спасены молодцами кабардинцами, которымъ этотъ случай доставилъ нѣсколько медалей за спасеніе человѣчества. Пустившись на присоединеніе къ пѣхотѣ и полагая, что подходитъ къ намъ,—князь Бековичъ все далѣе отходилъ отъ насъ и былъ уже верстахъ въ пяти отъ рѣки, когда получилъ увѣдомленіе о занятіи нами деревни, и что ему слѣдуетъ опять переправляться чрезъ Аргунь. Въ этотъ разъ, однако, каждый взялъ свои мѣры, и, благодаря Бога, никто не утонулъ. Деревня Тепли, къ которой мы подобрались, сожжена, и вытоптаны поля ей принадлежащія.

17-го августа, пустились мы обратно въ лагерь. При переходѣ чрезъ лѣсъ и переправѣ чрезъ рѣку, чеченцы очень хлопотали около насъ; но на этотъ разъ распоряженія сдѣланы такъ, что они напрасно суетились—и у насъ не было никакой потери, а имъ недаромъ обошлось. На лѣвомъ берегу Аргуна была другая деревня Тепли, давно уже оставленная жителями и заросшая бурьяномъ и полынью; но дома были цѣлы и сожжены при обратномъ нашемъ

слѣдованіи. На 18 августа опять снаряжена полуночная экспедиція изъ московскаго полка, баталіоновъ: эриванскаго, 41 егерскаго, роты піонеръ, конно-грузинскаго полка и осетинъ, при 8 орудіяхъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ выступить подъ командою полковника Засса, до разсвѣта напасть врасплохъ на немирныхъ, живущихъ вблизи нашего лагеря; но этого нельзя было сдѣлать, потому что въ каждомъ селеніи есть мирные и немирные. Мирные во всемъ помогаютъ немирнымъ, даже вмѣстѣ преусердно стрѣляютъ въ нашихъ, а когда, дѣйствуя слишкомъ смѣло, попадаютъ въ руки нашимъ, то отдѣлываются записочками въ уплатѣ штрафныхъ и податныхъ денегъ. Вообще, это сцѣпленіе мирныхъ съ немирными такъ чудно устроено, что самъ важный Магометъ расхохотался бы, если бы ему рассказать кое какія подробности, а православнымъ пришлось бы горевать;—но, ради Бога, не требуйте отъ меня толковыхъ объясненій всѣхъ дѣйствій нашихъ. Это не подъ силу мнѣ; что могу, то стараюсь выяснить. И, между прочимъ, не требуйте отъ меня основательнаго изложенія правилъ, на которыхъ основаны дѣйствія наши съ мирными и немирными. Я старался узнать ихъ отъ князя Бековича, но онъ говоритъ о многихъ предметахъ такъ, что я его не понимаю. Здѣсь должепъ я прибавить, что князя Бековича я не только уважаю, какъ достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, но и привыкъ любить его, какъ рѣдкаго товарища,—онъ былъ адъютантомъ генерала Ермолова, и мы сблизились съ нимъ во время персидскаго посольства въ 1816 и 1817 годахъ. Потомъ, онъ вытребовавъ меня къ себѣ, будучи начальникомъ карскаго пашалыка, и его настойчивому ходатайству я обязанъ производствомъ въ офицеры въ 1828 году. Наконецъ, по его же предложенію, генераль Вельяминовъ вызвалъ меня изъ полка и поручилъ исправляемую мною теперь при немъ должность. Послѣ всего этого, можно ли сомнѣваться въ искренней моей къ нему преданности? Но онъ самъ говорилъ мнѣ въ Карсѣ, что съ генеральствомъ онъ чувствуетъ себя не на своемъ мѣстѣ, и что многого ему не до-

стаетъ, и проч. Многіе ли выскажутъ подобное сознаніе? И такъ, не критику личностей ищите въ моихъ запискахъ, а сердечное желаніе добра нашей матушкѣ Россіи.

Обратимся къ ежедневнымъ событіямъ.—Чеченцамъ, съ темляками: Джембеку, Кагирману и Мамакаю предоставлена была свобода двигать, по ихъ усмотрѣнію, нашею политическою машиною; они хотя и понимаютъ механизмъ, но употребляютъ для ея устройства чеченскіе матеріалы, непрочные и негодные для помѣщенія въ общую русскую машину. Даже Семень Атарщиковъ, урядникъ моздокскаго казачьяго полка, слывшій самымъ свѣдущимъ въ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ по чеченской части, приобрѣвшій эти свѣдѣнія различными путями, посвятившій себя съ самыхъ юныхъ дней своимъ на сношенія съ чеченцами отъ лица разныхъ начальниковъ и отъ своего собственнаго и, наконецъ, заслугою знака отличія военнаго ордена оградившій себя, на первый разъ, отъ внезапнаго несчастья вторично проходитъ сквозь строй за такія съ ними сношенія, которыя, по строгости законовъ, могутъ признаваться непозволительными,—даже сей Семень Атарщиковъ, всезнающій и никогда не затрудняющійся отвѣтами, затрудняется объясненіемъ: что и для чего дѣлаютъ Джембекъ и Кагирманъ съ братіею? Говорятъ, что въ экспедиціи полковника Засса, о которой теперь рѣчь, чеченцы, называвшіе себя мирными, продолжали довольно забавныхъ штукъ, показавшихся, однако, досадными многимъ христіанамъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ штукъ не удалось никого и ничего захватить. Экспедиція эта продолжалась два дня, и истреблены непокорныя деревни: Чипохой, Устраханъ-Юртъ и Енгель-Юртъ, съ ихъ хлѣбными посѣвами. Сверхъ того, истреблены дворы и посѣвы непокорныхъ въ деревняхъ: Балахай, Поматай, Нехалой и Чахкери, только частію покорившихся,—въ деревушку же Хасъ-Ваматъ-Юртъ, состоящую изъ нѣсколькихъ землянокъ и окруженную довольно большимъ лѣсомъ, не приказано идти, потому что завоеваніе это признано несостоящимъ потери, которая

могла быть при проходѣ къ ней;—и безъ того, у насъ убито 2 рядовыхъ; ранены: 1 оберъ-офицеръ, 12 рядовыхъ и безъ вѣсти пропалъ московскаго полка барабанщикъ съ барабаномъ.

18-го же августа, посланы въ кр. Грозную, за провіантомъ и овсомъ, всѣ арбы, почти всѣ повозки и вьючныя лошади отъ конныхъ полковъ; такъ что, когда вздумалось выступить далѣе, не дождавшись ихъ возвращенія, то встрѣтилось немалое затрудненіе подняться,—копнымъ же приходилось идти пѣшкомъ, а лошадей своихъ употребить подъ вьюки. Не смотря на то, 20 числа, мы перешли къ покорившейся деревнѣ Большой-Чечень, куда на слѣдующій день прибылъ ожидаемый транспортъ, и мы переправились, 22 числа, на правый берегъ Аргуна, дошли до дер. Шали, гдѣ, оставивъ вагенбургъ подъ прикрытіемъ тифлисскаго полка, отрядъ съ одними боевыми колесницами, 23 числа, отправился къ сел. Герменчикъ, которое можно назвать столицею Чечни. Жители этой деревни до сихъ поръ поступали всегда благоразумно,—всегда мирились, когда къ нимъ подходилъ сильный русскій отрядъ, и истребляли отряды, приходящіеся имъ по силамъ. Такъ, во время экспедиціи Булгакова, былъ разбитъ близъ Герменчика баталіонъ, находившійся на фуражировкѣ, при чемъ потерю нашу считаютъ до 800 человекъ. Деревня же Шали занимала второе мѣсто въ Чечнѣ по обширности, богатству и силѣ, но для ума въ ней, видно, не былъ выстроенъ запасный магазинъ, и потому эта деревня была два раза истреблена и оттого далеко отстала отъ Герменчика, никогда еще не бывшаго истребленнымъ. Озѣ эти деревни лежатъ на р. Джалкѣ, верстахъ въ трехъ одна отъ другой. По дорогамъ, откуда насъ ожидали, сдѣланы были завалы; но мы свернули въ сторону и, безъ малѣйшаго препятствія переправясь чрезъ рѣку, стали на полянѣ, у входа въ деревню. Въ завалѣ кипѣлъ народъ; во всемъ лѣсу показывались партіи,—явно было, что непріятель въ большомъ сборѣ и, конечно, всего не менѣе 3/г.,—но что же значило это сборище для нашихъ силъ? Часа два томили мы ихъ переправою и движе-

ніями, и передвиженіями нашими, передъ ихъ глазами. Наконецъ, распоряженія кончились, открылась канонада по деревнѣ болѣе, чѣмъ изъ 20 орудій, и каждому орудію приказано выпустить по 20 зарядовъ. Можно было догадываться, судя по мѣстности и мѣстнымъ обстоятельствамъ, что большая часть защищающихся выдержитъ канонаду и, потомъ, ударить на пѣхоту. Такъ и случилось. Бутырскій полкъ, не успѣвъ еще отойти отъ батареи, былъ уже встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; по этотъ полкъ не заминается. Полковникъ Пирятинскій всегда впереди,—въ этотъ разъ онъ отдѣлался ничтожною царапиною въ мизинецъ, и пошла потѣха. Выстрѣлы отдавались далѣе и далѣе; во всѣ стороны видны бѣгушіе—изъ деревни, въ лѣсъ. Часть конницы послали на правый флангъ; непріятель изъ кустовъ и закрытыхъ мѣстъ усиливался остановить ее и началъ было снова занимать уголъ деревни на упомянутомъ флангѣ нашемъ, по скоро выбить отсюда. Здѣсь раненъ полковникъ Зассъ, легко въ ногу, и командиръ конно-грузинскаго полка, князь Андронниковъ, тяжело въ бокъ. Московскій полкъ набѣжалъ на одинъ домъ, въ которомъ заперлись человѣкъ 30 мятежниковъ; они не слушали предложеній о сдачѣ,—объявили, что рѣшились всѣ умереть и стрѣляли по всѣмъ, кто показывался имъ. Майоръ Филоновъ бросился къ избѣ и убить. Чтобы не терять напрасно людей, приказано зажечь домъ, пробивать стѣны картечью,—но сколько ни дѣлали имъ всякаго рода притѣспеній, они отстрѣливались, пѣли молитвы и продолжали упорствовать до самаго вечера. Когда же придумали бросить къ нимъ въ трубу разныя горючія и сжигаемыя вещества, то, выкуриваемые дымомъ, они тотчасъ начали выскакивать:—иные намѣревались пробиться, были убиты; 11 человѣкъ сдались. Слава Богу, что немногіе такъ защищались, а то мы могли бы очень много потерять. Теперь же у насъ убито: 1 штабъ-офицеръ и 10 рядовыхъ, ранено: 2 штабъ-офицера и 53 рядовыхъ. Лошадей убито: въ кавалеріи 1, ранено 11, и въ артилеріи 2 лошади тяжело ранены. Непріятель же, кромѣ 11 плѣнныхъ, оставилъ въ дерев-

и болѣе 40 труповъ и, безъ сомнѣнія, имѣлъ много раненыхъ. Можно утвердительно сказать, что это пораженіе и уничтоженіе знаменитаго въ Чечнѣ Герменчика произведетъ большое впечатлѣніе не только на чеченцевъ, но и на другихъ горцевъ;—значительность же потери ихъ доказывается еще и тѣмъ, что тотчасъ по занятіи деревни былъ посланъ баталіонъ съ коннымъ полкомъ за вагенбургомъ и не встрѣтили нигдѣ нападенія, а также и въ лагерѣ, и въ деревнѣ все тихо—и только изрѣдка слышны ружейные выстрѣлы и показываются изъ лѣса наѣзники.

24-го августа, окончательно жгли деревню и подрубливали сады; сегодня же, 25 числа, тоже самое продолжается;—дѣло идетъ на очистку. Въ Герменчикѣ были весьма хорошіе, по чеченски, дома; въ одномъ изъ нихъ видѣли даже стѣны съ обоями; можетъ быть, и еще находились подобнымъ же образомъ украшенные дома. Всѣ 11 мечетей оставлены въ цѣлости; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ минареты и сдѣланы по способу русскаго построенія—рубленныя; были и дома такой же постройки,—но вообще, всѣ строенія состояли изъ мазанокъ, довольно чистыхъ. Герменчиковцы могутъ тоже хвалиться водою; въ р. Джалкѣ вода чистая, хорошая, проведенная въ разныхъ направленіяхъ ручейками по деревнѣ, и всѣ жители имѣютъ воду подъ рукою. Здѣсь считалось болѣе 700 дворовъ, которые съ садами занимали квадратную версту.

Теперь долженъ я рассказать нѣкоторыя подробности о Казимуллѣ и его дѣйствіяхъ. Онъ опять сдумѣлъ наварить намъ порядочной каши. Почти всѣ салатавцы и ауховцы опять сбиты имъ съ толку, и почти всѣ опять къ нему пристали,—слѣдовательно, наша зимняя экспедиція не принесла желаемыхъ плодовъ. По свѣдѣніямъ, что Казимулла съ партіею находился въ новомъ Андреевѣ и намѣренъ разорять кумыковъ и наказывать покорныхъ намъ вообще, а также острить зубы на наши города и станицы по Тереку, предписано принять повсюду строжайшія мѣры осторожности, ибо посѣщеніе имъ Кизляра еще не вышло изъ памяти. Потомъ

узнали, что онъ, мпшовавъ кумыковъ, сжегъ мирныя качкалыковскія деревни, а вслѣдъ затѣмъ получено донесеніе, что полковникъ Волжинскій, 18 августа, съ 500 казаковъ и двумя орудіями, переправился на правый берегъ Терека при Амиръ-Аджи-Юртѣ, а 19, напалъ, при деревнѣ Шавдонъ-Юртѣ, на партію Кази-муллы, въ числѣ до 2/т. человекъ. Сначала, казаки разсѣяли непріятеля и преслѣдовали его даже за качкалыковскій хребетъ,—старикъ Волжинскій слишкомъ далеко занесся, мятежники опомнились, кинулись на казаковъ, опрокинули ихъ и обратили въ бѣгство. Впрочемъ, чеченцы, бывшіе свидѣтелями этого сраженія, говорятъ, что наши дрались отчаянно, и только часть казаковъ разсѣялась; прочіе же отступили въ порядкѣ къ Амиръ-Аджи-Юрту, по въ руки Кази-муллы достались оба орудія, со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ; 16 же артиллеристовъ всѣ перебиты. Волжинскій тоже убитъ; сверхъ того, убито 2 оберъ-офицера и 90 казаковъ; а ранено 3 оберъ-офицера и 46 казаковъ.

Маіоръ Калачевскій, командующій отрядомъ въ кумыкскихъ владѣніяхъ, въ составѣ баталіона херсонскаго гренадерскаго и баталіона эриванскаго карабинернаго полковъ, узнавъ о происшедшемъ, присоединилъ къ своему отряду казаковъ, отступившихъ къ Амиръ-Аджи-Юрту, послѣ пораженія Волжинскаго, и пустился въ преслѣдованіе Кази-муллы. Настигнувъ мятежниковъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, не встрѣтя большаго сопротивленія;—что произошло отъ совершеннаго разстройства непріятеля послѣ сраженія съ казаками. Затѣмъ, большая часть чеченцевъ разошлась по домамъ съ тѣлами своихъ убитыхъ, съ добычею и ранеными, а Кази-мулла отошелъ къ Маюртупу и въ окрестностяхъ оставилъ взятые имъ орудія, но въ какомъ именно селеніи—свѣдѣнія разнорѣчивы. Для распоряженій на линіи и въ кумыкскихъ владѣніяхъ, отправился, 20 августа, ночью, князь Бековичъ съ казаками гребенскаго войска и донскимъ казачьимъ Карпова полкомъ, съ осетинами, назрановскою милиціею, и малокабардинцами—и теперь не страшны тамъ попытки Ка-

зи-мулы, который вертится около насъ, и въ день занятія Герменчика находился въ лѣсу, но въ деревню не въѣзжалъ. Онъ придавъ въ помощь чеченцамъ часть своей партіи, приказавъ всѣмъ защищаться упорно, обѣщая ударить па насъ въ тылъ, когда станемъ занимать деревню, но не успѣлъ того сдѣлать. Говорятъ, что онъ обвинилъ жителей въ слабомъ сопротивленіи и наложилъ на нихъ 2/т. барановъ штрафа; самъ же отправился, но еще неизвѣстно куда, и вообще, извѣстія о немъ требуютъ подтвержденія, ибо лазутчики наши вовсе ненадежны.

25-го августа. При нынѣшней фуражировкѣ была небольшая, но невыгодная для насъ перестрѣлка;—убить 1 и ранено 2 рядовыхъ; видѣли, что одного со стороны непріятельской тоже подсиѣлъ всадникъ закавказскаго полка, но неизвѣстно, убилъ ли его наповаль, или только тяжело ранилъ.

26 августа. Сейчасъ приходили къ генералу герменчиковскіе старшины, съ изъявленіемъ покорности. Главный изъ нихъ, веселый старикъ, говоритъ, что онъ весьма доволенъ разореніемъ герменчиковцевъ, именно потому, что они впередъ будутъ умнѣе и больше станутъ слушать его совѣтовъ, которыми пренебрегли въ настоящемъ случаѣ. Онъ довольно умно шутилъ, или лучше сказать: *il faisait bonne mine à mauvais jeu*,—но болѣе и требовать отъ него ничего нельзя. Сегодня командиръ эриванскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ князь Дадіанъ, съ своимъ полкомъ, 40 егерскимъ и 1 конно-закавказскимъ, при 6 орудіяхъ, ходилъ жечь непокорившуюся дер. Шали и истребить посѣвы; при чемъ была небольшая перестрѣлка съ непріателемъ, засѣвшимъ въ лѣсу, и у насъ ранено 2 рядовыхъ. Въ Герменчикѣ мы видѣли случай, заслуживающій вниманія. Ординаторъ грозненскаго госпиталя, лекаръ Гусевъ, слѣдуя къ своему новому назначенію, въ кр. Бурную, прикомандированъ здѣсь къ бутырскому полку. При занятіи деревни, онъ, въ первый разъ, попалъ въ сраженіе и очутился въ довольно жаркомъ огнѣ, идя съ подкомъ. Онъ слышитъ вокругъ себя свистъ

пуль; видить ожесточеніе чеченцевъ, съ пашками въ рукахъ бросающихся па нашихъ; видить—раны, кровь, смерть вокругъ; ожидаетъ на каждомъ шагу собственной гибели,—и слишкомъ сильно пораженный всѣмъ его окружающимъ, теряетъ рассудокъ. Рѣдко можно встрѣтить столь сильное дѣйствіе испуга:—онъ падаетъ на землю, кричитъ, закрываетъ лицо руками, проситъ пощадить его, говоритъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ; что онъ шелъ въ деревню обѣдать; что онъ самъ шелъ къ нимъ, то есть, къ чеченцамъ—и разный подобный вздоръ. Лицо его выражало живую картину ужаса въ высочайшей степени; голосъ его дикъ до невѣроятности. Онъ узнавалъ нѣкоторыхъ, но продолжалъ говорить нелѣпицу, напримѣръ: когда подъѣхали наши генералы и старались его успокоить, то онъ, величая ихъ превосходительствами, не переставалъ умолять о пощадѣ; увѣрялъ, что ни въ чемъ не виноватъ, что давалъ лекарства своимъ больнымъ и т. п. Однимъ словомъ, совсѣмъ сошелъ съ ума. Ему бросили кровь, и проѣзжая потомъ мимо его, я слышалъ, какъ онъ бормоталъ: «Вотъ справедливость; я ни въ чемъ «не виноватъ, а меня за мошенника и подлеца зарѣзали.» Однако, послѣ кровопусканія началъ мало по малу успокоиваться, приходитъ въ себя, говорилъ о припадкѣ своемъ, что причиною тому былъ страхъ, имъ овладѣвшій; наконецъ, совсѣмъ опомнился. Вчера хотѣли его отправить въ кр. Грозную лечиться, но онъ просилъ оставить его въ отрядѣ,—что и исполнено, въ предположеніи, что припадокъ его совершенно миновался. Вчера же, вечеромъ, являются два чеченца съ извиненіемъ, что они поймали въ лѣсу пьянаго офицера и хотѣли доставить его въ лагерь, но третій товарищъ не соглашается отдавать его. Оказалось, что это не пьяный офицеръ, а лекарь, къ которому возвратился припадокъ сумашествія, и онъ ушелъ изъ лагеря и попался къ чеченцамъ. Старшинамъ приказано непременно его доставить, и скоро потомъ пріѣхали отъ нихъ съ просьбою прислать солдатъ взять его, потому что сами они не сладятъ съ нимъ; что онъ царапаетъ и бьетъ дубиной къ

нему приближающихся; связать же офицера они не смѣютъ. Имъ позволено связать, и по доставленіи этого бѣдняка въ лагерь, они со смѣхомъ рассказывали о разныхъ его проказахъ и, между прочимъ, слѣдующее: «Чеченцы, говорилъ онъ, если хотите хорошо жить, возьмите кизилу, сварите его съ медомъ, протрите черезъ «сито и пейте,—и сладко вамъ будетъ.» Безъ сомнѣнія, когда имъ переводили его рассказъ, то всѣ убѣдились, что подцѣпили не пьянаго, и что онъ не притворяется, а дѣйствительно сумашедшій, и потому-то они не слишкомъ упорствовали въ его возвращеніи. Не думаю, чтобы много было примѣровъ подобнаго дѣйствія страха на человѣка,—видно, г. Гусевъ не сотворенъ быть воиномъ-героемъ.

27 августа, нолковникъ Шумскій, съ полками: 40 егерскимъ, московскимъ, конно-грузинскимъ и 2 конно-закавказскимъ, при 6 орудіяхъ, посланъ для истребленія непокорныхъ деревень въ окрестностяхъ дер. Шали. Аулы:—Гойтаръ-Юртъ и Аханъ-Юртъ сожжены, и хлѣба ихъ истреблены; но болѣе сдѣлать не успѣли, потому что пришлось вытоптать обширныя поля проса и кукурузы. Въ происходившей при томъ перестрѣлкѣ, съ нашей стороны раненъ 1 рядовой; а у чеченцевъ, при дѣйствіи изъ орудій, убиты: 1 мужчина, 1 женщина и ранены тяжело 2 чеченца ружейными выстрѣлами. Переночевавъ при деревнѣ Гойтаръ-Юртъ, отрядъ, 28 числа, уничтожилъ посѣвы и деревни: Лемги-Юртъ, Назари-Юртъ, Озденги-Юртъ, Урусбей-Юртъ, Сала-Юртъ и Кесаерза-Юртъ. При занятіи ихъ вездѣ встрѣчено сопротивленіе, въ особенности при Аханъ-Юртѣ и Сала-Юртѣ. Обѣ эти деревни болѣе прочихъ углублены въ лѣсъ, а къ передней части послѣдней прилегаютъ весьма глубокій оврагъ, на правой сторонѣ котораго были устроены завалы. Здѣсь застрѣльщиками и всадниками конно-грузинскаго полка убито 5 чеченцевъ, которыхъ тѣла остались на мѣстѣ, а судя по упорству защиты, надо полагать, что у нихъ много раненыхъ. Съ нашей же стороны убитъ 1 всадникъ конно-грузинскаго полка; ранены всадники полковъ: конно-грузинскаго 1 и 2-го конно-закавказскаго 1, въ послѣд-

немъ полку ранены тоже 2 лошади. Всадники конно-грузинскаго полка при всякомъ случаѣ выказываютъ примѣры блистательной храбрости. Вездѣ, гдѣ только они имѣли возможность, не жалѣя своихъ шей, срѣзывать чеченцамъ головы—вездѣ преусердно это исполняли. Извѣстно, что грузины славятся за Кавказомъ храбростію, но, не отнимая имъ принадлежащаго, я считаю справедливымъ сказать, что здѣсь, въ этомъ грузинскомъ полку, находятся нѣсколько тушинъ, а тушинамъ даже и грузины всегда уступаютъ. Тушинъ я видѣлъ въ бою еще въ Грузіи, и никогда не могъ надивиться отчаянной храбрости этихъ людей;—географическое положеніе ихъ земли дѣлаетъ каждого изъ нихъ героемъ;—стѣсненные непріязненными племенами, они ежедневно сражаются и, такъ сказать, привыкли къ смерти;—они съ молокомъ матерей всасываютъ храбрость. Сильные сосѣди ихъ—лезгины, боятся рѣшимости тушинъ, и только превосходство въ силахъ позволяетъ лезгинамъ бороться съ ними. Эти то тушины и вчера, какъ всегда, первые бросались на непріятелей, убили трехъ и, не останавливаясь надъ тѣлами, схватили только оружіе и гнались далѣе за убѣгающими. Когда же схватка кончилась, они возвратились къ трупамъ, чтобы пообрѣзать ихъ. Обычай тушинъ велитъ непременно доставить какое либо неоспоримое доказательство побѣды. Видя свою собственность въ чужихъ рукахъ, они требовали отъ грузинъ возвращенія головъ убитыхъ ими чеченцевъ, но тѣ не соглашались, и возникъ споръ. «Вы трусы, говорили тушины,—мы всегда, бросаюсь впередъ, жертвуемъ жизнію, проливаемъ свою кровь,—а вы, оставаясь назади, хотите пользоваться нашими трудами. Возьмите лучше оружіе, отнятое нами у враговъ; мы не ищемъ добычи, намъ нужна слава. Вы трусы: насъ было двадцать—и шестерыхъ уже нѣтъ; васъ же цѣлый полкъ—и нѣтъ ни одного раненаго». Много хорошаго есть въ чувствахъ и понятіяхъ тушинъ; я бы могъ распространиться нѣсколько объ этомъ племени, заслуживающемъ уваженія по воинскимъ своимъ доблестямъ, но времени свободнаго не такъ-то у меня много.

29-го августа. Герменчиковцы, автуровцы, маюртуповцы и почти всѣ окрестные чеченцы изъявляютъ покорность, доставляютъ плѣнныхъ пашихъ, податъ, штрафы,—исполняютъ всѣ требованія. Не смотря на то, каждый день на фуражировкахъ бываетъ перестрѣлка, и сегодня раненъ 1 артиллеристъ, 1 лошадь и, сверхъ того, 1 артельная лошадь, вырвавшись изъ рукъ, ушла къ непріятелю. Не подумайте, что эти перестрѣлки заводятъ воинство Кази-муллы, приходившее на помощь чеченцамъ. Нѣтъ, Кази-мулла съ своею шайкою и двумя нашими орудіями улетѣлъ куда-то на коврь самолетъ такъ, что никто достоверно не знаетъ, куда онъ дѣвался. Иные говорятъ, что онъ отправился домой; другіе, что къ салатавцамъ; нѣкоторые же утверждаютъ, что пустился къ андійцамъ, которые тоже пришли было въ секурсть къ герменчиковцамъ, но, съ переменною обстоятельствомъ, перемѣнили свои воинственные намѣренія на мирную политику и присылали къ намъ своихъ посланниковъ съ увѣреніями—въ готовности выполнять всѣ требованія нашего начальника;—съ чѣмъ мы ихъ и себя поздравить честь имѣемъ.

30-го числа. Вчера эриванскій карабиперный полкъ, баталіоны 41 егерскаго и тифлискаго полковъ, 1 конно-закавказскій полкъ, съ 6 орудіями, ходили, подъ начальствомъ князя Дадіана, истреблять непокорившіяся деревни: Анзель-Юртъ и Чингорай-Юртъ. Деревни эти сожжены, посѣвы ихъ вытоптаны, фруктовыя деревья срублены, и въ перестрѣлкѣ, бывшей при исполненіи этого, раненъ прикомандированный къ эриванскому полку алшеронскаго полка поручикъ Гоувальтъ, сегодня умершій; сверхъ того, ранено 4 рядовыхъ, тоже умершихъ, и 2 закавказскихъ всадника. Отчего такъ велика потеря наша здѣсь, не берусь опредѣлить,—не говорили ни о сопротивленіи упорномъ, ни о нападеніи блистательномъ. Сегодня же, полковникъ Пирятинскій, съ 40 егерскимъ полкомъ, баталіонами бутырскаго и московскаго полковъ, 2 конно-закавказскимъ полкомъ, при 6 орудіяхъ, ходитъ истреблять деревни: Халкечикъ-Ажа и Мескиръ-Юртъ,—но опѣ не допустили пашихъ къ себѣ, доставили ама-

натовъ и потому оставлены въ покоѣ. Отъ первой изъ этихъ деревень вчера поздно вечеромъ привезли аманата, а сегодня, когда отрядъ проходилъ мимо, то видѣли, что женщины съ дѣтьми возвращались уже въ деревню, куда гнали и скотъ. Эта поспѣшность означаетъ, вѣроятно, что имъ въ лѣсахъ не весьма удобно помѣщаться, особенно по недостатку корма для скота.

31-го августа. Костековскій житель Ханъ-Хамизевъ, служившій въ Россіи въ какомъ то полку, потомъ, изъ 43 егерскаго полка выпущенный въ отставку поручикомъ, всего болѣе извѣстенъ тѣмъ, что при началѣ возмущенія присоединился къ Кази-муллѣ, и съ тѣхъ поръ былъ ревностнѣйшимъ его помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ. Бродячая, ненадежная жизнь Кази-муллы и роль его—апостола или послѣдователя, вѣроятно, наскучили Хамизеву, и онъ хлопоталъ о прощеніи и получилъ его,—сегодня явился къ намъ въ лагерь. Я ничего еще не слыхалъ порядочнаго изъ его разсказовъ, а потому не могу ничего и сообщить. О Кази-муллѣ получены извѣстія, что онъ въ дер. Боянъ, откуда намѣревался шляться по разнымъ мѣстамъ, для собранія войска; но, видно, обстоятельства его плохи, и всѣ уже оставляютъ его, если и Хамизевъ бросилъ. Переходъ къ намъ Хамизева, кажется, можетъ ускорить нѣсколько общую склонность къ повинной. Впрочемъ, и безъ того дѣла наши приходятъ къ концу; изъ всѣхъ получаемыхъ свѣдѣній видно, что не только чеченцы, но и всѣ здѣшніе горцы находятся въ величайшемъ страхѣ и только твердятъ между собою о покорности. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя ожидать, чтобы отрядъ вырвался изъ за Терека прежде октября. Это прекращеніе ходьбы и стрѣльбы было бы очень пріятно и полезно для края, для войскъ и для казны. Если бы этимъ хожденіемъ что нибудь упрочивалось на будущее, то не напрасно бы оно и предпринималось;—но кто осповательно поручится, что Кази-мулла, съ весною, опять не подниметъ всѣхъ, теперь намъ передающихся, и Хамизевъ опять къ нему не пристанетъ, и опять будутъ вмѣстѣ смѣяться надъ мудростію на-

шею,—разумѣется, если обоимъ имъ не дадутъ порошка на вѣки усыпляющаго. Что касается до меня, то я твердо убѣжденъ, что если не придумаютъ дополненія къ нынѣшней методѣ усмиренія горцевъ, то и моему сыну придется еще подвизаться при усмиреніи буйныхъ сыновъ дикаго Кавказа. За симъ, могутъ слѣдовать всѣ стихотворные и прозаическіе эпитеты, придаваемые и первымъ, и послѣднему. Далѣе, усердная молитва: да сохранить Господь небесный и Марія, мать Его, моего Владиміра отъ подобной славы;—и въ заключеніе чтеніе псалма:—вскую шаташеся языцы и людіе двигаются тщетно и ничему не поучахуся. Аминь.—

Вечеръ 31 числа. Я забылъ сказать, что третьяго дня корпусный командиръ роздавалъ георгіевскіе знаки нижнимъ чинамъ за экспедицію, и въ особенности за занятіе Герменчика. Скорая награда болѣе поощряетъ людей, и въ нашемъ отрядѣ прибавилось 71 кавалеръ, которые, какъ водится, превесело будутъ нѣсколько дней смотрѣть на свѣтъ божій. Какъ пріятно видѣть сердечное удовольствіе человѣка; какъ оскорбительно видѣть человѣка холоднаго ко всему, что не къ нему, а къ другому относится. Въ моихъ глазахъ эгоистъ есть существо презрительное и вмѣстѣ жалкое, униженіе рода человѣческаго, упрекъ онъ Богу на землѣ.—Сегодня я былъ при погребеніи Гоувальта, куда потомъ пришелъ корпусный командиръ и многіе офицеры. Погребеніе, и многіе другіе предметы, часто возбуждаютъ размышленія о разныхъ разностяхъ, и невольно углубляешься въ разсматриваніе нравственнаго человѣка. Какое странное, необъяснимое созданіе—человѣкъ!... Но это мой любимый конекъ, и если я сяду на него, то конца не будетъ.

1-го септября. Герменчиковцы разсудили, что многія требованія наши слишкомъ неосновательны, и потому согласились ихъ не исполнять; а съ нашей стороны посланъ былъ вчера истреблять ихъ посѣвы полковникъ Пирятинскій, съ бутырскимъ полкомъ и баталіонами: 41 егерскаго и тифлискаго полковъ, конно-грузинскимъ и 1 конно-закавказскимъ, при 8 орудіяхъ. Отрядъ этотъ истребилъ

множество проса и кукурузы—за что ранено 7 рядовыхъ. Сегодня же мы, всѣмъ кагаломъ, поднялись изъ лагеря при Герменчикѣ и перешли къ дер. Автуръ, жители которой тоже дразнили насъ прежде миромъ, а нынче приняли ружейнымъ огнемъ изъ лѣса, когда передовая цѣпь наша стала подходить къ деревнѣ; при чемъ раненъ 1 карабинеръ. Потомъ, Автуръ занятъ безъ дальнѣйшаго сопротивленія, сожженъ до основанія, и поля и сѣна истреблены огнемъ, ногами солдатъ и косами фуражировъ. За всѣ эти штуки у насъ ранено только 2 нижнихъ чина.

2-го числа. Верстахъ въ трехъ отъ Автуръ находится дер. Сеидъ-Юртъ, принадлежащая мирзѣ Сеиду, одному изъ первыхъ пріятелей Кази-муллы, въ которую, по разореніи Герменчика и другихъ деревень, собрались еще 4 муллы, выжиги извѣстные. Эта деревня расположена на полянѣ, въ срединѣ густаго лѣса, и потому почиталась весьма крѣпкою по своему мѣстоположенію и, слѣдовательно, очень уважалась по здѣшнимъ понятіямъ. Гнѣздо это надо было разорить, и сегодня приказано полковнику Пирятинскому, съ полками: бутырскимъ, московскимъ, баталіонами: 41 егерскаго и эриванскаго, одною ротою саперъ, при 8 орудіяхъ, отправиться туда и произвести надъ этою твердынею обыкновенную операцію истребленія. Едва авангардъ отряда началъ переправляться чрезъ рѣку, близъ самаго лагеря, какъ непріятель открылъ сильный ружейный огонь изъ кустовъ;—не проминавали и паши сей вѣрной окаязіи, чтобы не пустить такой батальный огонь, что, со всею привычкою не вѣрить подобному шуму, мы полагали, что эта потѣха не обойдется даромъ,—однако, у насъ никого не ранили. Потомъ, противники наши ушли защищать деревню, откуда ихъ тоже выгнали, и занявъ—зажгли установленнымъ порядкомъ, истребивъ кругомъ посѣвы. На возвратномъ пути была опять перестрѣлка, не такъ удачно кончившаяся, и у насъ ранено 5 человекъ. Вѣроятно, и съ противной стороны не обошлось безъ потери, по о числѣ убитыхъ у нихъ и раненыхъ нѣтъ никакого извѣстія.

3-го числа. Вчера, спустя часа два послѣ зари, слышали мы голосъ Ольшевскаго (довѣреннаго адъютанта генерала Вельяминова): «Послать ко мнѣ Пирятинскаго; послать капитана Дюнанта!» По этимъ признакамъ мы привыкли уже угадывать, что будетъ ночная экспедиція;—точно также, какъ простолюдины по крику пѣтуха узнаютъ время ночи; а судя потому, кого требуютъ, мы наметались нѣсколько предузнавать: идетъ ли самъ Алексѣй Александровичъ въ экспедицію, или посылается кто нибудь изъ мелкопомѣстныхъ командировъ. Для лучшаго разгадыванія подобныхъ тайнъ, нужно тоже принимать въ соображеніе тонъ приказовъ, суету и многія, многія обстоятельства... Но чему человѣкъ не научится? Напримѣръ:—не зовутъ Калмыкова—значитъ, что выюки генеральскіе не нужны; дворецкій тоже не потребованъ; палатки генеральской не снимаютъ,—рѣшено: генераль не идетъ, и я могу преспокойно ложиться спать. Изъ духа же приказаній мы прочитали, что идетъ полковникъ Пирятинскій съ отрядомъ ловить семейства въ лѣсу, и что въ первый разъ во всю экспедицію рѣшились не посылать пушекъ, а кегорповы мортиры; ими капитанъ Дюнантъ распоряжается—и его звали. Счастливый путь! и я не хлопочу болѣе о тайнѣ, кому суждено не спать эту ночь. Впрочемъ, это первая ночная экспедиція, которая можетъ принести пользу большой ночной экспедиціи—и будетъ или не будетъ успѣшно кончена, —все таки чеченцы очень испугаются, увидѣвъ, что и въ лѣса къ нимъ начинаютъ таскаться, а они не могутъ близко къ намъ оставлять свои семейства, даже и въ лѣсахъ. Это заставитъ ихъ или слишкомъ далеко забиваться отъ своихъ селеній и нашихъ дороги, или придастъ имъ охоты скорѣе соглашаться на наши предложенія. И то, и другое полезно, если не для Россіи, то, по крайней мѣрѣ, для желающихъ скорѣйшаго окончанія подвиговъ нашихъ. Можетъ быть, вы пожелаете узнать число охотниковъ скорѣе кончить нашу жатву проса, кукурузы и славы?—то по самому точному вычисленію должно оказаться, что на 10/т. христіанъ разныхъ исповѣданій, магометанъ различныхъ

сектъ и народовъ, невѣрующихъ ни въ Бога, ни въ сатану и составляющихъ наше воинство—около 9,999 человекъ непременно молятъ, каждый свое божество, о выводѣ его съ театра здѣшней брани на землю обѣтованную, и какъ можно поспѣшнѣе.—Но не о томъ рѣчь. Сегодня, съ зарею, началось въ лѣсу хлопанье изъ ружей, и нѣсколько гранатъ изъ мортирокъ взлетѣли выше лѣса стоячаго,—но по взрывамъ ихъ нельзя было догадаться: успѣшно ли идутъ наши дѣла! А когда отрядъ возвратился въ лагерь, то узнали, что у насъ убито 4 и ранено 19 рядовыхъ изъ отряда, состоявшаго изъ бутырскаго полка, баталіона московскаго и баталіона 41 егерскаго полковъ. Въ добычу же нашимъ досталось: нѣсколько телятъ, буйволятъ, черная корова, нѣсколько дрянныхъ ковровъ, мѣдныхъ котловъ, кувшиновъ, одѣялъ и разной домашней рухляди. Сверхъ того, на мѣстѣ видѣли 3 непріязненныхъ трупа, а въ лагерь тушины привезли 1 голову и 1 кисть правой руки,—за то, у всѣхъ тушинъ я не замѣтилъ никакой другой добычи. Отчего произошла такая блистательная неудача этой экспедиціи—не могу опредѣлить; знаю только, что лазутчика, служившаго проводникомъ, нельзя подозрѣвать, что онъ, бывши въ кочевкѣ этихъ семействъ, предупредилъ ихъ, потому что онъ не оставили бы своего имущества на расхищеніе, имѣя болѣе 12 часовъ на перевозку его въ другія мѣста. Наконецъ, къ оправданію проводника служить слѣдующій разсказъ Ольшевскаго о немъ и, вообще, объ этой экспедиціи: «Я давно уже намѣревался, говорилъ Ольшевскій прежде возвращенія изъ ночной экспедиціи отряда Пирятинскаго,—устроить подобную экспедицію; но до сего времени нельзя было этого исполнить. Одинъ изъ жителей здѣшнихъ (то есть дер. Автуръ) приходилъ еще въ Герменчикъ съ извѣстіемъ о мѣстахъ, гдѣ скрываются семейства непокорныхъ; но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, я все откладывалъ до удобнѣйшаго случая. По приходѣ сюда, онъ опять явился ко мнѣ съ такими же вѣстями. Видя, наконецъ, возможность привести въ исполненіе давнишнее мое намѣреніе, я объяснилъ его

«генералу, который сначала колебался, не доверяя проводнику, но, «убѣдясь моими словами, пошелъ къ корпусному командиру. Я «полагалъ, что тамъ не согласится; однако, стало на нашемъ, и для «вѣрнѣйшаго успѣха мы поручили это дѣло Пирятинскому, хотя и «жалъ его бѣднаго;—онъ вовсе не имѣетъ отдыха. Но что же дѣ- «лать—пусть потрудится. Въ проводникъ же я совершенно «увѣренъ, ибо я объявилъ ему, что, въ случаѣ обмана, прикажу «сжечь его домъ, истребить посѣвы, да и самъ онъ отъ меня не «отвертится». Послѣ этого, конечно, проводникъ не осмѣлился бы подшутить надъ г. Олышевскимъ. По возвращеніи Пирятинскаго въ лагерь, весь отрядъ перешелъ къ дер. Гельдигену и остановился между ею и небольшою деревушкою Османъ-Юртъ, жители которой сказали, что они покорятся, а потому дома и посѣвы ихъ оставлены въ цѣлости; принадлежащее же буйнымъ гельдигенцамъ—все легло прахомъ на земли ихъ. Въ продолженіе всего нынѣшняго перехода нѣсколько чеченцевъ упорно преслѣдовали насъ и ранили 1 офицера тифлисскаго полка.—
